

ISSN 0013-3506

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 11

1982

10.235/
1982/5

36736540
803401033

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу	3
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	6
Речь товарища Ю. В. Андропова	8
Речь товарища К. У. Черненко	11
Юрий Владимирович Андропов	14

К 90-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ГРУЗИНСКОГО ПОЭТА
ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Стихи. Перевод Я. Гольцмана, Б. Резникова, Д. Беридзе, Г. Маргвелашвили, В. Еременко, Е. Квитницкой, И. Дадашидзе, И. Бухникашвили, Л. Асатиани, П. Урушадзе	16
---	----

ПРОЗА

ГИВИ МАГУЛАРИЯ. Повстанцы. Повесть. Перевод В. Федорова-Циклаури	34
ДАВИД ЧХИКВИШВИЛИ. Рубашка. Рассказ. Перевод Зураба Ахвледиани	73
ВИЛЬЯМ ХАЦКЕВИЧ. Слишком много математики. Повесть	82

11

1982

К 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

БАЗЫР ВАМПИЛОВ, ГЕОРГИЙ КАРНАУХОВ.

«...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги» 137

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

РЕВАЗ ТВАРАДЗЕ. Постигжение вечного в мгновении 160

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ. Синтез музыки, цвета и слова... 168

НИНО АНАНИШВИЛИ. «Вы так прекрасны, вы поэт!» 181

ОЧЕРК

ПААТА НАЦВЛИШВИЛИ. Аргонавтика Автандила Микаберидзе. Перевод Дали Цуладзе . 185

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

АНДРЕ КАРБЕЛАШВИЛИ. Григол Орбелиани и первые электроны через Кавкасион 203

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

РОДИОН КОРКИЯ. Корней Чуковский пишет в Грузию... 207

ИСКУССТВО

НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ. Два решения одного спектакля 209

РУСУДАН ТИКАНАДЗЕ. Эскиз портрета Георгия Шенгелая 214

ХРОНИКА 159, 221

ОБРАЩЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС,
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР,
СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и боец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присущими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Полит-

ს. მარტინი სპ. სპ. სსრ
სახელმწიფო რესპუბლ.

бюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене—политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным проискам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплываются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо знают: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в жизнь. Партия будет и впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Про-

довольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении сою- за рабочего класса, колхозного крестьянства и народ- ной интеллигенции, об укреплении социально-полити- ческого и идейного единства советского общества, брат- ской дружбы народов СССР, об идеологической закал- ке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетар- ского, социалистического интернационализма.

Неизменна воля советского народа к миру. Не под- готовка к войне, обрекающая народы на бессмыслен- ную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтраш- ний день. Эта благородная идея пронизывает Програм- му мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую дея- тельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обста- новки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не мо- жет поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы бу- дем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет со- крушительный ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бди- тельность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней поли- тики, Советский Союз будет упорно бороться за то, что- бы отвратить от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, ми- ролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и органи- затора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Не- поколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно

укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целеустремленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

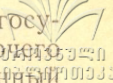
О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся

ся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исключительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошло в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего

укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Ю. В. АНДРОПОВА

Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубоко гуманный. Беззаветная преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории, неизменные уважение, чуткость и внимание к людям — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и в народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

Леонид Ильич говорил, что каждый день его жизни неотделим от тех дел, которыми живут Коммунистическая партия Советского Союза, вся Советская страна. И это было действительно так.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление, освоение целины и исследование космоса — все это великие вехи на пути труда

и борьбы советского народа и в то же время — вехи биографии коммуниста Леонида Ильича Брежнева.

С именем и делами Леонида Ильича неразрывно связаны рост могущества и углубление всестороннего сотрудничества стран великого социалистического содружества, активное участие мирового коммунистического движения в решении исторических задач, стоящих перед человечеством в нашу эпоху, укрепление солидарности всех сил национального освобождения и социального прогресса на земле. Леонид Ильич Брежнев навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов, за устранение нависшей над человечеством угрозы мировой ядерной войны.

Мы хорошо знаем, что мир у империалистов не выразишь. Его можно отстоять, только опираясь на несокрушимую мощь Советских Вооруженных Сил. Как руководитель партии и государства, как Председатель Совета Обороны СССР Леонид Ильич постоянно уделял внимание тому, чтобы обороноспособность страны находилась на уровне современных требований.

Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет бесменно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в организацию дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неопценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии.

С именем Леонида Ильича связаны принципиальная борьба нашей партии в защиту марксизма-ленинизма, разработка теории развитого социализма, путей решения самых актуальных задач коммунистического строительства. Его деятельность в мировом коммунистическом движении по праву получила высочайшую оценку братских партий, наших зарубежных братьев по классу, товарищей по борьбе за социализм, против гнета капитала, за торжество великих коммунистических идеалов.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева оборвалась, когда его мысли, усилия обращены были на решение крупнейших задач экономического, социального и культурного развития, определенных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК. Осуществление этих задач, последовательное проведение в жизнь внутреннего и внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, который был выработан под руководством Леонида Ильича Брежнева, — наш первоочередной долг. И это будет наша лучшая дань светлой памяти ушедшего от нас руководителя.

Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогала и помогает нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

Дорогие товарищи!

Политбюро поручило мне выступить перед участниками настоящего внеочередного Пленума ЦК.

Наш внеочередной Пленум ЦК носит действительно чрезвычайный характер. Страна и партия в глубоком трауре. Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Советский народ потерял выдающегося руководителя, который почти два десятилетия стоял во главе партии и государства, отдавая все свои силы и огромные способности во имя счастья советских людей, во имя дела коммунистического строительства в нашей стране. Мы можем сказать, что человечество потеряло великого, поистине неутомимого борца за идеалы мира, свободы и социального прогресса. Мы, советские коммунисты, наши братья в социалистических странах, наши соратники в мировом коммунистическом движении потеряли талантливого продолжателя ленинского дела, человека, у которого учились беззаветной верности интересам трудящихся.

Слова бессильны выразить всю горечь нашей утраты. Но в эти скорбные дни великой помощью всем нам служат уроки жизни дорогого всем нам Леонида Ильича.

Леонид Ильич в полной мере обладал даром целиком жить интересами общества, интересами народа. Так было всегда, начиная с юношеских лет и до последнего дня жизни.

Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказать правильные мысли, нужно подкрепить их четкой организаторской работой, сделать понятными и доступными широким массам трудящихся. Он любил людей. Он умел доверять людям.

Леонид Ильич был человеком исключительного мужества. Он доказал это не только в Великую Отечественную, которую прошел от первого до последнего дня. Мужество не изменяло ему на всем жизненном пути. И он высоко, очень высоко ценил в каждом товарище смелость, принципиальность, стойкость при любых испытаниях.

Быть рядом с Леонидом Ильичом, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку.

Леонид Ильич Брежнев оставляет нам драгоценное наследство. Наша 18-миллионная партия едина и сплочена. Советский народ беззаветно верит в мудрость партии. Нормами нашей жизни стали требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества.

Беречь и развивать этот стиль руководства, дорожить всем, что завещал нам своим словом и делом Леонид Ильич, — наш долг перед его памятью, наш долг перед партией и страной. Прочным залогом того, что так будет, служит руководящее ядро партии, ее Центральный Комитет, Политбюро, сформировавшееся при решающем участии Леонида Ильича.

От имени Политбюро я хочу выразить глубочайшую убежденность, что наш Пленум продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром, что партия твердо пойдет дальше ленинским курсом, который на современном этапе четко и полно выражен в решениях XXIII — XXVI съездов КПСС. Внутренняя и внешняя политика нашей партии, в разработку и осуществление которой громадный вклад внес Леонид Ильич Брежнев, будет проводиться уверенно, последовательно и целеустремленно.

Нашими ориентирами были, есть и будут благо народа и сохранение мира на земле.

У нас есть развернутая, хорошо взвешенная социально-экономическая программа. Экономика должна быть экономной. Такова установка партии. А это означает техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления и, конечно, улучшение организации труда, рост его производительности. На этой базе будет неуклонно развиваться экономика нашего государства, повышаться благосостояние народа. На этой же базе будет крепнуть обороноспособность страны.

У нас есть широкая, конкретная Программа мира для восьмидесятых годов. Она отвечает чаяниям народа. Разрядка, разоружение, преодоление конфликтных ситуаций, устранение угрозы ядерной войны — вот задачи, которые мы ставим перед собой. Мы хотим надежной безопасности для себя, для своих друзей, для всех народов мира.

Дорогие товарищи!

Все мы, очевидно, сознаем, что крайне трудно восполнить урон, который причинила нам кончина Леонида Ильича. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. Дружная, совместная работа во всех партийных органах обеспечит дальнейшие успехи как в коммунистическом строительстве, так и в нашей деятельности на международной арене.

Политбюро ЦК КПСС, обсудив создавшееся положение, поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. Думаю, нет нужды рассказывать его биографию. Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране как самоотверженный, преданный делу ленинской партии коммунист, как ближайший соратник Леонида Ильича.

За плечами у Юрия Владимировича разносторонняя деятельность в области внутренней и внешней политики, идеологии. Был он и комсомольским вожаком, и крупным партийным работником, и дипломатом. Немало труда им вложено в укрепление социалистического содружества, в обеспечение безопасности нашего государства.

Леонид Ильич высоко ценил марксистско-ленинскую убежденность, партийность, широкий кругозор, его выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневскую заботу об интересах народа, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять проискам агрессоров, беречь и укреплять мир.

Юрию Владимировичу присущи партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе. Политбюро единодушно считает: товарищ Андропов достоин доверия Центрального Комитета, доверия партии.

Дорогие товарищи! Склоняя свои головы перед светлой памятью Леонида Ильича, мы торжественно обещаем, что будем неустанно продолжать нашу созидательную работу. Все, что не успел совершить Леонид Ильич, что наметила под его руководством партия, будет сделано.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судоверфи им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

95935340
012 010033

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Несколько лет он являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Галактион ТАБИДЗЕ

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

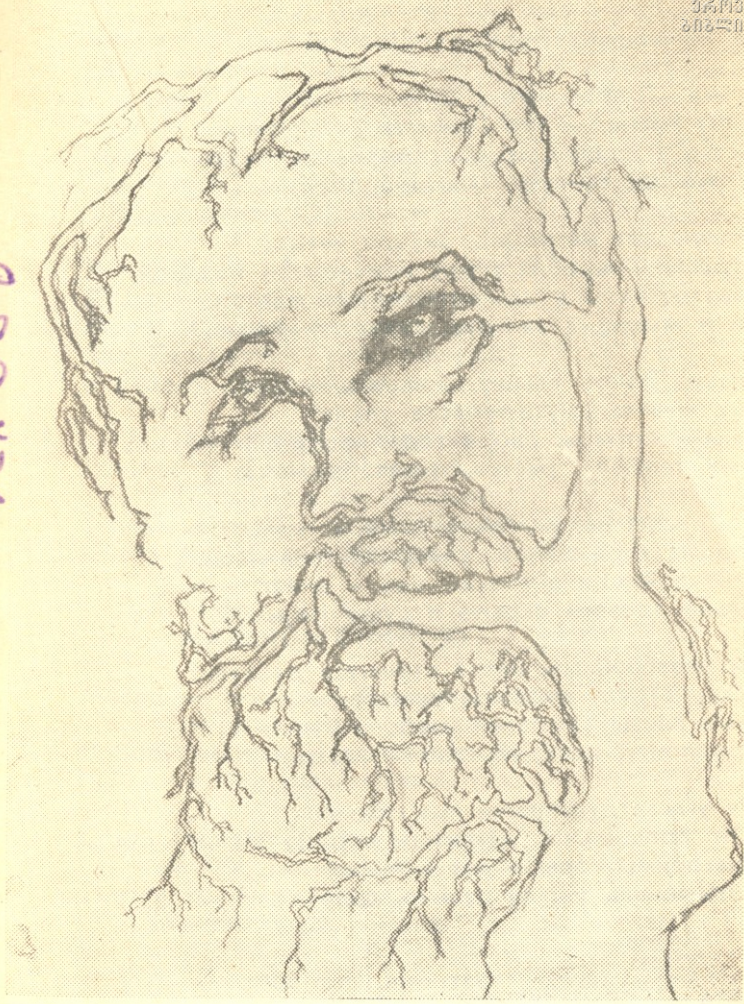
Кромкой лесною нива течет и дремлет.
 Ветер колосья желтые не колеблет.
 Где-то лучина в сумерках просверкнула,
 Лунный осколок над перевалом вырос.
 Там, где Арагва прямо в Куру свернула,
 Где наполняет влага прохладный ирис, —
 Белой тропею горец-пастух ступает.
 Реет душа — обширней души созвездий —
 Как изваянье, в лунном сиянье тает.
 Тысячи судеб дышат с хевсуром вместе.
 Мох покрывает шаткие стены храма.
 Ярко, хрустально блещет струя литая,
 Бьется на блюдца, плещет, дробясь упрямо,
 Пряди свеченья змейно переплетая.
 Клики и пляска множества — сотни тысяч
 Огненных чудищ! Небо смеется звездно...
 Поздние души, в клетку грудную тычась,
 Зря поддаются страху: страшиться поздно.
 Только когда прискачет святой Георгий,
 Схлынет безумство пляски самозабвенной.
 Небо бледнеет: гасит рассвет восторги.
 Мельничный профиль замер волной согбенной.

1916.

РУИНЫ КРЕПОСТИ

Вечер недвижим. Все затаилось ныне:
 Вишни умолкли, тропы легли покато.
 Небо — избыток необозримой сини
 И непреклонность крайних лучей заката.

956/21

«Галактион». Рис. Дато Крацашвили.

2. «Литературная Грузия» № 11.

ბ. მარტის სპ. სპ. სსრ 17
სახელმწიფო რესპუბლ.
ბ ი ბ ლ ი მ თ ე კ ა

Крепость-руина, цепи холмов родимых,
Храм одинокий, пенной реки излука —
Как ожиданье схваток неотвратимых,
Мне непосильна будущая разлука!

Все же — прощайте!.. Слушаю: вестник скорый —
Клекот Риони — что мне поведать хочет?
Счастье в грядущем мне предрекают горы
Или мытарства-муки они пророчат?

Что напевает негромко Зекари ветер?
Завтрашний жребий скрыт полуночной бездной.
Образ отчизны в дымке туманной светел:
Всякий живущий — рад синеве небесной!

Пламени рокот слышу, бряцанье стали...
Душу живую смута-тревога точит:
Мутным потоком взору года предстали —
Время темнеет, рвется, ревет, клокочет...

Пусть поспешает мысль, что меня терзает —
Вслед за стремниной, северною равниной.
Пусть на чужбине только она и знает,
Сколько тревоги скрыто в душе ранимой.

Край незабвенный, как я страшусь разлуки!
Счастье отрину воспоминаний ради.
Тайные слезы сыновней любви-муки
Я предпочту, наверно, любой отраде.

...Луч угасает, гаснущий луч обнявши,
Но от прощальной здравицы сердцу легче.
Неповторимы горы и доли наши:
Память-печаль уношу далеко, далече...

1916

АЛЫЧА — СЕМИЛЕТНИЙ МАЛЫШ

Вот мальчугану исполнилось семь.
Май. И — поляна. И — птица...
Песенка в лодке — ниспослана всем!
Небо — лазурнее ситца.

Годы провел в луговой тишине,
Годы прошли в золотистом челне —
Семь или семь с половиной —
Моцарт и Шёлли, Моцарт и Шеньэ —
Вдруг накатила лавиной.

С ними еще семилетье ушло.
Заново юный родился:
Сны унесло золотое весло,
В бурю покой обратился.

У кораблей обнажилась душа.
Души — до дна обнажились.
Море зверело, преграды круша.
Вал бесноватый унес малыша.
В бездну фрегаты ложились.

...Пуля пронзила его сгоряча.
Раненый в битве последней,
Так и запомнится он — алыча
Тонкая, светлая, словно свеча, —
Снова малыш семилетний.

1925

МАЙСКОЙ СТРЕЛОЮ

Месяц — розарий! Светятся жарко...
Так опьяняйте, розы!
Побоку распри: недругов жалко,
Аж подступают слезы.

Сбита стрелою Амура — пара
Лодок, скользивших мимо.
Льется облачная отара,
Яркой луной гонима.

Лучник — просторы пронзает лаской,
Радуется долинам.
Здравницы — благоуханной, майской —
Стань нареченным сыном!

1927

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Ночь возникающий день повстречала
И на востоке его целовала.

День молодой заалел от стыда,
Тьмы он с тех пор избегает всегда.

Точно вот так на щеке твоей белой
Родинка от поцелуя горела.

Еле заметна была и мала,
Вспыхнув, погаснуть сейчас же могла;

Но поцелуем вторым ее тронь —
И обожжет уже губы огонь.

И разгорится... Так пламя Авроры
Вдруг озаряет высокие горы.

Тщетно вершины их будут потом
Память лелеять о счастье былом...

Ночь возникающий день повстречала
И на востоке его целовала.

1912

СЛЫШУ ГОЛОС Я ТВОЙ...

Догорел небосвод,
И заката печаль
Горный ветер несет
В даль, в бескрайнюю даль...

Мы встречаемся вновь
На дороге во тьму.
Снова память, любовь
И надежда.. К чему?

Над твоей головой —
Солнца вечного свет,
Слышу голос я твой,
И покоя мне нет.

День прошел и исчез,
Сгинул в небе пустом,
И задумался лес
Величавый. О чем?

1922

Я БЫЛ ВО ВЛАСТИ ЛИШЬ ОДНОЙ ТОСКИ...

Я жаждал вкуса родниковых вод
И ветра над грядями острых скал,
Я шел вперед, и падал, и вставал,
И встав, опять упрямо шел вперед.

Когда зловеще щелкали курки
И гром орудий не стихал во мгле,
Я был во власти лишь одной тоски —
По травам, по колосьям, по земле!

Вдали мерцала лишь одна свеча
Над старым садом дедовским. А здесь
Шумел свирепый вихрь и, трепеща,
Лес от разрывов содрогался весь...

1923

* * *

Легкое облако! Ты сквозь небесную тишь,
Словно горячий скакун по утесам, летишь.

Ветры ущелий несут тебя в дæли, и хор
Утренних рек — величавая музыка гор...

Сколько в тебе самобытности, света, огня!
Новый рассвет означаешь ты и для меня —

Пусть же все грозы, метели и всплески мечты
Столь же легки и бестрепетны будут, как ты!

1925

Перевод Бориса РЕЗНИКОВА

СНОВА ЭФЕМЕРА

Колышет ветер кипариса стан.
Но ветра нет. Так что его колышет?
И все же ветер кипариса стан
Внезапными порывами колышет.
Моя печаль тесна, как эта клеть, —
Обязана высокая чинара
Пред мнимой бурей гнуться и скрипеть
Лишь потому, что ей она не пара.
Поэт — чинары доблестный двойник!
Он жаждет высоты и жаждет света,
Но головой повинною поник
Под тяжестью нелепого навета.
И все-таки его прекрасен лик!
Он никому не слышимое слышит!
А ветра нет, а ветер снова сник,
А ветер кипариса стан колышет...

Мечта Верлена Францией звалась,
Переливалась многоцветьем радуг,
Но женщина внезапно ворвалась
В покой его души и светлый разум.
И закружился огненный буран,
Не знающий приюта и причала,
А женщина неслась, как ураган,
А женщина в беспамятстве кричала.
В бою неравном он, как рыцарь, пал,
И рухнул вместе с ним пегас крылатый...
Несли гробы. Никто не провожал
Качавшиеся черные квадраты.
Любовь! Ты — пена десяти морей!
Вручите веку молнию, чтоб вещую
Он высек эпитафию скорей:
«Внезапно в жизнь поэта вторглась женщина!»

И Паганини... Диких оргий ночь...
Бессвязна речь маэстро и беспорна.
И вот оркестру тянутся помочь
Виолончель и нежная валторна.
Как чародей, он скрипку в руки взял.
Дворцовый воздух наспех заколдован.
Заворожен и зачарован зал

И, как цепями, к музыке прикован.
Но вот мечты — оборванной струной,
И женщины — как смутные виденья.
И выплаканы очи. И слезой
Измерить лишь дано всю боль паденья.
Мечтатель своей муки не скрывал,
И в поисках сочувствия упорных
Он не заметил ни кривых зеркал,
Ни закулисной мглы в пустых уборных...

Пока заводы, с пеною у рта,
Слюною брызжут, дым вонзая в небо,
Верхарн, железного столетья Дант,
В стихи переплавляет быль и небыль.
И поезд мчится к цели все быстрее,
Колеса в пар окутаны и в копоть.
Верхарн! Ты слышишь этот жуткий хохот
Дорожных бесов и нетопырей?
Настал их час! Звенит глагол времен!
Заговорила сталь и ропщут сплавы!
Но, не дождавшись вожделенной славы,
К самоубийству век приговорен.
И он спешит предать, ожесточась,
Того, кто снарядил его в дорогу,
Кто возбудил его... Твой пробил час,
Верхарн! Молись безжалостному богу!

И Достоевский... Снова круговерть...
Воздал равно и Цезарю и Бруту.
Ему вменили в наказание смерть,
Он ждал ее с минуты на минуту.
Молчал перед приходом палача,
Но нечто драгоценнее, чем это,
Укрылось от попа и от врача...
Вот каковы черты его портрета.
И топором стучит засова жердь,
И тени лиц уже ничто не значат.
Ему вменили в наказание смерть —
Но что есть смерть? И кто ее оплачет?!

Глазами просветленными смотрел,
Он с эшафота, словно с парашюта...
А ветра нет! Он вспыхнул и сгорел!..
Вот каковы черты его портрета.

1922

Перевод Дмитрия БЕРИДЗЕ и
Георгия МАРГВЕЛАШВИЛИ

* * *

Если спросят:
— Вас от грусти
Что за силы исцелят?
Я отвечу:
— Милой Грузии

Небо, море и земля!
Если спросят:
— Утешеньем
Что вам может послужить?
— Ровно месяц путешествий,
И уж не о чем тужить!

1947

ВОСКРЕСШАЯ ПРАВДА

Грянь в нашей гуще
звонче и резче,
Глас вопиющий
правды воскресшей!
Сколько во гневе
посяно зла,
Как же без плевел —
несть им числа...
Где вы, герои,
несущие свет?
Не за горою ль
тех пламенных лет?
Вы донесли бы
до судного дня
Дум наших слитность
и трепет огня.

1954

Перевод Георгия МАРГВЕЛАШВИЛИ

В ОЖИДАНИИ НЕПОГОДЫ

Старый тополь, ревнитель весталок,
Разглядел раскрутившийся локон.
Мрак протаял метелью фиалок
И насытил молчание окон.

Виноградины с алым изъяном
Обливает налет перламутра.
И ширазским орнаментом пьяным
Проступает рождение утра.

Я люблю украшать твои пряди
Водопадом лозы виноградной.
Только дней, растворенных в прохладе,
Не оплакать слезою отрадной.

Тяжелее полуночной думы
Эти гроздья в сиреневом дыме.
Не вернется садовник угрюмый,
И не станут плоды молодыми.

У твоей доброты, недотрога,
Голубая душа серафима!
Не она ли, бледна и убога,
Надо мною витает незримо?

Этот полог осенней порою
Не спасет ни скитальца, ни друга.
Ключья блеклые в небе зарюют
Ветер-норов и ворон-ворюга.

Тусклый вой в леденящих накрапах
Возникает из дальнего гула.
Прежних весен волнующий запах
Вслед за мыслью плутает сутуло.

Но уже острями заката
Глубину облаков пронизало!
И печаль, охватившая плато,
Овладела глазами марала.

СНЕГ

Вспоминаю метели лиловые флаги,
Хоровод и реку, и снежинок успенье...
Невеселое чувство прохлады и влаги,
И любви нестерпимое долготерпенье.
Дорогая! Душа переполнена снегом!
Я старею, и дней не удержишь отныне.
В отчет крае я знал, расставаясь с ночлегом,
Лишь синеющий бархат безлюдной пустыни.
С январем побрататься? Коснулся и мимо.
Только иней объятий тяжелых и нежных.
Лишь твое незабвенно в судьбе пилигрима
Белоснежное кружево рук белоснежных.
Эти руки лебяжьи — полет колыбели,
Доверяют, бессильные, белым долинам.
Ты опять исчезаешь в порывах метели,
И мелькает мантилья в пространстве пустынном..
Потому-то любимая строчка в поэме —
Этот снег, рассеченный крылом лебединым,
Будто снегом единым охвачено время,
И надежда означена снегом единым..
Как снежит! Словно благовест, сон полуденный
Погружает меня в голубые глубины,
О, укрыться за вьюгою белоколонной,
Чтобы ветер не выстудил тела судьбины!..
Прихотливой игры затаенное устье —
Различаю тебя одинокую, боже!
Этот матовый снег, как предчувствие грусти
В близком голосе, там, где я выжил и ожил.
И сгорающий, вызнавший горло на крике,
В синеве, где пчелы золотистая пуля,
Пил медовые травы волос твоих диких,
Раздуваемых ветром, под небом июля!
Я измучен, любимая. Жажда глухая —
Я желаю тебя, как бездомный ночлега..
Вереница деревьев убеленных, вздыхая,
Волочится за мной, изнывая от снега.
Как снежит! Этот колокол мерный и черный
Заглушает задумчиво бремя людское.
Я напутствую снега тяжелые зерна
И напрасно молю у метели покоя..

ОФОРТ

Мчатся кони в сверкающих шорах,
Раздувая снегов покрывало.
Схоронённая в этих просторах,
Не моя ли душа бушевала?

Ослепила косящим сверканьем
И уходит в пределы иные.
Только слива цветением ранним
Раздает сновиденья немые.

Дали мертвые. Мрамор бесплодный.
Белый саван касается краем.
Всадник скован равниной холодной
И молчит, тишиною терзаем.

Размышляй! Тишина незабвенна.
Путь во времени чужд и свободен.
Нет иного простора и плена.
Этот снег — моя родина родин.

1918, Царское Село.

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

МЕЧ И ПЛАМЕНЬ

Городам и мирам возвещаю: отныне и днесь
Нету радости той, что была и которая есть.

Только та, что — да будет! Отныне из тысяч имен
Нарекаю тебя — Меч и Пламень — до новых
времен.

Пусть зола и руины, и рухнул отеческий кров.
Меч и Пламень теперь твое имя. И Пламень. И
Кровь.

1918

ПОЛЧИЩА ЗВЕЗД

Тень расправы скользнула по стражам Невы,
По их львиным телам, по их лицам невинным.
Провисают мосты на быках теневых,
И под эхом шагов не скрипят мостовины.

Размешалось, разбавилось Млеко Пути
В этой блеклой ночи, в этом воздухе сиром.
О, послушай, любимая! Знаешь ли ты,
Что за птица кричит — Алконост или Сирин?

Опустилась вещунья каких катастроф
На граниты Невы, на извечные камни?
Перед полчищем искр от солдатских костров
Даже полчища звезд попригасли покамест.

Распахнулся пожар. Чтоб поведать о нем,
Допустимы слова моей истовой речи, —
О повадках воды, напоенной огнем,
О повадках огня, негасимого в речке.

Мною будет описан восторженный гнев,
Раз мы жили стремглав и светло умирали.
По горящей земле в полноводном огне
Как ты свято скакал, о мой добрый Мерани!

1921

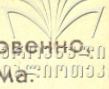
ПРИХЛЫНУЛ МЕСЯЦ МАЙ...

Прихлынул месяц май, разлил свои моря.
Дух снова ободрен, восторг неопишем.
Минувшего дары, грядущего посулы,
Я все приму, равно за все благодаря...

Сжимая свой штурвал бестрепетной рукой,
Всегда я штурман был опасных навигаций.
На сушу ли сойдя, мне шторма испугаться?
Душа моя блюдет восторженный покой.

1922

Неустанно, неуклонно мчатся кони от погони.
Я седлал и я треножил синих коней всех времен.
Разве кто во время оно мог догнать Галактиона?
Кто теперь его догонит, если всех быстрее он?..
Синегривый конь горячий, топот мерный, всадник первый.
Кто, когда, какую клячей обогнать меня грозил?
Кто скакал со мною вровень? Я — поэт до нитки нерва.
Разве я хоть каплей крови, хоть кровинкой — не грузин?!
Запорошен и завьюжен, путь мой в небе обнаружен.
Конь ретивый, синегривый дышит ветром перемен.
Он не взмылен, не натружен, не теснит его подпругье.
Город должен быть разрушен, если город — Карфаген!..
Заявляю, что отныне не стоять его твердыне.
Я воздвигну на руине волшебства своей мечты! —
Чтоб увидеть, станут люди переваливать пустыни,
Проторяя на верблюде караванные пути.
Состязаний провозвестник, я смотрю из поднебесий.
Победитель мне известен, отвечаю головой:
Посреди стиха — цезура, и молчанье после песен,
И стремглавый конь лазурный на дорожке беговой.
Заболочено, и гнило, и постыло наше горе.
Даже адские горнила все грехи испепелят.
Но пристрожен и пришпорен от моих фантазмагорий,
Средь небесных плоскогорий конь гарцует не пыля.
Иноходец за границы безграничного стремится.
Грива синяя струится, сила нервная кипит.
Люди, люди, блудят, блудят, и к нему вздымают лица.
Но напрасно падать ниц им на следы его копыт.
Преисполненная скверны, ночь преступней, чем галерник.
И луна за ней влачится, как чугунное ядро.
Пусть спасенье не случится в этом времени безмерном.
Эфемерно, эфемерно воровское серебро...
Я же сам по крайней мере тем богат, в чем разуверен,
И отдам своей химере все, что видел наяву.
Раздается конский топот с сотворенья до потопа,
И, утопленник утопий, я всплываю и плыву.
Под высоким черным сводом я присвоен преисподней.
Там, где небо расколосось, приближаясь к рубежу,
Прозвучит мой вещий голос, крикнет голос: я свободен!
И ступни свои о полюс я, усталый, остужу.
Как заложник жизни брэнной и наследник суверенный,

Я сойду одновременно и с престола и с ума.
В беспредельной этой муке все нетленное мгновением
Но не ты, к седельной луке притороченная тьма:
Окажусь я в храмах дальних, на границах орбитальных,
Там, где листья облетают на летальные цветы.
Вход одним потусторонним в обитаемые тайны
И в укромные хоромы потаенной красоты.
Это пытка, пытка, пытка — бредят синие копыта.
Посреди громов и зарев, истязуемый тоской,
Я безумными глазами наблюдаю состязанье
Лучезарного азарта эфемеры нелюдской.
В стуже дробном, дробном, дробном мир угроблен
преогромный,
Ничего не слышно, кроме — кроме грома на века.
Мчатся кони, кони, кони на Вселенском ипподроме,
Мчатся синие фантомы по разомкнутым кругам...

1922

* * *

Отмучился. Бедней твоей беды
И горше горя в мире не живало.
Твой крик, как будто рана ножевая,
Мне нанесен — чтоб вечно беречь...

Всю кровь из тела высосала тень.
Ты стал прозрачен, тень твоя — багрова.
Угробили. Лишь тело, лишь покровы...
Но, боже мой, ведь юность вместе с тем...

А люд честной, столпившийся в толпу,
Зеваки у афиш публичных казней,
Во все глаза полакомятся красным,
Возьмутся — и айда в последний путь...

1937

Перевод Екатерины КВИТНИЦКОЙ

НЕТ, НЕ ПОГИБЛО

Не для того ли грузинской иду стороною,
Чтоб оглядеть, как бывало, просторы родные,
Чтоб и сегодня в пути пребывали со мною
Облик твой нежный и кудри твои смоляные.

Вновь мне дарована утра заря золотая,
Снова весна надо мной ворожит хлопотливо,
Чтобы оттаяло сердце и душу до края
Страсть затопила высокой водою разлива.

Видишь, ничто не погибло! Хребтов вереница,
И вековые деревья, и наши селенья —
Все уцелело... И слышится, близится, длится
Песня блаженная, песня о счастье спасенья.

1925

* * *

На праздник во Мцхета спешу, как в былые года.
И снова заходится сердце — какие просторы
Откроются зренью, когда подъезжаешь туда,
Какой стариною поныне полны эти горы.

Да, мы и сегодня дорогу торим средь теснин
К скалистым твердыням и храмам, оставленным
нами...

Во Мцхета спешу я. Зари догорает кармин,
И женщина в черном бредет вдоль межи за
быками,

Уже Шио-Мгвиме мелькает и рвется назад,
И крепость на взгорье растет отголоском
преданий,

Плоты по Куре вереницей плывут на закат,
Теряясь вдали негативами воспоминаний.

Проносится холм островерхий, как шапка Шота,
Дымок паровоза сливается с дымкой тумана...
Закроешь глаза, и вечерних полей немота
В душе зазвучит, нарастая, как гул океана.

1927

Перевод Ильи ДАДАШИДЗЕ

ДРЕМЛЕТ ЛЕС ВДАЛИ

Дремлет лес вдали, затянувшись мглой,
Ветка к ветке льнет с кроткой нежностью,
Спит заласканный, приутихший сад,
В полумгле светяся безмятежностью.

Высь полночная в чудном зареве
Синим пламенем разгорается,
Мне же прошлое в смутном мареве
С безутешностью вспоминается.

Вопрошаю ночь, но ответа нет...
Ветка к ветке льнет с кроткой нежностью,
Спит заласканный, приутихший сад,
В полумгле светясь безмятежностью.

1913

Перевод Ираклия БУХНИКАШВИЛИ

ВАШ ДОМИК У ЛЕСА

Ваш домик у леса,
Балкон под навесом,
Синеглазая гладь
Вечеревшей воды;
— Вы добры, вы поэт, —
Мне сестры шептали,
И каждая щедро
Дарила цветы.
Но лето иссякло...
На небе осеннем
Тучи дождем проливным
Пронеслись,
Вновь царство поэтов,
Поэзии царство —
Неугомонный,
Мятежный Тифлис.

1913

Перевод Лии АСАТИАНИ

КОТОРЫЙ ЧАС!

Ведь теперь, наверно, уже слишком поздно
И тоска на сердце будто унялась...
Отчего ж мне снова глухо и тревожно,
Не дает покоя мысль — который час?
Ночь в окно дохнула осенью суровой —
На меня ненастьем грозно ополчась.

Три теперь, наверно, отчего же снова
В сердце неумолчно стук — который час?
Три теперь, наверно, и никак не меньше,
За окном все темень, и тринадцать раз
Прозвучал с вокзала колокол зловеще,
Словно вопрошая тьму — который час?
Затаилась полночь в длинном коридоре,
Темнотой, как кровью, медленно сочась,
Телефон трезвонит, моим мыслям вторя,
Словно тоже хочет знать — который час?
Дождь стучит по крыше, будто кем-то свыше
Лить без передышки дан ему приказ.
Боже, неужели так и не услышу,
Так и не узнаю я — который час?
Шарль Бодлер когда-то: «Светлый и печальный
Час вина и хмеля — благодатный час!»
Так всегда с улыбкой тихой отвечал он,
Тем, кому хотелось знать — который час?

1914

ЭДГАР

Мы шли в собор. Нас было только двое,
А колокол звонил, не умолкая;
Линора, помнишь, всю дорогу с воем
Носился ветер, листья обрывая.

Душа рвалась. Хотелось ввысь взлететь ей.
Хотелось ей в бескрайности парить,
Но вдруг, непрошено, меж нами кто-то третий
Встал, оборвав невидимую нить.

Он мне шептал: «У смерти на примете
Она давно. Недолго ждать. Уж скоро!»
В агонии предсмертной бился ветер...
И мы втроем взошли под сень собора.

1915

Перевод Паолы УРУШАДЗЕ

Гиви МАГУЛАРИЯ

ПОВСТАНЦЫ

П о в е с т ь

Перевод В. ФЕДОРОВА-
ЦИКЛАУРИ

С ВОСТОКА тянуло жгучим, вязким от пыли ветром, от него ссыхалось лицо. Кони тяжело переводили дыхание и, тоскуя по оставленной тени, нехотя переставляли копыта. Навьюченные, они не раз проходили этой дорогой и раньше, видели по ее обочинам и смерть, и зарождение жизни, но оттого не уменьшались ни кладь на их спинах, ни язвы.

Всадников вел статный богатырь с опаленным зноем лицом. Милостью всевышнего он был рожден повелевать людскими судьбами. Его сопровождали двое персидских вельмож: один — плюгавый, с поблекшим, нечистым лицом, суетливый и прожорливый, как свойственно евнухам; второй — изнеженный юнец в красной чалме. За ними следовали хранитель печати царя Теймураза Соломон и султан Казаха, чуть подальше шагал молодой азнаур. А позади, окутанный дорожной пылью, тяжело плелся отряд вооруженных кизилбашей. Нагруженные верблюды дре-

мали на ходу, облегчая действительность солнечными пре-
зами.

Гиви Амилахвари, которого везли в Персию, где ему должны были выжечь глаза, не выглядел ни отчаявшимся, ни сломленным. Его острый ум иногда так подгонял события, что стиралась грань между смешным и трагическим. Возможно, что причиной тому была скорее смутная пора, нежели непостоянство его характера. Он глядел вперед, не замечая настоящего, и попирал именно то, что желал бы сохранить, а когда оборачивался назад, от прежнего не оставалось и следа. Время для него обрело иной счет и несло его туда, куда несет всех осужденных. Плененный, один на один с возмездием, он должен был сам найти выход, сам должен был вырваться из рук расторопного проходимца, иначе ему не возвратиться этой дорогой.

Распластанная земля стонала под тяжестью солнечных лучей и сдергивала покров с воспоминаний.

Едва он пустился в этот путь, следовало забить все двери памяти, но скорбные воспоминания просачивались сквозь хрупкие препоны времени и овладевали разумом. Призраки, привязавшиеся к нему сразу за Тбилиси, еще могли соблазнить его, сбить с дороги, ибо в смутную, беспросветную годину все становится судьбой и напастью.

Амилахвари оглянулся. Изнуренные зноем конвоиры осоловели и потеряли бдительность. Все окрест было выжженным и безотрадным... Некогда в этой бесплодной пустыне цвели сады, сияли белизной языческие храмы, а сейчас... Если бы земля могла разлагаться, тут бы с души воротило от запаха гниющей падали. Этой дорогой вторгались в Грузию супостаты-кочевники, этой дорогой пожаловал и Надир-шах. Высокый, сухопарый, он с таким видом вел свои войска, словно после захвата Тбилиси владения его возрастали десятикратно. Несметная, разноязыкая, необузданная орда катила с востока, и в Грузии не нашлось силы, способной дать ей отпор. Кизилбаши окрасили степь в красное, полуголых афганцев покрывал густой слой пыли, дико гикали пестрые, как попугаи, курды. За галдящим воинством черными стервятниками следовали воры, игроки в кости, ненасытные бродяги, на-

чисто подъедавшие все, что оставалось после волков. Орда сопела, смердела, отравляла воздух и воды, душу и плоть. Огромное туловище ее обладало столь чудовищной утробой, что Тбилиси был не в состоянии набить ее. Город, разграбленный османами, напрягся, приготовился к новой брани и крику. Никто наперед не знал, у кого что отнимут, кого и за что обрекут на смерть. Зашушукались тбилисцы, разношерстное население разбилось на кланы, объединенные племенным родством. Грузины тоже собрались было вместе, да не сумели договориться и раскололись на два лагеря. Несколько князей поспешили убраться в свои вотчины, заперлись в замках, приготовились защищаться; большинство же встретили Надир-шаха дарами. Среди тех, кто явился поздравить захватчика, находился и Гиви Амилахвари, он возглавил оставшихся без царя грузин и приветствовал шаха как единственного властелина страны. Надир-шах умел распознавать и ценить людей, но была у него одна привычка — из желания ли породниться или застраховать себя, но он просил в жены дочь поверженного врага, а если тот противился, забирал силой. Узнай Амилахвари вовремя о похотливом норове шаха, он бы увез Натю в Имерети или поспешил выдать замуж, но кто застрахован от внезапной беды?..

Пожилой перс помимо всего прочего раздражал болтовней, присущей всем евнухам. То и дело за спиной слышался его пронзительный голос суматошной ведьмы, но Амилахвари уже не интересовало, о чем говорят славящие аллаха ханы, что еще стряслось под этим блеклым небом. Незаметно испарился интерес к земному, и он наткнулся на стены, чья твердость пресекала движение души... Он считал, что вокруг не найти ни одного непорочного и чистого сердцем, однако и сам чересчур многое взвалил на себя, пролил чересчур много крови и только тогда понял, что проложить путь в извилистых, темных лабиринтах жизни не так легко, как мнилось в молодые лета. Хотя когда у зверя избыток сил, его не пугают ни мрачные лабиринты, ни мутный водоворот бытия. Покуда он сражался, недоставало времени задуматься над невзгодами и радостями жизни; оглушенный пушечным громом, он принимал жизнь за безрассудное игрище, за недолговечное за-

емное сокровище, которое не сегодня-завтра без спросу вырвут из рук. Поэтому он не чурался кровопролития, клятвопреступления, сваливая в одну кучу зло и добро. Мысли о бренности суеты посетили его, когда он признал себя побежденным.

Плотной завесой шевелилась поднятая караваном пыль, окутанное испариной солнце не давало земле передышки, от звона верблюжьих бубенчиков пространство казалось в десять раз шире. Заслонив рукой глаза, Амилахвари оглядел безводную, чахлую степь, но не смог избавиться от роящихся в голове видений...

Победители трое суток грабили город. Тбилиси опоганился и провонял. Кура нахватала столько крови и плоти, что не могла переварить и, как бревна, выбрасывала у Метехи трупы. Разграбленный город корчился, обезлюдевшие улочки с трудом тащились на подъем. Через три дня, убедившись, что в Тбилиси больше нечем поживиться, кизилбаши вломились в ущелья Картли, оставив в крепости свой гарнизон. Прежде чем отправиться в обратный путь, Надир-шах прислал к нему гонца, требуя руку дочери. Он ответил отказом, за что его схватили и доставили к шаху. Сопrotивляться не имело смысла — Надир-шах уже направил в Чалу отряд.

Натия была обручена. Теймураз¹ часто приезжал в Чалу, и влюбленные целые дни проводили вместе. И в тот день они играли в нарды в саду. Игра занимала детей больше, чем беседа, — Натии едва исполнилось тринадцать, Теймуразу — пятнадцать лет. Мог ли пятнадцатилетний отрок защитить возлюбленную или самого себя? Грузинам даже рукояти кинжала не дозволялось носить при себе. Кизилбаши отшвырнули Теймураза, подхватили Натию на коня и унеслись, подобно разбойникам. Сгнули зелень деревьев, голубизна неба, аромат цветов — все поглотили тьма и отчаянье. Случилось то, что невозможно представить, перед чем и смерть прекрасна.

¹ Теймураз Багратиони — сын царя Иасэ, позднее известный церковный деятель, именуемый католикомом Антоном I (прим. автора).

Амилахвари придержал коня и пестрым платком осторожно вытер пот, словно на затылке ныла глубокая воспалившаяся рана.

Весть о том, что Теймураз постригся в монахи, дошла до него поздно, об этом рассказал ему епископ Кириле в крепости, осажденной персами и грузинами. Именно в тот день царь Теймураз¹ велел передать ему, что если они сдадут крепость, их всех помилюют, но тогда он считал царя покорным рабом шаха и не рискнул довериться ему, равно как и захватчику трона Сефевидов.

Слева, у края пустыни, показалась неровная темная полоса, затем явственно обозначилась тень лесистых гор. Горевшие от пыли глаза ощутили некоторое облегчение. Дорога сворачивала вправо, к югу, но видение далеких гор смягчало в душе жар, рожденный пустыней. Он не думал, что так скоро соскучится по родниковой воде, по изумрудным полям, по привалу у обочины дороги, по скатерти, расстеленной под деревом. Впрочем, вдоль дороги почти не было деревьев, на ветвях которых не висели бы трупы грузин, вздернутых кизилбашами или османами, а нередко и слугами враждующих князей. Похищение людей, увечья, убийства были столь же обычным явлением, как вой шакалов, в этой оставшейся без хозяина стране. Османы и персы теряли невозмутимость только тогда, когда задерживался угон пленных. Клубящийся в ущельях туман каждый день раздирали жуткие вопли, выстрелы, причитания. Страшная година требовала все новых и новых жертв, но смилостивиться не желала. Грузия походила на оторванный от мира, забытый богом край, который безнаказанно рвали на части.

Натию увезли в гарем шаха, не дав отцу даже свидеться с ней. Может быть, оно и к лучшему. Что он мог предпринять, чем мог утешить отчаявшуюся, ничего не смыслившую в жизни, попавшую в чужие руки девочку. Оружием, что подвешено к поясу, много не сделаешь — его отрубленную голову швырнут к ногам Надир-шаха, тем и кончится. Время поглотило душу и

¹ Теймураз II (1700—1762) — царь Кахетии, а затем и Картли.

тело Натии, но ничто не смогло расшатать вогнанный в память клин. Иногда он так обжигал мозг, что все вокруг затягивалось кровавым туманом. Может быть, этот клин явился причиной его неумности, колебаний, мужества и злодеяний, может быть в тот горький день впервые дошло до него, что лучше проиграть битву, нежели быть беспомощным.

Уртурти, арагвийский эристав, спустился в Тбилиси, чтобы добиться расположения персов. В его дворце ежедневно устраивались пиры. Однажды вечером вместе с грузинскими князьями были приглашены и персидские вельможи. Персы украдкой тянули вино из чаш, опасаясь друг друга, а грузины осушали турьи роги и пели, словно махнули рукой на весь мир. Захватывал пенный поток бытия, маскировались злые намерения, ломился под яствами стол, накрытый над пропастью. Собравшиеся за одним столом враги ладили между собой лучше, чем порознь. Опасаясь ссор и скандала, персы вежливо улыбались. Рядом с ними грузины выглядели плечистыми и непобедимыми. Вспыхни брань, головы персов посыпались бы переспевшими грушами.

Первые два рога Амилахвари выпил, чтобы передохнуть и утолить жажду, затем вызывающе оглядел всех — Мухранбатони, Эристави, Орбелиани, Бараташвили, Цицишвили. Вино было приятно ему. Жадно, не щадя себя, пил он, чтобы утопить в вине бранный мир. Именно в ту ночь родилась слава, что Гиви Амилахвари вино не берет. Оно и вправду не брало его. До рассвета не поднимался он из-за стола, пил до последней капли, но вино не туманило голову. Дымящиеся шандалы боролись с темнотой, усталость и равнодушные гнездились в его душе. Тамада говорил убедительно, голос его был тверд, высокопарные рассуждения он подкреплял непреложными истинами, но от действительности заслониться не мог. Возможно, причиной тому была тень, перегнувшаяся через перила, которая пыталась изрыгнуть старое несчастье, чтобы переварить новое.

Едва тамада умолк, грянули «Мравалжамиер». Грузины не раз отражали нагрянувшую беду песнями,

удалью и красотой, но в последние годы не только красота, а даже бог и люди потеряли цену, и более всех, потому что не внял ничему, он даже сквозь пальцы не глядел вниз, на разоренную страну. А на что грузинам бог, если не будет Грузии?

Гости разбрелись на рассвете, потянулись к дневному свету, а Амилахвари не тронулся с места. Чем тащиться на улицу и щуриться на солнце, лучше сидеть в полумраке и потягивать вино. Пальцы поглаживали широкие плахи дубового стола, жалко гримасничал древний идол, расхристанный мир встречал новорожденный день, словно смыл всю кровь, искупавшись в свете. Рождение нового дня сглаживало какие-то углы, несколько уравнивало все, но не сидеть же в этом зале до скончания веков. Завтра, послезавтра, через неделю жизнь потребует свое, он должен будет взять себя в руки и быть готовым лицом к лицу встретиться то, что превратилось в хаос, очерствело, лишилось радости.

Слуги начали убирать со стола. Он раскачал отяжелевшее тело, поднялся. Боковая комната оказалась пустой. В углу стояла персидская тахта. Он растянулся на ней, и сон одолел его куда быстрее, чем вино минувшей ночью. Сновидения раскисали, словно грибы в рассоле, расплывались в собственной слизи. В памяти сохранились только недоверчивый прищур глаз, отяжелевшие лица да колыхание потрепанных штор на окнах. Потом что-то померещилось ему, он сполз на бок, пытаясь спрятаться, но не мог избавиться от мрачных стен незримой темницы. Во рту пересохло, нутро жгло огнем, он плавал в поту, у него было такое чувство, будто он спал в духовке.

Проснувшись, он увидел накрытый стол. За окном сиял озаренный солнцем город. Дневной свет был неприятен, он не верил ни в его ясность, ни в его жизне-радостность. Прежде чем выйти в зал, он протер глаза и немытое лицо. Пир только начался. Арагвийский эриван встретил его рогом толщиной с руку. Внутри полегчало. Вино искрилось и с таким веселым журчанием лилось в горло, словно спешило потушить им же зажженный огонь. Мир смягчился, разнежился, нагло замурлыкал. Он бы задохнулся от злости, если бы не последовал его примеру. Рог следовал за рогом,

ночное бдение — за бдением, забытье — за забытьем, и так продолжалось до той минуты, пока не разнесся слух, что восстал ксанский эристав Шанше.

Споткнулся конь — захлопнулись двери воспоминаний, жар камней ударил по глазам. Тесные, соломенного цвета камни, валяющиеся вдоль обочины, казалось, проросли из земли. Безликий простор шевелился, растягивался; вяло извивалось то, что именуется страхом и безрассудством... Для чего везут его в Персию, неужели в Грузии перевелись палачи? Связать его, раскалить два железных кружочка и на минуту припечатать их к глазам — с этим и рядовой воин справится. Боль раздерет мозг, земля обернется горячими угольями, и как бы крепко ни стоял он на ногах, все равно придется держаться за поводыря. Немного погодя лицо опухнет, изменятся голос и характер; но судьба в очередной раз стерла заколдованный круг неизбежности и принялась выводить еще более широкий. Именно кривая нового круга вела его в Персию, и он вез в дар шаху собственные глаза.

Амилахвари отогнал черные мысли, переложил уздечку в другую руку и оглянулся. На первый взгляд ничто не изменилось вокруг—ни мир, ни те, для кого не существовало бессмысленности дорог. Они-то отлично знали, куда направляются и как подобает вести себя в любом случае, поэтому не спешили, а держались в седлах так, будто каждое лишнее движение бесит и озлобляет солнце. В этом нагом, однообразном мире не существовало настоящего. Человек тут должен жить либо ожиданием, либо воспоминаниями...

Надир-шах не любил останавливаться в городах, предпочитая открытые места, где чувствовал себя спокойнее. В окрестностях Крцаниси доброго христианина мучило от запахов навоза, пота и жареной баранины. Шатры, раскинувшиеся подобно лесу, так тяжело давили на землю, словно пытались пустить корни и срастись с ней. Как бы ни был подслеповат сын Адама, как бы ни оправдывал он сумятицу бытия и безрассудство человеческого племени, назначение захватчиков все-таки было одно — убивать, грабить, разрушать. Обитатели этого пестрого стана жарили мясо, торговали нагребленным,

насиловали пленниц, не оглядываясь на прошлое, не заглядывая в будущее, но стоило дикому призыву походной трубы огласить окрестность, как, схватив оружие, все вскакивали на коней и чем больше проливали крови, тем ненасытнее становились. «Господи, может быть, сотворение этого мира было ошибкой?!» — невольно сорвалось с языка, и прежде чем догнать проводника, Амилахвари перекрестился.

Шатер Надир-шаха выделялся среди других шатров, как жемчужина среди песка. У входа стояли туркмены с обнаженными саблями. При дворе и в армии преобладали тюркские язык и обычаи, и это колючкой вонзалось в сердце коренных персиян. Сколько раз Амилахвари доводилось бывать очевидцем диких драк кизилбашей, туркменов и афганцев с ширазцами, хорасанцами, мазандаранцами, сколько повидал он выпотрошенных животов, отрубленных голов. Если бы не железная рука Надир-шаха, в один прекрасный день персидская армия распалась бы, рассыпалась на враждующие банды и изошла кровью.

Провожатый что-то сказал туркменам — телохранители шаха расступились. Амилахвари с таким видом откинул полог шатра, будто не пил вовсе, будто голова не раскалывалась от вбитого клина. Шах, скрестив ноги, восседал на керманском ковре и его мужественное, волевое лицо не выражало ничего такого, что он считал ненужным. Этот неграмотный, выросший в нищете человек поднял Персию со смертного одра — сначала выгнал из страны афганцев, затем сокрушил османов и вернул отторгнутые врагами земли. Несмотря на благоволение судьбы, он не утратил ни осмотрительности, ни дальновидности. Обостренным чутьем угадывал он, что хаос и неразбериха катятся за ним по пятам, достаточно раз оступиться, как они раздавят его.

По правую руку шаха сидели Имам Кули-хан, Мирза-хан и бегларбег Ширванский, по левую — добродетельный седобородый шейх, Кулар-агас и мдиванбег. Хваленая мусульманская учтивость, длинные велеречивые приветствия и неудобное сидение на подвернутых ногах не доставляли ему ни малейшего удовольствия, но он являлся представителем покоренной страны, и нужда заставляла терпеть. Совет продолжался

недолго. Шах торопился, даже во сне ему мерещилась Индия, и промедление он считал тяжким грехом. Та-лант полководца, постоянный зуд перекраивать мир позволили ему избавиться от стреноживающих оков Персии, сделали неумолимым и беспощадным, а отдельные блистательные победы окончательно убедили, что искоренить все противоречия ему удастся, только если он покорит весь мир. Именно такие планы вынашивал он, имея о мире довольно смутные представления.

Надир-шах без труда выражал свои мысли лаконично и ясно. Во главе Тбилиси и иранских войск он поставил Имам Кули-хана, а Амилахвари поручил сколотить грузинскую рать и вместе с Имам Кули-ханом двинуться на ксанского эристава. После затянувшегося застолья и неудобного сидения на поджатых ногах для него не составляло особого труда ответить отказом. Он еще не знал, как обернутся дела в Грузии после ухода кизилбашей, как долго оставят персы в живых захватчика трона. А с Шанше Эристави шутки плохи, тот озлоблен, неуступчив и способен жестоко мстить. Может быть, позже он все же поплатится головой, но в ту минуту ему не хотелось ни враждовать с Шанше, ни быть рабом шаха. Время еще терпело, терпело до той поры, пока ему не отрежут все пути к отступлению.

Амилахвари придержал коня и крикнул молодому азнауру, чтобы тот принес воды. Знойный воздух, не шелохнувшись, поглотил сильный, привыкший отдавать команды голос. Юноша бегом притащил смешанное с водой вино. Податливая упругость бурдючка была приятна, на миг забылось неистовство солнечных лучей. Радостно лилась розоватая влага, смывая со рта и гортани клейкую слюну, умиротворяя, охлаждая лицо, и ему вдруг почудилось, будто не только близкие, но и растоптанная, безрадостная природа сочувствует ему. На этой пыльной дороге его не посадят на цепь, не выжгут глаза — опасность поджидала там, за холмами у края небес.

Но стоило тряхнуть поводьями, настоящее сгнуло, и так как грядущее не предвещало ничего отрадного, его снова потянуло к прошлому...

Шанше Эристави не ведал страха. Их вотчины граничили, из-за этого неоднократно возникали тяжбы, благодаря которым он лучше других изучил тяжелый нрав соседа. Мрачные времена сделали ксанского эристава упрямым, мнительным и беспощадным. Этому бирюку всюду мерещилась измена: мир, простирающийся за пределами его владений, представлялся ему западней. В мирной беседе он производил впечатление рассудительного, уравновешенного человека, но в гневе не знал удержу и бывал безрассудно жесток. Однажды приказал вырвать дворовому язык только за то, что тот неверно передал какое-то известие. Столь же беспощадно расправлялся он с врагами — где бы ни наталкивался на отряды кизилбашей, вырезал всех до единого. Если бы каждый в Грузии следовал его примеру, османы, кизилбаши и лезгины и думать бы забыли о грабежах, но от такой борьбы раньше всех отказался бы, вероятно, сам Шанше.

Ксанский эристав был неутомимым воином во славу отчей земли, но в Грузии сложилась такая обстановка, что князья строили друг другу всяческие козни. Решившись на мятеж, Шанше даже и не пытался найти союзников, чтобы укрепить тыл или фланги. Да и на кого он мог положиться — османы и русские были далеко, а грузинским князьям он не доверял, подозревая, что те зарятся на его владения. Вотчина была ему и домом, и царством, и родиной. Поэтому он предпочитал турок персам — османы упразднили в Картли царство, разделили страну и передали местным князьям. Непокорность и измену Шанше Эристави не переносил дома, а вне его считал их таким же обычным делом, как и казнь рабов. В битве под Ксовриси он изменил царю Вахтангу в решающий момент...

...Сам он все еще находился в Грузии, когда Имам Кули-хан двинул войска к Ксанскому ущелью. Картли в то время походила на выродившуюся, агонизирующую страну, где даже воздух пропах злобой и смертью. То же было и в Ксанском ущелье, где цепью тянулись опустошенные Наспарсали, Кадагиани, Цихисдзири и Канда. Стояли на юру и глядели друг на друга Ксанская крепость с обрушившимися стенами и красная церковь с обвалившимся куполом, внутри которой еще сохранились росписи — ангелы и почитаемые за святых

архиереи. Будь у Ксанской крепости хозяин, захватить ее не удалось бы даже вооруженному пушками брату. Из-за этой твердыни сцепились некогда Баграт Мухранбатони и царь Кахетий Георгий Злой, который послал Баграту в осажденную крепость вино, сопроводив его ехидными пожеланиями; Баграт пограл яд ядом, преподнеся царю в ответ живого лосося, все три месяца осады дремавшего в колодце. То, что раньше представлялось грузинам невероятным несчастьем, после многократного повторения оборачивалось зубокальством. Время для них стало скорее вестником смерти, нежели жизни, и поэтому не принималось в расчет.

Пустота и нищета Картли поражали персов, но они все-таки надеялись на поживу. Люди бросали насиженные места и хоронились в башнях и пещерах. Нужда заставляла забыть многое из того, за что раньше жертвовали жизнью. В Мухрани не оказалось ни одного жителя, пусто было и в Ламискана, из-за которой тягались Мухранбатони, Орбелиани и Эристави. Так же легко, не пролив ни капли крови, персы овладели Ксовриси, Одзиси и Хопи. Несмотря на это, они были недовольны и злы — их добычу успели перехватить и переправить за Кавказский хребет лезгины. Первой твердыней, которую пришлось брать с боем, оказалась Ахалгорийская крепость. Шанше Эристави отбивался, покуда хватало сил, — после падения Ахалгори укрылся в Цирхвали, но персы и там достали его. Силы иссякли, Шанше передал эриставство младшему брату Иесе, а сам подался за помощью в Россию.

Для ликования не было причины, но персы закатали знатный пир и снарядили гонца к Надир-шаху с вестью, что Шанше Эристави изгнан ими из Грузии. Небогатую добычу и пленных Имам Кули-хан отправил в Тбилиси. После этой победы на лице его прибавилась лишняя морщина. Воодушевились грузинские князья, сторонники персов. Арагвийский эристав Уртурти переместился из Ананури в ущелье Ксани и пригласил персов в свои владения. Картли затаилась, замерла за тем невидимым рубежом, где собирались с силами. Только Иесе Эристави, брат Шанше, продолжал еще со-

противляться, но кольцо вокруг него стремительно смы-
калось...

04.10.2024
20:23:01

Амилахвари усталился на голые холмы. То, что издали представлялось гладким и спокойным, под пристальным взглядом меняло обличье, мутнело, выворачивалось наизнанку. Непонимание, лицемерие, ложь вытекали из разных источников, прикрывались различными причинами и требовали объяснения и оправдания. Оправдать можно почти все, но и его правота была такой же однобокой и порочной, как и оставшихся позади призраков. События приобретали новое содержание, коварно утрачивали издавна присущие им качества. Необходимость призывала пересмотреть, переосмыслить все, но как сыскать верную дорогу там, где каждая тысячу раз была проверена и отвергнута; где найти такого молодца, который хотя бы единожды не предавал своих; как увязать воедино смерть, бессердечие, вероломство; как вытравить из сознания мысль, что даже крайнее напряжение сил и духа не приносит почти никакого результата и одна победа требует десятка других, еще более блестящих побед.

За холмами открылись развалины, окруженные низким кустарником, сухотравьем и мхом городища, руины языческого храма. Многое на свете повидал он: восставшим из руин, обновленным, приукрашенным, но никому не под силу восстановить храм с рухнувшим куполом и развалившимися стенами. Храм был неизлечимой раной времени, оскалившимся трупом, разложение которого убивало и без того безжизненную природу. Вероятно, некогда и в этом городе обитали хмурые, подавленные величием вселенной люди, которые с божьим именем на устах возводили храмы, сжигали на кострах еретиков, отрубали головы строптивым, а все, что не подходило под установленные ими мерки, они укорачивали или удлиняли.

...Надир-шах находился в Исфахане и готовился к походу, когда Сефи-хан со своим войском подступил к Картли. Неожиданное появление кизилбашей взбудоражило страну, но персидский полководец разбил лагерь в селе Цхвениси, вызвал из Кахетии царя Теймураза, Гиви Чолокашвили, кизикийского моурава Кайхосро, из Картли — арагвийского эристава Бардзима,

Луарсаба Тархнишвили и Амилахвари, отобрал у всех оружие, приставил охрану и повернул назад в Персию. Их не заковали в кандалы, не отняли у них коней, но стерегли, как опасных преступников. Кизилбашам не удавалось найти опору в Грузии. Захват каждого ущелья обходился ценой такой крови, таким напряжением сил, что они уже не доверяли ни врагам, ни своим. В плену оказалось не так плохо, как представлялось. Охрана была с ними учтива, а когда все шестеро усаживались за стол и трапеза перерастала в пиршество, лагерь принадлежал скорее им, нежели полководцам шаха. Редко доводилось грузинскому царю и князьям столь приятно проводить время. Наконец показались тянувшиеся к небу минареты. Нынешний Исфahan даже отдаленно не напоминал тот опасный и грязный город, каким он помнил его до воцарения Надир-шаха. Всюду господствовали покой и порядок: купцы широко распахнули двери лавок, ремесленники выставили на продажу свои поделки, улицы кишели народом. Сефи-хан сдал пленных шаху, словно свалил с плеч тяжкую обузу. Надир-шах проявил поистине монаршее великодушие, не грозил наказанием, не напоминал о прегрешениях, напротив, приказал вернуть всем оружие и одарил халатами. Прощаясь, лично просил каждого сопровождать его в поход на Кандари. В ту же ночь махмандары роздали деньги и халаты, а на следующее утро недавние пленники пополнили свиту Надир-шаха. Только во время этого похода он близко познакомился с Теймуразом и князьями. Царь Кахетии оказался умным и добрым человеком. Он никогда не путал возможное с желательным, знал, чью сторону принять и от кого отречься. Если бы судьба не развела их пути, они, возможно, и породнились бы, но теперь они стали кровными врагами.

Поход продолжался три месяца. Надир-шах быстро овладел Кандари и отпраздновал победу, обернувшуюся немыслимым количеством съеденного и выпитого, а также некими удовольствиями, которые не часто перепадает солдатам. И грузин заставили принять участие в торжестве. Гурганельский узбаши показал ему связку человеческих ушей, среди которых были и

сморщенные, как вяленые фрукты, и сочащиеся свежей кровью. Некий вояка из Фарса выиграл у афганцев в кости деньги и пленников, у кого-то даже женщину оттягал, а наутро можно было полюбоваться его насаженной на кол головой. Убитых во время победного разгула оказалось не меньше, чем при взятии крепости; но вот с трудом улегся шабаш людоедов, поблекли сочные краски победы, настала пора решать судьбу грузин. Убить рискованно, не приведи бог Грузия взбунтуется, однако шаху не хотелось отпускать их домой так, чтобы не держать в руке конец поводка. Поэтому он не спешил, предпочитая не ссориться с грузинами, а до поры до времени одаривать их. Так продолжалось до того момента, пока в один дождливый день шах не вызвал к себе Теймураза и не заявил тому прямо, что разрешит всем вернуться домой, если царевич Ираклий прибудет в Кандари и отправится с ним в Индию. Теймураз приуныл, однако послал письмо царице и сыну. Не рискуй тогда Ираклий, не объявись он в Кандари, бог знает сколько бы еще топтали они пыльные дороги чужой страны.

Раскаленное солнце стало клониться, вместе с ним клонилась и вся земля. Прошное еще не настолько помутилось, чтобы он не смог разобраться, что сформировалось, а что исчезло, что осело, а что переместилось. Он возвратился в Тбилиси. Бесцельно потянулись дни. Днем он либо читал, либо глядел на Куру, а вечерами возвращался домой, отягощенный мелкими грешками. Вокруг происходило много всякого, что представлялось ему толчением воды, безмозглой потехой. Зачем персам чужие земли, когда на своей они не могут навести порядок; для чего понадобилось арагвийскому эриставу выдавать кизилбашам семью ксанского эристава Иесе; почему человек поступает столь опрометчиво, что в конце концов становится жертвой собственной ошибки?

Жить бы да жить арагвийскому эриставу Уртурти, не допусти он роковой оплошности. Иесе приходилось тяжело, он решил обезопасить семью — отправить в Кахетию, но все тропинки, которые вели к ней, пролегли через владения Уртурти, и простой случай стал причиной большого кровопролития.

Персидским ханам осточертели пиршества и безделье, они стосковались по охоте, и Уртурти пригласил всех на Базалетское озеро. До полудня оглашали горы и долины ржанье коней, лай собак, выстрелы. Набитой в тот день дичи хватило бы на неделю изголодавшимся жителям всего Арагвского ущелья. После полудня разложили на берегу озера костры, зажарили мясо и вместо того, чтобы думать и говорить о жизни, решили наслаждаться ею. Озеро нахохлилось, будто встревоженное хрустом костей и грызней собак. Персы уже не отказывались и так браво хлестали вино, словно были приучены к нему с детства. Пиршество наверняка переросло бы в разгул, не помешай непредвиденный случай. Уртурти успел изрядно опьянеть, когда на узкой тропе показалась кавалькада. Эристав грозно сдвинул брови — в его владения и птичка не рискнула бы залететь без спросу, — незнакомые всадники вызвали подозрение. Кто они, куда направляются, что у них на уме? Так легко он не уступит им дорогу. Свистнув собак и дворовых, Уртурти поскакал к опушке леса и перекрыл тропинку. Перед ним предстали женщины, дети и служанки на конях. Эристав несколько успокоился, но злорадно прищурился. Он сразу узнал жену Иесе, дети же — в этом сомневаться не приходилось — были сыновьями нынешнего владыки Ксани. Наступила роковая минута. Уртурти прикусил губу и заколебался, будто с одного бока его подталкивал черт, а с другого одергивал ангел. Сейчас все зависело от того, что перевесит — подлость или милосердие. Даже собаки затаили дыхание. Бог ведает, что затмило разум арагвийского эристава в тот день — вино, желчь или верность персам, только, превозмогши колебания, он приказал схватить семью Иесе и выдать кизилбашам.

Амилахвари поднял голову. Там, где к сухим, колючим кустам подбирался песок, сцепились два ветра, свились, взлетели в небо, один одолел и швырнул противника на землю. На мгновение смешался оставшийся за спиной мир, помутнел, но не исчез и не стал легче. Амилахвари придавал времени такое же значение,

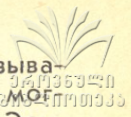
Гиви Магулария. Повстанцы.

какое время придает расстоянию, легшему между палачом и жертвой.

...Шанше Эристави вернулся из России несолоно хлебавши, но узнав о пленении невестки и племянников и выдаче их персам, он настолько распалился, что уже не помышлял ни о чем, кроме мести. Эристав словно лишился последних признаков разума. Будь его воля, он бы вывел чертей из преисподней и натравил их на арагвийского эристава, но власть его не распространялась на нечистую силу, и он пошел окольным путем — слетал в Дагестан и нанял лезгин больше, чем насчитывалось дымов в ущелье Арагвы. В те годы лезгины могли вполне заменить чертей — даже исчадия ада не сумели бы нанести Грузии большего вреда.

Ярость Шанше передалась наемникам: Они громили жителей ущелья, будто настал Страшный суд. Горели села, лилась кровь, ревел скот. Подобного кошмара не помнили эти места. Уртурти пытался сопротивляться; просил Имам Кули-хана о подмоге, но оставшиеся в Тбилиси персы не рискнули выступить против лезгин, и эристав с домочадцами заперся в Ананурской крепости. Шанше обложил ее. Началась изнурительная осада. Арагвийскому эриставу не доставало людей, ксанскому — дальнобойных орудий. Штурм следовал за штурмом, но лезгины не смогли ни высадить ворота, ни перелезть через стены. Подступы к крепости были усеяны трупами, быстро засмердевшими от жары. Уртурти понимал, что Шанше не пощадит никого из его близких, и отбивался, не жалея себя. Отвага гарнизона поражала даже врагов. Борьба затянулась, ожесточилась. Шанше спешил захватить крепость, куда Надир-шах не направил в Грузию вспомогательные войска, в противном случае ему самому придется укрываться в крепости и обороняться.

Когда войско лезгин заметно поредело, Шанше прибег к новой уловке. Он заставил своих крепостных, уроженцев Ксанского ущелья, найти родник, снабжающий крепость водой, и так безжалостно перекрыл его, словно перерубил веревку висящего над пропастью. Вот когда осажденные хватили лиха. Они достойно отражали приступы и переносили зной, но лишённая воды крепость превратилась в раскаленную душегубку.

Кусок не лез в пересохшее горло, по утрам слизывать росу с травы и камней. Обессилевшие руки не могли ни зарядить ружье, ни занести саблю. Бардзим Эристави и его сторонники предпочли жажде плен, вышли из крепости и сдались, но Шанше приказал всех обезглавить. Видя немощь гарнизона, лезгины воспряли духом. После нескольких атак взяли крепость и всех живых изрубили в куски. Уртурти отступил и с семьей заперся в высокой деревянной башне. Бились не на жизнь, а на смерть. Лезгины были уверены, что до ночи завладеют башней, но не смогли расшатать ни одного столба. Наутро Шанше велел натаскать из лесу хвороста, обложил им башню и запалил. Неслыханная жестокость грузинского князя потрясла даже лезгин. Жуткие вопли детей и женщин неслись сверху, словно небо в ужасе отторгало их и возвращало обратно на землю. Огонь набирал силу, трещало сухое дерево стен и, когда башня рухнула, бревна ее придавили только обугленные трупы задохнувшихся от дыма людей.

Разорив Ананури, эристав Шанше отделился от лезгин, перебрался в Ксанское ущелье и принялся укреплять крепости. Разгромленное население Ксани уже не могло ни бороться, ни прятаться, всем хотелось спокойно поспать, чтобы хоть немного отдышаться и восстановить силы, но эристав закусил удила и растормошил всех. Или ему уступят Ксанское ущелье, или война. Иных решений он не признавал. То ли все негодование грузин воплотилось в нем, то ли его упорство не давало другим опускать руки... Хотя Шанше не печалился о других, так далеко он не заглядывал. Приведенные им в ущелье Арагвы лезгины сперва опустошили Картли, затем проторили дорогу от Кавказского хребта до Ахалцихе, по которой гоняли пленных на продажу, и изрядно поживились. Дорого обошлось грузинам уничтожение этой дороги и изгнание лезгин.

Глуше брнчали бубенчики шагающих позади верблюдов, словно караван увязал в густой, черневшей с каждым шагом пелене пыли, которая уже не отражала ничего, кроме его неприкаянной тени. Подобное

ощущение бывало у него и прежде, но в Грузии тень либо сливалась с другой тенью, либо сопровождала ее, а тут она существовала сама по себе, томясь нескончаемостью безводного пространства. Он сам так же томился в Тбилиси, когда играл с ханами в нарды или ходил с ними в баню. Ему не нравилось ни сидеть на мокрой каменной лавке и пить вино — он предпочитал тешить душу за столом, ни насиловать пленных девственниц — он предпочитал пылких любовниц. Но в родной стране он был скорее гостем, нежели хозяином, а гостя развлекают, кто как умеет, то деликатно, то навязчиво. Он уже не мог держаться в стороне, жить собственной жизнью. Однажды пришлось стать свидетелем такого паскудства, что он в гневе разбил чашу об стену и удалился. Персов удивляло его негодование, а его — мерзость персов. От них—и разнаряженных, и голых—одинаково пахло благовоиниями, похотью и вероломством. Если бы он мог перебраться к себе в вотчину, — пусть даже ничем иным не сумел бы помочь стране — он бы выращивал хлеб и виноград, но ему не позволяли и шагу ступить за городскую черту, а для вящей подстраховки заставили и семью перевезти в Тбилиси. Тбилиси в ту пору был недужным, покорным силе городом. Нигде так отчетливо не ощущалась беспомощность, как на этих узких улочках... Томимый бездельем, он за чтением книг убивал время. Около Метехи, на берегу Куры, сирийский купец торговал печатными и рукописными книгами. В его тесной лавочке можно было откопать такое, за чем ученые охотились днем с огнем. Ему лично нечего было искать и исследовать, но одна книга с оторванным переплетом, без заглавия заставила провести над ней целую ночь. Некий мудрец утверждал на ее страницах, что искоренить царящее на земле беззаконие не под силу ни одному государю, ни одной власти. Если в какой-то ограниченной сфере жизни возможно навести образцовый порядок, то установление и поддержание его потребуют стольких трудов и жертв, что они удесятерят хаос во множестве иных сфер. Несмотря на это, правление даже безрассудного царя предпочтительнее произвола и анархии. Только та власть достойна добрых слов, которая сумеет физически или морально подчинить себе толпу и сие подчинение ис-

06.025940
805-1110333

пользовать во благо государства. Одним словом, не ведомому законодателю не нравились ни один закон, ни одна власть, но беззаконие и произвол представлялись ему еще худшим злом. Поэтому он старался вразумить правителей, а не толпу. Книга была написана по латыни, читалась с увлечением и содержала многочисленные комментарии. Он не смог бы прочесть эту книгу, если бы раньше в их семье не проживал монах-миссионер. Монах обучил его латыни, растолковывал неясные места закона божьего. Однако неведомый философ давал такие советы и наставления, о которых в Грузии и понятия не имели, только все его рацеи были общего характера и не подходили Грузии ни с какого бока. В стране, лишившейся царя, каждый поступал, как в голову взбредет. Короче говоря, в Грузии не было толпы, а без нее доктрина неведомого мудреца попусту махала подрезанными крыльями.

В тот вечер, когда вспомогательное войско персов вошло в Тбилиси, земля несколько раз содрогнулась. Жертв не было, но ржанье коней и лай собак не давали уснуть всю ночь. Он не находил себе места. Балкон несколько минут качался, как палуба, пламя костров на площади обжигало мозг: насколько он помнил себя, между ним и родиной всегда кто-то стоял, ждал рассвета и требовал у него тысячу раз выплаченный долг. Завтра снова постучат в дверь. Он и раньше понимал, что ему не избавиться от похода против Шанше, но сейчас самому хотелось осадить взбесившегося эристава. Если удастся изгнать отложившегося князя, нетрудно будет объединить Картли и договориться с Надир-шахом. Шах — умный человек, он никогда не преследовал за религию или происхождение, напротив, мечтал слить все церкви, объединить все нации. С таким человеком нетрудно найти общий язык, только вся беда в том, что их договор не сможет ни восстановить разрушенные города и села, ни придать жизни смысл и справедливость. Слепота, сопутствующая коловращению мира, останется слепотой...

Амилахвари ощутил тяжесть собственного тела и прежде чем ругнуть коня, приосанился и расправил

плечи. Жара сморила его, мысли уже не были так свя-
зны, как во время чередования света и тени. Жизне-
радостность, доселе не покидавшую его, выхолостило
солнце и укатала беспредельность. Его могучее бога-
тырское тело между двумя безбрежными плоскостя-
ми незаметно уменьшилось и представлялось небу и
земле ползущим насекомым. Самое смешное, что
это насекомое вели за тридцать земель еще более
ничтожные, но вооруженные букашки, чтобы там вы-
жечь ему глаза и бросить в темницу. Что общего у
этих выжженных пустошей и изнуренного зноем неба
с его колебаниями и твердостью, радостью и печалью,
разумом и безрассудством! Конечно, ничего, настоль-
ко ничего, что все равно, сущ человек между ними
или нет.

...На третий день в Тбилиси прибыли афганцы, и
пестрое разноязыкое воинство персов вместе с грузи-
нами двинулось к Ксанскому ущелью. С запада дул
прохладный ветерок. Кудлатые облака барантой растя-
нулись по небу. Неожиданности превзошли все ожида-
ния, на каждом шагу строили рожки. Иоанэ, сын Шанше
Эристави, изменил отцу, переметнулся к Имам Кули-
хану и присягнул на верность. А на другой день следом
за ним явились грузинские князья, напрашиваясь в по-
ход. В этой крошечной стране интересы стольких угол-
ков противостояли друг другу, что на гниение време-
ни никто не обращал внимания.

Ущелье Куры безмолвствовало, как в беспамятст-
ве, и ничем не отличалось от опустошенных сел по
склонам гор. Впереди двигались персы, за ними — ин-
дусы, ширванцы и курды, растянувшееся войско замы-
кали повязанные платками афганцы, чьи бабьи одеяния
смешали тбилисцев. Из белых косынок выглядывали
темные, носатые лица, словно лики глиняных идолов.

С того дня, как он возвратился из Персии, в Гру-
зии мало что изменилось. Отныне к его грехам прибав-
ится еще один, который не отпустят ему ни люди, ни
бог. Вся кровь, что прольется в скорой битве, после
ухода персов запишется на его счет. Но сейчас не бы-
ло времени взвешивать грехи и заслуги. Что бы ни
случилось, он обязан сохранять мужество и здравый
смысл, пока бремя давит на плечи и земля пахнет
землей. Знакомая с детства страна походила на геенну

огненную, но терять из-за этого голову означало если не измену, то пренебрежение жизнью.

Река Ксани так обмелела, что войско несколько раз пересекло ее, не сходя с коней. Персы не спешили, уверенные, что Шанше не скрывается. По пути громили крепости, башни и монастыри, набирали пленных, торговали награбленным. Наконец приблизились к Ацерской крепости, за стенами которой укрылся Шанше с семьей и приверженцами. Крепость казалась высокой и неприступной, особенно из-за глубокого оврага, окружавшего ее, подступиться к ней можно было лишь с юго-востока. По ту сторону оврага стояла древняя каменной кладки церковь, аркой и колоннами напоминавшая античный храм. Кизилбаши готовились к штурму — рыли траншеи, подвозили боеприпасы. К утру во что бы то ни стало надлежало взять крепость и отправить к Надир-шаху закованного в кандалы эристава. Смиренно заходило солнце, огромные тени заполняли ущелье, сумерки окутывали землю. Мусульмане еще раз раскатали коврики и приступили к намазу. Ксанцы много раз видели мирное угасание дня, но сейчас не верили спокойному закату. Все ждали крушения надежд, разгула смерти. С зарей, едва небо окрасится в цвет золы потухших костров, к кровавым грехам, совершенным человечеством, прибавится еще один грех и сольется с мутным потоком бытия. Когда он направлялся сюда, в нем еще теплилась надежда, что он сумеет развязать хотя бы один из узлов бесчисленного множества явлений, сплотить Картли, укрепить ее, но когда край неба отразил жар пылающих костров, когда ущелье Ксани замерло в ожидании завтрашнего дня, им овладело такое чувство, будто он прибыл сюда не по собственной воле, а его скрутили невидимой веревкой и силой приволокли к этой крепости...

Амилахвари потер лоб и вытянул шею, словно и сейчас его волокли на аркане туда, куда идти не лежала душа, где ничто, кроме боли и пыток, не ждало его. Его воображение некоторое время вертелось вокруг светящихся, раскаленных добела кружков, пытаясь рас-

прямитесь, вскинуться на дыбы, но затем, оказавшись в потоке горячего воздуха, скособочилось, отпрянуло и вновь оказалось в мышеловке воспоминаний.

...На следующий день персы овладели Ацерской крепостью, связали пленных мужчин, женщин и детей отогнали к стене, но не обнаружили ни Шанше, ни его брата. Появление аллаха не поразило бы иранских военачальников так, как исчезновение эристава. Кизилбаши обшарили каждую щель, каждую нору, заглянули во все кевври, обстучали, а кое-где и проломили стены, добрались, наконец, до женщин, но не нашли ни переодетого мужчину, ни той, которая бы походила на супругу ксанского эристава. Чуть позже кто-то из картлийских князей случайно опознал жену Шанше и, не подумав, выдал ее персам. Женщину допросили. Она рассказала, что Шанше с братом и в сопровождении нескольких человек ночью спустились по северной стене в овраг и бежали. Иранские военачальники приуныли. Потеряв надежду поймать главаря бунтовщиков, они выместили досаду на женщинах и детях. Со всех сторон неслись рыдания, вопли, ругань, бряцанье оружия, ржанье коней. Афганцы по дороге распродавали пленных. Каждый, у кого хоть что-то было за душой, старался вызволить несчастных, но разоренная Картли не могла выкупить столько пленных. Причитания горемык текли по ущелью, будто вторая река. Афганцы свирепели, они не могли гнать такую ораву пленников, покупателей не находилось, и, дойдя до Куры, они перерезали всех мужчин и трупы сбросили в воду. До Тбилиси довели только тех, кто годился в заложники или ко двору шаха...

В пространство, ошеломленное обилием света, вторглась бархатная зелень и захватила столь много места, что почти покрыла пустыню. Он и предполагать не мог, что за выжженными холмами обнаружится целая роща. Деревья казались толстоствольными, с густой листвой. Под ними, наверняка, такая тень, которой с лихвой хватит, чтоб освежить все задыхающиеся души, но скорбные видения не перестанут терзать его память до тех пор, пока он не спешится, пока не омоет тенью разгоряченное лицо.

...Шанше Эристава он видел в последний раз, когда того в оковах привезли в Тбилиси. Измученный и

16.1935940
012.0110333

обесчещенный, он упорно молчал. Катастрофа и унижения не сломили его. Окруженный конвоем, строптиво покоряясь силе, он все еще питал надежду, что мощь его духа и тела сослужит ему верную службу, не доведет до отсечения головы или ослепления, вырвет из рук вероломной судьбы. Поэтому он враждебно и вызывающе взирал на всех. По сравнению с другими у него было немалое преимущество — он не склонился перед врагом, а потерпел поражение в бою.

В тот день Тбилиси ходил ходуном. Никто не ожидал, что Шанше Эристави и его брата поймут так легко. Одни скорбели, другие ликовали, большинство же интересовало главным образом, как все произошло. Ничто не осталось невыспрошенным, невыведенным... Бежав из Ацерской крепости, братья подались в Ахалцихе, ахалцихский паша с распростертыми объятиями принял князя, взбунтовавшегося против Персии. Янычары — в большинстве своем обасурманенные грузины — закатали для Эристави в крепости пир. Не откладывая дела в долгий ящик, Шанше на следующий день начал переговоры с турками об освобождении Ксани. Однако слух об этом настолько распространился, что достиг ушей Надир-шаха. Тот взбеленился и пригрозил султану, что посадит на имеретинский трон Александра Багратиони, если ему не выдадут Шанше Эристави. Султану не хотелось обострять отношения с Персией из-за какого-то опального князя, он приказал схватить эристава Шанше и отправить его к шаху. Такого предательства Шанше от турок не ожидал. Вместе с братом он ворвался в крепость и обратился за помощью к янычарам. Воины решили защитить эристава, но в крепость пожаловал сам паша, схватил Шанше и его приближенных, заковал в цепи и отправил в Тбилиси.

Тбилисский хан продержал пленников три дня, а на четвертый — передал чапарам, и те повезли их в Дербент к Надир-шаху. Шах выслушал Шанше, но не простил и в сопровождении вооруженного отряда препроводил в Хорасан. Дорогой Шанше бежал. Из всех его побегов этот оказался самым роковым: его поймали, выкололи глаза и бросили в темницу...

Амилахвари еще раз прикинул в уме расстояние до роши и сопоставил со своей усталостью. Изнывающий от жары мир вместе с ним тянулся к тени, горячее дыхание издали стремилось к изменчивой линии узорчатой зелени. Одаряющее тенью и прохладой драгоценное сокровище, которое земля прижимала к груди, как своего ребенка, уравнивало степь и холмы, даже не уравнивало, а отчетливо противостояло им, в пышном зеленом убранстве величаво плывя навстречу резкому запаху коней, верблюдов, людей, бесконечной суете, посеревшим от пыли призракам, вызванным к жизни существом, не сумевшим на этом свете свести концы с концами, пеленавшим бытие в холодный саван вечности и сковавшим неугомность несокрушимыми оковами тщетности.

...После поимки Шанше Эристави Надир-шах одарил Амилахвари халатом и толикой денег, пожаловал ему Ксанское эриставство и назначил правителем Картли. Картли, как тяжело больной, нуждалась в тщательном присмотре и уходе, но для этого недоставало необходимых средств, да и сам правитель не был настолько свободен, чтобы предпринять решительные шаги. Тбилисский хан не спускал с него глаз, зорко следил за ним, ханские соглядатаи ходили по пятам. Чтобы завоевать доверие народа, нужно было вызвать недоверие шаха, а доверие шаха оборачивалось недоверием народа. В таком двусмысленном положении оказался он с первых дней правления. Персы подсовывали ему настоящее, он же обращал взгляд в будущее, мечтая побороть беспорядок и хаос, но когда однажды наведялся с ханом в одно из сел, а жители скрылись, он понял, что тщится примирить непримиримое...

Ничто так не оголяло окрестность, как звяканье верблюжьих бубенчиков. Покачивание и звяканье, сливаясь в одну ощутимую волну, вторгались в сознание, наполовину обрывая мысль. Нащупать оборванные концы и связать их требовало больше времени, чем незначительное перемещение по обширному царству памяти... В Картли никогда не переводились люди персидской ориентации, но персы не нашли человека более влиятельного и деятельного, чем он. Несмотря на это, они относились к нему с подозрением, следили за каждым его шагом. Персам, ослепленным недовери-

ем, и в голову не приходило, что эта ненавистная им попранная, терзаемая своими и пришлыми страна его родина, и уж коли требуют, чтоб он служил им, пусть дадут право быть полезным и ей. В противном случае не только его правление, но и игра между победителем и побежденным теряет всякий смысл. Несколько раз он пытался вершить дела собственной волей — вернул в опустевшие деревни разбежавшихся крепостных, часть собранной дани потратил на ремонт дорог, мостов и храмов, церковное имущество, захваченное Имам Кули-ханом в Мцхета, вернул католикосу Николозу, из-за чего к Надир-шаху полетело столько жалоб, что, если бы шах решил прочесть их, ему бы пришлось махнуть рукой на несколько походов. Мрак, мрак и глупость окутывали мир, где все зарилось на чужое, где преступники рыскали в поисках невинных, чтобы предать их казни, где так яростно и безумно громили созданное веками, как некогда христиане — языческих идолов.

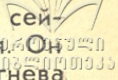
Может быть, на правом склоне холма со срезанным боком никогда не стоял идол, но след никчемных усилий человеческой деятельности заметен и на его опаленной поверхности, глубокий, болезненный след, точно такой же, как тот, что неотступно тревожит рассудок Амилахвари. Сколько он ни паясничал, как ни изворачивался, клин не удалось расшатать. Иногда спасение приносило ему равнодушие, чаще усмешки или бешенство, но все, куда бы ни ступала его нога, казалось ему прогнившим. Здравомыслие и предусмотрительность означали рабство, превращение человека в ничто. Оставалось отбросить осторожность и совершить нечто такое, что противоречит богу и заботе о близких. Пока семья находилась в Тбилиси, он не решался рвать пути и вынужден был встречать рассвет и закат в той же маске, под которой скрыл свое лицо, когда персы захватили Тбилиси; но стоит его семье оказаться вне города, он такое заварит, что персидские летописцы иначе, как шайтаном, его не назовут...

Украшенная зеленью земля обрела плотность, окутываясь темными пятнами и неожиданностью. Может быть, под этими деревьями с толстыми стволами и

густой кроной таится та же пустота, которая преследовала его в пути, но она не мешала ясно видеть и подмечать каждую мелочь. Так ему легче было бороться с расстоянием и однообразием — четче обрисовывалось все, оставшееся позади, еще не обретшее плоть и соответствующее убранство.

...Надир-шах обложил Картли неслыханной данью, а ему повелел собрать ее поскорее и на арбах гнать в Дагестан. Шаху пришлось туго. Встревоженный бандитскими набегами лезгин, он решил захватить Дагестан и стереть с лица земли разбойничье гнездо. Он загодя начал подготовку к походу, перезимовал в Азербайджане, а с весной двинул свою огромную рать на север и подступил к Кавказскому хребту. Именно этот хребет оказался той твердыней, одолеть которую шах никак не мог. Многочисленное войско с трудом продвигалось в узких теснинах, голод, тиф и морозы косили уроженцев юга. Иногда несколько горцев сдерживали целый отряд, нанося невосполнимый урон. Мусульмане изголодались до того, что стали есть свинину. Настала пора, когда Надир-шах должен был признать себя побежденным и отступить, но так легко он не мирился с поражением. У него еще теплилась надежда одолеть неприступные горы. Прошлой весной он захватил несколько ущелий и лезгинских крепостей, но чтобы покорить весь Дагестан, необходимы время, деньги и провиант, деньги же можно было добыть, лишь обложив дополнительной данью покоренные страны. Скоро за устным повелением шаха последовал письменный приказ. Тяжелая печать и графическая ясность черных букв сокращали расстояние между повелителем и подчиненным, но он и пальцем о палец не ударил, чтобы собрать дань, а послание оставил без ответа. Ему предлагали содрать с народа шкуру, больше отнять было нечего — в Картли не насчитывалось и трех тысяч яремных быков. Лопнула тонкая нить, связующая его с Надир-шахом. Отныне он должен либо сам возглавить народ и страну, либо примкнуть к тем, кто выступал против шаха...

Усталый, изнуренный жгучим солнцем Амилахвари еще раз разогнул спину, и когда по раскаленной, как печь, пустыне пролетел ветерок, он вновь открыл двери толпящимся призракам. В их многочисленной сует-

ливой ораве были и такие, кому он задолжал, но сейчас он не мог ни возратить долг, ни расквитаться. Он восстал против персов, отнюдь не только боясь гнева Надир-шаха, его беспокоило ослабление, апатия Картли. Он до тех пор мог считать себя князем и влиятельным лицом, пока существовала Грузия, пока он твердо стоял на земле, завещанной предками. В ином случае ему оставалось собрать пожитки и в поисках удачи отправиться в дальний путь. Сладость скитаний по чужим дорогам он уже не раз вкусил в юности, переходя бесконечные равнины, преодолевая высокие горы, переплывая Босфор и Дарданеллы, но нигде не чувствовал себя так вольно и счастливо, как в опустошенной, разграбленной, поруганной родимой стороне. Именно эту страну сейчас окутывал мрак, и если ему хочется видеть ее, он обязан рассечь мечом скрывающую ее завесу.

...После поражения Шанше Эристави в Картли все затихло, все замерло. У Амилахвари, запертого в Тбилиси, возникло ощущение, будто находящаяся по ту сторону городских стен страна оторвалась от жизни и обезлюдела. Пустота расплзалась, словно загноившаяся рана. Возможно, что после стольких нападений необходимы кратковременные расслабленность и равнодушие, но когда безразличие переросло в признак тяжелого недуга, он решил заполнить пустоту, сплотить разобщенных и восстать против бога, против судьбы, против бессмыслицы. В его руках находились Ксанское эриставство и вся Верхняя Картли, арагвийский эристав клялся в верности, а с пятью епископами больших епархий он начал переговоры задолго до того, как решил, каким образом вывезти жену и детей из Тбилиси. К мутным водам Куры прибавлялась мутная вода, к клубку — клубок, плелась незримая паутина, и не смотря на то, что у него не было уверенности в окончательной победе, он все же радостно приветствовал завтрашний день, бушующий, словно гроза в дождливую весну.

В начале апреля командующий азербайджанскими войсками Фатали-хан вызвал в Алазанскую долину

Имам Кули-хана, чтобы объединенными силами обрушиться на чарских лезгин. С Имам Кули-ханом отпраздновались и грузинские князья. Тбилиси остался почти без гарнизона. Персы надеялись, что грузины не осмелятся бунтовать и проливать кровь перед пасхой, но нельзя было упускать такой случай даже из уважения к восставшему из мертвых богу. Всех, кто горел желанием бежать вместе с ним, Амилахвари заблаговременно снабдил оружием, женщин и детей обеспечил теплой одеждой, а дворовым приказал седлать коней в вербную ночь. Ароматный воздух весны впитал всю надежду цветущей страны, легко дышала земля, жажда мятежа и очищения открывала каждую дверь и смело вела навстречу испытаниям.

С первым ударом больших колоколов Сионского собора христиане двинулись к церквям, а мусульмане высыпали на улицу и загалдели. В этот час в город вошел караван известного исфаханского купца с навьюченными верблюдами, ослами, приказчиками, купленными на невольничьих рынках рабами. Иса-Эд-Дин был омусульманенный еврей, рабы же — юноши разных племен и веры, некоторые из них еще помнили родной язык и название страны, в которой появились на свет. Приход каравана взбудоражил весь город. Вместе с дорогими товарами верблюды везли нечто, подобное заветной мечте. Эта мечта, пусть ненадолго, но на какое-то время помогала преодолеть высокие стены, переносила в иной мир, где цвет обогащен цветом, а чудо придает убедительность чуду. Крики погонщиков, лай собак, перезвон верблюжьих бубенчиков, будя любопытство, не давали городу дремать. Улицы, полные детей, женщин, собак, следовали за караваном. В призрачном, пьянящем воздухе витало столько грез, мыслей, страстей, горя и видений, что он не мог ни свести их воедино, ни раствориться в них, но эта удивительная атмосфера наполняла душу сладчайшим томлением, которое называется любовью и пахнет родной землей...

Амилахвари услышал чей-то оклик. Невзначай оторвавшись от отряда, он сейчас не мог разобрать, кого звали, но, поворачивая голову, перестал хмуриться и скрыл лицо под привычной маской. Персы поотстали, только собственная тень сопровождала его.

16.03.59
202-1110333

Неужели ему никогда больше не суждено увидеть движущуюся тень, отличить черное от белого, неужели на этом свете для него не уготовано ничего, кроме мрака? Много повидал он слепых, но оказалось трудно представить, что такое слепота, тем более в нынешнее лихолетье, когда человек, чтобы выжить, нуждается в десятке пар глаз и ушей. Единственное место, где глаза ни к чему — пустыня. Если бы весь мир был таким безликим и безрадостным, тогда, надо думать, ему было бы легче примириться со слепотой, но он помнил многоцветный лик этого мира.

...Когда он, сопровождаемый женщинами, детьми и несколькими верхнекартлийскими князьями, подскочил к западным воротам, стража валялась связанная, с кляпами во рту. Небольшой, в двадцать верховых, отряд так стремительно обезоружил кизилбашей, что город, замороженный молитвами и грезами, не заметил ничего. Как только распахнулись ворота, сгнула висевшая над душой тяжесть каменной крепости; прохладный ветерок отогнал в город увязавшийся было за ними смрад; он с легким сердцем оставлял Тбилиси. Освободившегося от рабства пьянили простор и воля, немощная дорога потерявшей собагонкой юлила под копытами, тени вели к дигомским рощам. Главное теперь — как-нибудь добраться до Мцхета, устроить женщин и детей, особенно семьи тех князей, которые намеревались бежать от Имам Кули-хана, и перебраться в Арагвское ущелье, а потом он сам начнет преследовать кизилбашей. Они задолжали грузинам столько крови, что возместить ее не хватит и веков.

Ночная тьма ограничивала кругозор, но глаза наслаждались и тем, что видели, — изменчивыми очертаниями цветущих деревьев, темными тенями, выразительными лицами. Никто уже не боялся глухих каменных стен, темноты, беспомощности. Стремительно летящие кони и выглядывающие из тьмы призраки шестелести веками, как деревья молодой листвой, беспечно лепили столетия одно к другому, а дуновение ветра подхватывало их, словно обрывки смутного, недосмотренного сна. Глазам все было мило — и озаренный луной храм, вокруг которого ходят тяжело-

лицые жрецы, терпеливо ожидающие момента, когда из рассеченной груди девственной жертвы хлынет горячая кровь, и вцепившиеся в посоха архиереи, и вооруженные до зубов рыцари, и образ того, кого нигде не было, но который вмещал в себя все сущее, кто не нуждался в жертве, но которому все-таки приносили ее, кому нечего было сказать, но которого все же заставляли говорить, терзали, ибо если терзание не имело смысла, тогда ничто не имело его.

Когда подъехали к Мцхета, небо уже меняло цвет и пыталось отделиться от облаков, прилепившихся на востоке. Поднявшаяся Кура зло ревела, не давая приблизиться. Он знал, что мцхетский мост снесен половодьем, что без посторонней помощи не переправить на тот берег столько беспомощных существ. Где-то за горами огромные корабли с распущенными парусами бороздили моря и океаны, а у него не было средств благополучно преодолеть реку. Будь он один, он бы направил коня в Куру и как-нибудь перебрался на тот берег, но гнать в бушующую воду женщин и детей все равно что просто утопить их. Поэтому пришлось вспомнить испытанный предками способ. Он заранее наказал Бежану Эристави связать надутые бурдюки, укрепить поверх них доски и спустить на воду. Арагвийский эристав оказался человеком слова, он с честью выполнил поручение. В Мцхета их встретили воины и плоты. Чуть рассвело, воины отвязали спущенные на воду плоты и взялись за шесты. Чем дальше от берега, тем больше темнела Кура, приобретая глубину бездонной пропасти. Амилахвари никогда не был акробатом, но в тот день балансировал, как ярмарочный канатоходец, и только благополучно перевезя всех на тот берег, с облегчением возблагодарил господу..

За спиной снова затараторил евнух. По осипшему голосу было заметно, что жара и запах пота доконали и его. Несколько раз он упомянул об оставленной дома канарейке, но сейчас за клочок тени отдал бы пение всех птиц на свете. Обетованная земля находилась там, где маячили зелень, зелень и тень, тень и молитва, молитва и еда, еда и дремота. Евнух спал осторожно, вполглаза, но подобная бдительность пропадала зря — его пленник не собирался бежать.

...В Мцхета все соскоблили с себя грязь, просуши-

ли одежду, но по дороге в Душети снова вывалились в грязи. Снег в горах еще таял, дороги местами развезло, местами покрыло водой. Быки, скользя на подъемах, с трудом вытягивали из грязи арбы. Воины выбивались из сил, подсобляя им и до крови обдирая руки. В Душети собралось столько народу, что деревенька уподобилась военному лагерю. Вечером устроили великолепный пир, пели, танцевали. Пусть не вся, но большая часть Картли находилась в их руках, и они никому ее не уступят без боя. Свобода окрылила даже маловеров. На другой день Амилахвари созвал князей Верхней Картли, эриставов Ксани и Арагвы и, когда поле заполнилось народом, произнес речь и роздал привезенные из Тбилиси оружие и деньги. Сейчас он не помнит, что говорил тогда, но когда дело дошло до клятвы, ни один не отступил. Он первым приблизился к иконе святого Георгия, ухватился за нее обеими руками и так зычно произнес клятву, будто старался, чтобы его голос достиг небес. Развевающиеся знамена, единодушные возгласы воодушевили народ — взрослые и малые давали клятву, целовали образ. В тот момент все верили, что никогда в их души не закрадется измена, но потом столько переметнулись, что всех имен и фамилий не упомнишь. Хотя в последнее время в Картли сложилась такая обстановка, что многие, возможно, предали его, а не страну...

Слева, у самой крайней грани бесконечности, вновь обозначилась темная полоса, и внезапно посреди нее что-то блеснуло, будто там заиграл бриллиант. Он сверкал до тех пор, пока холмы не разделили пространство и не застлали край неба.

...Когда улеглось праздничное возбуждение, дел оказалось невпроворот. Прежде чем кизилбаши переправятся через Куру, необходимо вооружить войска, укрепить крепости, заключить союз с Турцией и Россией. Надлежало так противопоставить интересы этих трех государств, чтобы двое из них ссудили его деньгами и помогли войском. В ином случае война с персами обречена на провал. Слов нет, османы никогда не были желанными гостями в Грузии, но восставшие в первую очередь боролись с теми, кто наложил лапу на

их страну. Иного пути не существовало. Лишь раскол врагов давал возможность расколотой стране ненадолго перевести дух. В те дни он почему-то верил, что не повторит ошибок предков, не позволит событиям взять верх, но каждодневные мелочи так запутали все, что в конце концов он не заслужил ничего, кроме наказания...

На мгновение Амилахвари почудилось, будто земля вывернулась наизнанку и прилипла к небу. Холмы, пересохшие лощины и узорчатая зелень — все пришло в движение, то ударяясь о небосвод, то свергаясь в бездну. Растерявшись, он не знал, куда взглянуть, за что уцепиться, как вернуть на место вознесшуюся твердь. С минуту протирал глаза, потом прикрикнул на коня, и когда грязной рукой натянул поводья, призрачное прошлое снова обрело плоть.

...На его глазах Картли прихорашивалась, зеленела, но он ничего не замечал. Время несло сломя голову, не давая возможности оглядеться. Требовалось наладить и попутно привести в божеский вид все. За два месяца надлежало создать почти новое государство и так управлять им, чтобы его признали и друзья, и враги. Сначала он возил семью с собой, но это оказалось обременительным, и он укрыл ее в неприступных горах. Арагвийское эриставство находилось под началом надежного человека, Ксанское ущелье он вручил двоюродному брату Ревазу Амилахвари, сам перебрался в Верхнюю Картли и принялся сколачивать гарнизоны в крепостях. Особенно тщательно укрепил Сурамскую, Ахалдабскую, Кехвисскую крепости — они прикрывали дороги на Ахалцихе и в Имерети. Безмолвию Картли пришел конец, народ зашевелился, зашумел. Жизнь обрела смысл и радость. Еда стала похожа на еду, работа — на работу, смех — на смех, плач — на плач. Надежда расправляла крылья, прокладывала дорогу среди сомнений. Именно в те дни прибыли посланцы шаха — обещая полное прощение, Надир-шах предлагал ему вернуться в Тбилиси. Какое прощение, что он должен шаху и его присным?! Земля, на которой он стоит, — его родина, и если он мужчина, он обязан защищать ее от захватчиков. Поэтому без колебаний, даже не сойдя с коня, он ответил отказом...

Персов нагнали Соломон и султан Казаха. Теперь ему в спину уставились четыре пары глаз, четыре пары выгоревших на солнце глаз, которым не грозило ни выкалывание, ни выжигание. Только в его глазницах покоились глаза, которые намереваются выжечь, — вон сколько людей жарятся на солнце, цепляются за дремотные грезы, чтобы сократить дорогу, и все ради одной пары зрячих глаз. Соломон так говорил по-персидски, словно воспитывался в медресе, от других его отличал только низкий, приятный голос. Султан Казаха знал грузинский лучше персидского и турецкого, но не решался перевести разговор с одного языка на другой. Больше всех разглагольствовал евнух — он многое видал, слышал, перенес и умел, видимо, рассказывать, потому что остальные внимательно слушали его. До поворота он и сам прислушивался к словам старика, чужим оружием борясь со временем, а когда изгнал из сознания образы едущих сзади и перенес внимание на внешний мир, припомнил одну старую притчу. Какой-то персидский шах часто рассказывал одному из приближенных некую историю, но каждый раз вельможа так сосредоточенно внимал повелителю, что однажды не заметил въезда на мостик и вместе с конем свалился в воду. С того дня он не лишался милостей и расположения шаха.

Амилахвари бросил взгляд на сидящую у обочины полевую мышь, отвел глаза и облизал сухие губы. Хотелось пить, но он мог утолить жажду и потом; хотелось есть, но он насытится там, где утолит жажду. А до тех пор он мог смещать время, снова и снова возвращаясь к событиям, ясность и неясность которых привели его на эту дорогу.

...В конце июля кизилбаши форсировали Куру и вторглись в Арагвское и Ксанское ущелья. За два месяца он успел собрать до пяти тысяч воинов, да еще тысячу поставил в крепостях и башнях, но с таким войском нечего было и мечтать о победе над испытанной в боях двадцатитысячной армией, оснащенной английскими ружьями и пушками. С той поры, как он впервые взял в руки оружие, он всегда сожалел, что в Грузии нет регулярного войска. Пока не изобрели даль-

нобойные орудия, этот недостаток не ощущался так остро, а после их изобретения и усовершенствования, на шашку полагался только тот, у кого не было иного выхода. Выхода не было и у него, поэтому он уклонялся от сражения на открытой местности и нападал на кизилбашей только тогда, когда обстановка позволяла вести рукопашный бой. Прежде чем начнутся дожди, надо было перерезать дороги, укрепить крепости, распылить вражеские силы, а осенью персы сами отступят. Тогда-то необходимо приложить все силы, чтобы как можно меньше врагов переправилось через Куру...

Кольцо на пальце сверкнуло на солнце, и острый луч, как колючка, царапнул глаз. На протяжении всей дороги он остерегался резких движений, приноравливался к обстановке, а тут не удержался и качнулся вбок. Конь тотчас же встрепенулся, почувствовав неожиданное перемещение тяжести, но едва всадник выпрямился и закрыл глаза, снова пошел мерным шагом. Зажмуриться и ослепнуть — большая разница. Солнечные лучи просачивались сквозь сомкнутые веки, добивались до зрачков, распадаясь на пятна и тени, наполнялись пылью, обрушивались на голову. Сколько бы он ни притворялся, сколько бы ни обманывал себя, он нигде не найдет открытых дверей, возможно, ему удастся вырваться из рук шаха и его палачей, а вот от свалившихся на голову осколков брэнного мира ему не уйти ни живому, ни мертвому.

Амилахвари открыл глаза. Дорога сократилась шагов на десять, но сейчас и десять шагов имели значение, значение имело все, что помогало в борьбе с судьбой, с одиночеством, что уменьшало опасность. На нем столько персидской крови, что если шах сто раз будет убивать и оживлять его, оживлять и убивать, ее все равно не возместить, но из-за этого не стоит удлинять и без того дальнюю дорогу. До Исфахана он должен довести и сердце, и язык, и способность улыбаться.

...Как только персы сняли осаду с крепостей и начали отступать, он со всей ратью перешел из Верхней в Нижнюю Картли, преследуя врага. Кизилбаши спешили, пуще божьего гнева страшась ненастья и туманов. Каждый отставший отряд становился добычей

грузин. Через несколько дней оружия набралось, хоть завались, ружей, пороха и пуль хватало всем. Несмотря на это, он берег людей — потеря сотни человек наносила ему больший урон, чем персам потеря тысячи. Кизилбашей он впервые атаковал в лоб, когда те переправлялись через Куру. Крики оглашали теснину, жестокость сечи придавала силы рукам, каждый взмах шашки уносил человеческую жизнь. Кровь и накопившаяся злоба пьянили и ожесточали грузин. Сносились головы, переламывались ребра и ключицы, потрошились животы. Трупы завалили Куру, вода покраснела. Перебравшиеся на тот берег кизилбаши без оглядки улепетывали в Тбилиси. Будь эта победа окончательной, он бы повесил шашку на стену и принялся за мирные дела: восстанавливал бы храмы, дороги и училища, понастроил бы домны, цеха и караван-сарай, начал бы чеканить монету, печатать книги, навез бы из-за моря всякой всячины, но до весны оставалось считанное время, и это больше походило на фантазию, чем на действительность.

На деле ему не было отпущено столько простора и свободы. С востока каждый день дул пропитанный смрадом, вонючий ветер, заставлявший каркать воронов, рассевшихся на голых ветвях. Страну грабили, она становилась такой же дикой, какой была когда-то до возникновения жизни. Ожидание суживало предположения, предположения подкапывались под ожидание. Теперь ничего не хотелось, кроме вина, вина и пьющих сотрапезников. Стол, накрытый у огня, полные роги, неиссякаемые здравицы и старинные песни не допускали время к очагу и занимали почти столько же места, что и весь мир.

Он никогда не отказывался от мирских наслаждений из боязни загубить душу, но в те дни совершил такой грех или благодеяние, что не мог забыть до сих пор. Он как-то остановился на ночевку в доме князя Элизбара Давиташвили. Князь, разочаровавшийся в жизни человек лет пятидесяти с лишним, домашним хлопотам предпочитал бродячую жизнь. До восстания он тешил вечное недовольство брюзжанием на нера-

зумное устройство бытия, но с восстанием окрылился душой, не слезал с коня, его видели то в одной постели, то в другой, он все надеялся, что персов выгонят из Грузии. За день до приезда гостей князь отбыл в ущелье Лиахвы, и никто не знал, когда он вернется. Гостей принимала его молодая, щедро одаренная господом, озаренная каким-то неземным светом жена. Много повидал он красавиц на своем веку, но никогда не терял голову. А в тот вечер, досадуя и дивясь на свою оторопь, не мог выдавить из себя ни слова. За столом, кроме него и хозяйки, находились еще старуха в чихтикопи и двое азнауров. Азнауры подбивали его пить, стараясь не отставать от него. И раньше он почти не хмелел, а сейчас сам сатана не смог бы напоить его. Глазами он ласкал грудь и стан хозяйки, стараясь проникнуть взглядом за покровы; воображение уже стлало постель и мяло свежие простыни. Азнауры быстро и скверно напились, сидеть с ними становилось невыносимо, и старуха с большим трудом выводила их из зала. Ему постелили наверху, где комнаты — каждая со своим выходом — выстроились в ряд. Не помышляя ни о чем дурном, он произвольно запомнил дверь хозяйской спальни. Вино и близость озаренного небесным сиянием тела сводили его с ума, и скоро он забыл обо всем на свете. Разулся, но лечь не мог. Мир стал тесен. Спать одному означало обокрасть самого себя, отказаться от жизни. До полуночи он метался по комнате, как посаженный в клетку дикий зверь, измучился душой и телом, а когда облака скрыли луну, он, как вор, в одних носках вышел в коридор и так смело отворил дверь хозяйской спальни, словно спешил к собственной супруге. Хозяйка не спала, рядом с кроватью теплилась полуоплывшая свеча. Увидев его, женщина вздрогнула и растерялась — подобной бесцеремонности она от гостя не ожидала. Приподнявшись на кровати, она намеревалась позвать на помощь, но передумала и подтянула одеяло к груди. Передумала, боясь, что крик опозорит ее больше, чем молчание, или надеялась пристыдить и выпроводить его. Будь у него время для ухаживания, он бы не поступил как насильник, а, выждав несколько дней, испытанными приемами завоевал бы сердце женщины и добился бы своего, но сейчас не было времени ни уха-

живать, ни соблазнять, утром надо было перебираться в Ксанское ущелье и вывозить оружие. Поэтому он, не раздумывая, быстро запер дверь на щеколду, метнулся к кровати, и когда выплывшая из туч луна осветила спальню, женщина уже билась в его объятиях. На сопротивление он наталкивался и раньше, но с таким встречаться не приходилось. Женщина исступленно вырывалась, пуская в ход зубы и ногти, сопротивлялась каждым членом гибкого тела, каждой мышцей, боролась молча, неистово и бесстрашно. Даже в рукопашной с кизилбашами он не уставал так, как в единоборстве с будто бы слабым существом. Постель сбилась, одеяло и подушки валялись на полу, из его исцарапанной шеи сочилась кровь. Наконец он прильнул к ее груди, добрался до ее губ, и когда, разъяренный, овладел ею, женщина обвила его шею окровавленными руками и застонала. Только тут он понял, отчего это вылепленное богом тело было озарено необычным светом, почему оно так остро влекло к себе,—женщина жаждала ласк и любви. Всю ночь они не смыкали глаз, не прикрывались, не щадили друг друга. Утром она уснула, и когда он на цыпочках выходил из спальни, у него возникло такое ощущение, будто обыденное подавило необычайное...

Амилахвари повертел затекшей кистью правой руки. Пыль, набившаяся в складки кожи, размякла и почернела от пота. Чтобы смыть эту жирную грязь, не хватит и кувшина воды. Больше всего человек нуждается в воде там, где и признаков ее не сыщешь. В Кандари во время похода один абаданский перс рассказывал ему, что до хиджры арабы очень бедствовали, и когда у бедуинов в пустыне иссякали вода или запасы съестного, они, чтобы избавиться от лишних ртов, живыми закапывали в песок несовершеннолетних девочек, своих дочерей, и даже камня не оставляли на том месте. Всадники, едущие из Грузии в Персию, не были бедуинами, никому не грозила опасность быть погребенным заживо, но здесь ни существование не было залогом смерти, ни смерть — предлогом для существования.

...До весны персы и носа не высовывали из Тбилиси, а весной случились два события, которые раскололи Картли на два враждебных лагеря. Впервые за последние столетия на опоганенный, пропитавшийся мусульманским духом трон Картли сел христианский царь, и грузины так ликовали во время его коронации, будто их вторично обратили на путь истины. Католикос собственноручно возложил короны на головы Теймураза и Тамар, князья присягали на верность, горожане преподнесли драгоценности и парчу. Пировали три дня. Находящиеся в городе иноземцы не предполагали, что грузины еще способны на такое торжество. Недовольными оставались только те из князей, которые считали, что у Теймураза нет прав на картлийский престол, но права завоевываются, а не подтверждаются. Теймураз был дальновидный политик и вовремя понял, что Надир-шах никому ничего не уступит, никому не позволит посягать на целостность Персии, поэтому он безоговорочно подчинился шаху — платил дань и помогал в борьбе с лезгинами. Государственный ум обнаружился и у Тамар. В то время как Амилахвари ополчился против персов, царица посетила Надир-шаха, отговорила его от намерения разорить Картли за неуплату дани и, наконец, убедила возвести на опустевший отцовский трон ее мужа. Надир-шах обещал ей это и слово свое сдержал. Личные посланцы шаха прибыли из Персии, поздравили Теймураза с восшествием на престол и поднесли богатейшие дары. Страна без царя наконец-то удостоилась монарха, но вступление Теймураза на престол означало, что между Амилахвари и новым царем неизбежны распри и война. А скоро появился и повод для войны.

Окончание следует

МАГУЛАРИЯ ГИВИ НОЕВИЧ. Род. в 1926 году в Тбилиси. Окончил Тбилисский государственный университет. Работает в журнале «Сабчота хеловнеба» заведующим отделом театра. Автор художественных произведений, эссе, статей. Член Союза писателей СССР.

В ДЕВЯТЬСОТ сорок первом я проходил действительную военную службу в одной из авиационных частей в Смоленске.

Получив двухнедельный отпуск в мае, я приехал в Москву. Переночевал в общежитии Московского энергетического института — приютили друзья-студенты, с которыми я учился до призыва в армию.

Утром пришел в институт. Волнение и грусть овладели мною. Вспомнился ноябрь 1939 года, когда тридцать тысяч студентов-москвичей были направлены в военные училища — страна укрепляла свою обороноспособность.

В институте встретили меня радушно, декан даже отвел к ректору. На вокзал провожали друзья.

И вот на четвертый день я был в Батуми.

И тут, дома, я обрел необычный душевный покой. Мама взяла недельный отпуск, чтобы побыть со мной.

Быстро промчалась неделя. И настал день отъезда. Родители волновались. То было тревожное

Давид ЧХИКВИШВИЛИ

РУБАШКА

Р а с с к а з

Перевод
Зураба АХВЛЕДИАНИ

время. Вся Европа находилась под фашистским сапогом. Об этом вслух не говорили, но все чувствовали, что война с Германией неизбежна.

На вокзале мама протянула мне чемодан.

— Здесь кое-какие подарки для твоих друзей. Передай им от меня... А для тебя — рубашка. Красная рубашка... Надевай иногда, будешь вспоминать меня...

Рубашка, сшитая руками матери... Она вложила в нее все свое тепло, все свои надежды... Я представил себе, сколько она думала над этим нехитрым подарком, который сейчас вручила мне как материнский талисман, как защиту от всех бед и напастей.

До Тбилиси меня провожал отец, дальше я поехал один. В поезде я раскрыл чемодан и стал рассматривать мамин подарок. Это была обыкновенная нательная рубашка с короткими рукавами, сшитая довольно неумело и неказистая на вид. Но не это удивило меня — моя мать, хорошо образованный, опытный педагог, член партии с девятьсот семнадцатого года, была далека от портняжного искусства. Рубашке она, конечно же, придавала скорее символическое, чем практическое значение и мало заботилась о ее красоте. Было непонятно другое — почему она сшила рубашку именно из красного, а не из белого, как обычно, миткаля?

Тайну эту мать унесла с собой в могилу. Уже после войны я несколько раз спрашивал ее об этой красной рубашке, но она так ни разу и не ответила.

— Главное, что ты вернулся домой на радость материнскому сердцу. А цвет? Какое это имеет значение? — говорила она.

...Я возвратился в свою часть. И вновь начались изнурительные учебные полеты. Мамину рубашку я не надевал — лишь иногда дотрагивался до нее рукой, и тогда мне казалось, что я чувствую биение сердца любимой матери. Боясь насмешек товарищей, я скрывал существование рубашки — они наверняка стали бы издеваться: «Вот деревенщина, вырядился в красную рубашку!» или, чего доброго, прозвали бы меня «красной рубашкой».

...Война грянула неожиданно.

В первый же день мне пришлось вылететь на боевое задание — бомбить Варшаву. За пять дней я при-

нял участие в десятке операций нашей авиации, сбили три самолета противника. А на шестой день настала моя очередь — «мессершмитты» сбили наш самолет. И лишь по счастливой случайности я спасся от гибели, но был тяжело ранен в ногу.

Находясь в госпитале, я получил письмо от матери. Привожу его дословно:

«...В час лихолетья с еще большей силой зовут нас древние традиции наших предков — бороться против коварного врага. Я напоминаю тебе об этом, сынок, не потому, что сомневаюсь в твоей храбрости или же в конечном твоём спасении. Если б ты трусил — ты бы не стрелял так метко. Я — мать и счастливейшим событием своей жизни считаю твои победы в поединках с мифическими «мессершмиттами». Я горжусь своими слезами, которые падают на это письмо, и благословляю тебя, сын мой! Ты оказался преданным сыном своей земли, и я хочу, чтобы ласка матери не оставляла тебя и в небе. Нежность свойственна даже мужественным и несгибаемым, мой мальчик! Письмо это позволит тебе понять состояние моей души и довериться закаленному жестокой жизнью сердцу матери, которое всегда с тобой в твоих полетах. Человеку с моим прошлым можно поверить и без клятвы: миг свободы мне дороже коленопреклоненной вечности. Но великое наше счастье в том, что врагу не дано отлить пулю для тебя... Это тайное предчувствие, мой Датики, живет в груди твоей матери как ангел-хранитель. Очевидно, оно — заслуженная награда за тяжелое прошлое, дань за боль, причиненную врагом в годы подполья... Но я хочу напомнить тебе: лишенная смысла самоотверженность обесценивает победу над смертью. Но мне кажется, что венцом праздника победы над врагом является присутствие самого победителя. разве героизм и отвага заключаются в том, чтоб принести в жертву собственную жизнь?!»

И сейчас, спустя сорок лет, когда я перечитываю это письмо, мои глаза наполняются слезами. Нетрудно представить, с каким чувством читал я его тогда. На размытые от слез матери строки падали и мои слезы.

Давид Чхиквишвили. Рубашка.

Я попросил медсестру подать мне мою полевую сумку, достал оттуда красную рубашку и надел на себя. По телу разлилось тепло — материнское тепло, ласка матери.

Вечером в палату вошел главврач и, увидев на мне красную рубашку, поднял такой крик, что переполошил весь госпиталь.

— Это еще что за фокусы?! Вы кто — цирковой клоун или...?! Снять немедленно!

Я отказался. Тогда главврач связался по телефону с командиром полка Александром Головановым и рассказал ему о моем беспрецедентном проступке.

Я хорошо услышал в трубке ответ Голованова:

— Вам, видать, делать нечего! Да бог с ним, пусть надевает что хочет! Вы лучше постарайтесь вылечить его поскорее, мне летчики нужны!

Трудно, наверно, поверить, но с того дня и до последней минуты войны я не расставался с этой рубашкой. Это было мое счастье — везде и всюду, в боевом полете и на земле, я неизменно чувствовал тепло матери, прикосновение ее нежной руки.

Наша часть была сформирована в конце 1940 года в качестве авиаполка особого назначения, предназначенного для ночных полетов на стратегические центры противника. В дальнейшем на базе этого полка намечалось создание стратегической авиации дальнего действия. Командиром полка был назначен известный летчик Александр Голованов, которого Сталин знал лично. Бомбардировку стратегических объектов на территории противника (военных заводов в районе Варшавы) наш полк сумел осуществить лишь в первый день войны. Затем, ввиду создавшегося положения, полк был переключен на выполнение тактических задач, с которыми он справлялся успешно. Позднее, после провала фашистского наступления на подступах к Москве, полк вывели с театра военных действий, перебазировали сперва в Иваново, затем во Владимирскую область, где была сформирована дивизия, вооруженная новыми четырехмоторными самолетами конструкции Петлякова — мощными, быстрыми машинами с продолжительностью беспосадочного полета в 12—13 часов.

Весной 1942 года для дивизии был оборудован аэродром в районе Москвы, и уже в середине апреля более ста самолетов дальнего действия совершали полеты на стратегические центры фашистской Германии. Начали с Берлина. И Геббельс, доказывавший всему миру, что советской авиации больше не существует, в первый же налет на Берлин был вынужден укрыться в бункере Гитлера.

В этом первом полете на Берлин участвовал и я. Машины стартовали в 8 часов вечера с интервалами в две-три минуты.

Мы летели на высоте приблизительно в девять километров. Кабины самолетов тогда еще не были герметизированы, и температура в них была около сорока градусов ниже нуля. Несмотря на соответствующую экипировку — теплые белье, электрокомбинезоны, комбинезоны из медвежьего меха, меховые унты — двенадцатичасовое пребывание в кабине без движения, к тому же в кислородных масках, давалось с трудом. Периодически, через каждый час, мы на несколько минут включали электрокомбинезоны и немного согревались, но применение этих комбинезонов было сопряжено с определенным риском.

После четырех часов полета показался Кёнигсберг. И я впервые за все время войны увидел сверху освещенный город — похоже, немцы чувствовали себя здесь вольготно. И это вызвало во мне такое возмущение и ненависть, что я попросил у командира разрешения сбросить на город хотя бы одну бомбу. Но он холодно и категорически отказал:

— Придет очередь и Кёнигсберга.

Взяли курс на Берлин. Справа от меня — море, слева — Восточная Пруссия, вся в огнях, нарядная.

Вскоре освещенные населенные пункты под крылом исчезли. Мы приближались к зоне Берлина, утопавшей во тьме. В окрестностях Берлина и дальше, к западу, не было видно ни одного огонька.

Было два часа ночи.

И вдруг заговорила зенитная артиллерия фашистов. Вокруг самолета — слева, справа, спереди, сзади — возникли вспышки разрывов. Командир все вре-

мя менял курс и высоту. Артиллерийский огонь делался все более опасным. Заработали автоматические артиллерийские установки противника. Разноцветный градительный огонь рвущихся снарядов образовал вокруг города стену. Если бы не война, можно было подумать, что над Берлином сверкает праздничный фейерверк.

Берем курс к центру города, и несмотря на усилившийся зенитный огонь, командир не меняет его.

Через нижний люк я вижу объятые пламенем городские кварталы — видно, здесь хорошо поработал летевший перед нами майор Пусеп!

Вдруг наш самолет резко подскакивает метров на пять-десять вверх — это на Берлин полетели тридцать наших авиабомб. Включаю фотоаппарат. Бомбы одна за другой ложатся в цель.словно тридцать вулканов извергли огненную лаву. Весь квартал в огне!

— Это — цветочки! Дождетесь и ягод! — крикнул я и подсел к радиопередатчику. Рука — на ключе, но согнуть ооченевшие пальцы я не в силах. Включаю электрокомбинезон и чувствую, как согревается тело.

Передаю радиограмму.

А огонь зенитной артиллерии все усиливается. Я даже слышу разрывы снарядов и удары осколков об стенки самолета.

Я не успел закончить передачу радиограммы, как почувствовал под сердцем острое жжение. «Осколок!» — подумал я, так как знал, что в первые секунды после ранения пулей или осколком чувствуется не боль, а именно жжение. Я испугался. Жжение переросло в острую боль, которая усиливалась с каждой минутой. С трудом закончив передачу и выключив радиоприемник, я снял с руки меховую перчатку и ощупал грудь. Прикосновение руки еще больше усилило боль, однако крови я не обнаружил. Вдруг рукой я нащупал что-то твердое. Осколок! Осколок, застрявший в электрокомбинезоне! Что за чертовщина?! Крови нет, значит я не ранен. Откуда же эта страшная боль? Но тут я понял — от осколка загорелся электрокомбинезон, а затем и верхний меховой комбинезон. Я попытался сбить огонь, но не смог. Сообразив, в чем дело, я тотчас выключил электрокомбинезон, но боль станови-

лась все сильнее. И тут в наушниках раздался голос майора Ярцева:

— Передали радиограмму о выполнении задания!

— Так точно, передал!

— Почему же не доложили мне?

— На мне горит комбинезон... Угодил осколок... Земля благодарит за удачную бомбежку...

Тотчас ко мне перебрался бортинженер Смирнов. Он сначала натянул на меня меховые перчатки, отрегулировал кислородную систему, а затем стал внимательно осматривать мою одежду и тело. Каждое прикосновение к груди причиняло боль.

— Потерпи немного, Давид, — ласково уговаривал меня Смирнов, — еще минута, и все будет в порядке! — и продолжал обеими руками колотить меня в грудь. От невыносимой боли я почти потерял сознание, но Смирнов не отставал. Наконец огонь был сбит.

— Ну, брат, — улыбнулся Смирнов, — ты родился в рубашке! Твое счастье, что осколок застрял в электрокомбинезоне, а не разорвал тебе грудь!

Он сказал, что от осколка в электрокомбинезоне произошло короткое замыкание и вспыхнул огонь, левая часть комбинезона и белья выгорела полностью, и на груди у меня сильные ожоги.

«Родился в рубашке! — подумал я. — Было бы правильнее: в рубашке, сшитой матерью!.. Это она, мамина рубашка, сгорела, но уберегла от осколка мое сердце...»

Смирнов вернулся на свое место, а я предался невеселым думам. Мамин подарок, милая красная рубашка... Вот и сослужила она мне службу... А что мама? Сейчас она, наверно, спит... Спит и думает обо мне... Что за глупая мысль! Как может думать спящий человек?! А впрочем, почему бы и нет? У матери нежное, чуткое сердце, оно все видит, все чувствует—даже во сне... Чувствует мама, что мне очень, очень больно, болит грудь, и оттого у нее сейчас тоже болит сердце—сильнее, чем у меня... А может, ей снится, что горит сшитая ею рубашка, и она упрекает меня: «Ты что же это, сынок, не сумел уберечь мою рубаш-

ку? Зачем понадобился тебе электрокомбинезон? Разве моя рубашка не согрела бы тебя!»

Нет, мама не способна на такие упреки — даже во сне... «Видишь, сынок, какая сила в моей рубашке! Она устояла перед снарядом! Она тяжело ранена, но твое сердце спасла. Это ничего, что твоя грудь немного пострадала. Взгляни-ка на мое сердце: оно все в ранах. Каждое воспоминание о тебе, увы, вместо радости наносит ему новую рану. А ведь я только и живу мыслями о тебе! Горит мое сердце, сынок, горит! Как же иначе? Такова судьба матери...»

Меня вывел из оцепенения тревожный голос стрелка:

— Товарищ командир, сзади приближается «мессершмитт!».

Я привстал и из верхнего люка, где был расположен мой пулемет, стал осматриваться. Восток начинал алеть от лучей солнца, на западе было по-прежнему темно. Враг приближался с запада. Он хорошо видел нас, я же с трудом различал его силуэт.

Наш самолет был отлично вооружен — не зря же его называли «летающей крепостью»: шесть авиационных пулеметов и одна автоматическая пушка (пятью из них управляли стрелки, двумя — я и штурман), так что «мессершмитт» для нас не представлял серьезной опасности. И действительно, стоило нам дать первый залп по приблизившемуся противнику, он почувствовал наше явное преимущество и убрался восвояси.

...После двенадцати часов полета мы благополучно приземлились на своем аэродроме. Меня тотчас же отправили в санчасть. Увидев прожженную красную рубашку, врач и фельдшерица удивленно переглянулись. Потом девушка вооружилась ножницами и хотела разрезать на мне изуродованную рубашку, но я отвел ее руку, осторожно снял рубашку и скомкал ее в правой руке. Фельдшерица и врач еще раз переглянулись — они поняли, что эта красная рубашка представляла для меня особую ценность.

Ожоги на груди обработали, смазали мазью и направили меня в стационар. Здесь я первым делом попросил у медсестры ножницы, иголку и нитки. С большим старанием я вырезал из рубашки сгоревшие

куски и аккуратно зашил их. Рубашка осталась башкой, но она почти лишилась левой половины.

Четыре дня спустя я был уже здоров и вернулся в строй. За налетом на Берлин последовали налеты на Кёнигсберг, Данциг и многие другие города фашистской Германии и оккупированных ею европейских стран...

...К концу войны моя красная рубашка, как говорится, дышала на ладан. Изорванная, истлевшая, она еле держалась на теле. Рубашка напоминала мне открытого ранами солдата-ветерана, оставившего на поле битвы всю свою жизненную энергию. Я, и в самом деле прошедший сквозь огонь и бури войны, был полон сил и с уверенностью глядел в будущее, она же, славная красная рубашка, доживала свои последние дни.

И вот я вернулся домой... Радости моих родителей не было границ. Но мама, не старая еще женщина—ей было сорок семь лет — показалась мне уставшей и сломленной.

Достав из моего чемодана сшитую ею, изодранную, изуродованную рубашку, мама засияла от радости, потом в глазах у нее разлилась невысказанная грусть, предавшись своим невеселым думам, она молчала.

Я смотрел на мать и чувствовал, что дни ее сочтены. Война нанесла маме неизлечимую рану — более тяжелую, чем ее сыну-воину...

Да, тяжела доля матери!..

ЧХИҚВИШВИЛИ ДАВИД ИОСИФОВИЧ. Род. в 1921 году. Доктор исторических наук, член-корреспондент АН Груз. ССР. Автор монографий по теории и истории искусства и культуры, книг «Народы и культура», «Нация и культура» и рассказов, опубликованных в прошлом году в двух номерах журнала «Мнатоби».

В КАБИНЕ лифтерша улыгнулась Саши и сказала Марату Григорьевичу:

— С вами в лифт опасно заходить.

— Почему? — неосторожно спросил Марат Григорьевич.

— Оборваться может.

В конце концов он был всего лишь профессором, и если лифтерши обращали внимание на его живот, то администраторы центральных гостиниц вовсе смотрели мимо. А потому к вечеру суматошный московский конвейер выбросил их, изрядно помятых, к «Заре», «Востоку», «Алтаю».

Притиснув живот к стойке, Марат Григорьевич предъявил направление, и впервые ему ответили улыбкой.

— Минуточку. Алло, Люся, два места в семнадцатой... Нет? Как же, здесь у меня солидные товарищи. Нет, пятнадцатикоечная не подойдет. Девятнадцатая?

Она обернулась:

— Есть комната на десять коек. Устраивает? Пока там никого нет...

— Хорошо, если бы не было посторонних... — нерешительно стал раскрываться Марат Григорьевич.

Вильям ХАЦКЕВИЧ

СЛИШКОМ МНОГО МАТЕМАТИКИ

П о в е с т ь

— Обязательно поделят, — сказал Саша.

— Можно заплатить за все десять мест?

Напряженное лицо Марата Григорьевича, душное — администратора.

— Платите.

Седьмой этаж. Зеленый абажур над столиком дежурной.

— Вот ваш ключик.

— Спасибо, Люся.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Вы мне снились ночью. Явились и представились — Люся. А я вам — Саша.

— Вы хиромант?

— Нет, аспирант.

Вот и вафельные полотенца на спинках железных коек.

— Здесь вам будет лучше, Марат Григорьевич, хотите, я сюда передвину кровать?

Какие руки у Люси — белые, грациозные. А глаза темные... Темно в комнате. Белеет прохладная подушка: спать, спать...

Взрыв канонады. Откуда-то издали вступает виолончель — мотивом томительным и тревожным. Могучая симфония храпа говорит о другой, более серьезной жизни Марата Григорьевича. Он спит, Марат Григорьевич, и прекрасный оркестр поет о нем; о рождении, об искушениях, о смерти, добре и зле, воскрешении... Неужели он говорит днем бледные слова? Но эта музыка слишком возвышенна, слишком могуча. Говорят, помогает свист.

Свистеть всю ночь вперевалку и получать за это короткие музыкальные паузы?

— Ну, — сказал Марат Григорьевич, стягивая пальто, — от гостиницы сюда полтора часа добираться!

В стеклянном вестибюле-аквариуме сидели за столиками хорошенькие девушки и регистрировали участников конференции. Некоторые только что приехали и стояли в очереди с чемоданами, пузатыми портфелями. Бритые, неестественно приличные пожилые провинциалы и молодые бородачи в спортивных курточках...

Подходя к очередному столику за личным значком со своей фамилией, Марат Григорьевич по привычке попытался подобрать живот, хотя это не имело смысла: девушки глядели мимо него на Сашу.

— ...В Париже, на Международном конгрессе, мне выдали значок размером с блюдце и на нем — моя фамилия на трех языках! Даже неловко было ходить по улицам... А, Марат Григорьевич!

«Сняла бы и ходила», — сказал про себя Марат Григорьевич. На него, округлив глаза, шла Алиса Павловна — кандидат в доктора, олицетворение стареющей невинности. Невинность все явственнее проступала на ее лице по мере приближения сроков защиты, да и разговор становился все наивнее.

— А кто этот милый молодой человек?

— Мой аспирант, собирается у вас защищаться. Познакомьтесь, Саша, Алиса Павловна — член совета...

— Кавказ... Сейчас там цветут пальмы?

— Сбор винограда, — ответил Саша.

— Никогда не видела. Не пробовала настоящего крестьянского вина. Говорят, это...

— Это легко поправить, — заспешил Саша. — Случайно я...

Но Алиса Павловна повернулась к Марату Григорьевичу:

— Без математики теперь нельзя, Марат Григорьевич, да и без вычислительных машин тоже: время такое.

— Да. — сказал Марат Григорьевич, — теперь даже в медицинские диссертации вычислительные машины приплетают: составил машинную программу, количество клистиров больным подсчитал, обработал статистически, сравнил с последовательностью случайных чисел...

— Это надо! — Алиса Павловна целомудренно сложила запекшиеся в помаде губы.

Марат Григорьевич оглянулся и высказал свое мнение до конца:

— Члены совета расплываются: «Поработал молодой человек на современном уровне!» Сами-то старики вылечить человека иногда могут. А тот, кому оператор за пол-литра машинную программу составил, уже никого не вылечит...

— Бублик! — невпопад ответила дама.

В окружении учеников шел доктор Бублик — новатор новатор нового научного направления. Семена маленькими ножками, он нес квадратное туловище, разукрашенное на груди узорами дорогого импортного пуловера. Над туловищем возвышалось бородатое лицо ассирийского керуба. Ученики — все выше него ростом, еще по-юношески худощавые акселераты, со-размеряли с его походкой шаги своих длинных ног. Время от времени кто-либо из них на ходу почтительно склонялся к нему, то ли прислушиваясь к сказанному, то ли сам что-то конфиденциально сообщая.

Процессия вошла в зал и торжественно двигалась к первым рядам партера, но на каменное лицо керуба иногда набегала еле заметная тень. Теория, созданная Гавриилом Афанасьевичем, была общепризнана. Множество учеников и самостоятельных исследователей детализировали ее отдельные разделы, развивали, обобщали, защищали диссертации. При этом они использовали самые сложные математические понятия и в конце концов создали свой, понятный только им язык, о котором злые языки говорили, что в нем известные термины заменены на другие. Но в самых азах теории был досадный пробел: никак не удавалось при помощи новых построений делить четные числа на 2. Об этом и вспомнил профессор, шествуя в президиум. При входе в зал глупый и старательный аспирант решил признаться ему, что не может разделить четыре на два всеми изощренными методами новой теории.

— Не получается... — он уставился на доктора тупым от усердия взглядом восточных глаз.

— А вы подумайте хорошо, — сердито ответил Бублик и двинулся в направлении президиума.

Поджарые ученики смерили неудачника презрительными взглядами и мелкой трусцой двинулись следом...

— Вот кто вам нужен, — Алиса Павловна успокоительно коснулась ладонью руки Марата Григорьевича, показывая, что не принимает всерьез его иронический тон. — Он отдыхает недалеко в санатории, приехал на открытие.

Она была доброй дамой, давно знала Марата Григорьевича, знала его тайну:

— У вас все по-прежнему?

— Да, — ответил Марат Григорьевич.

041035940
30230101033

Двадцать четвертый автобус с площади Ногина трясется по Неглинной, по Садовому кольцу, по проспекту Мира. Как рано темнеет здесь осенью. На окнах автобуса белая гриппозная накипь дыхания пассажиров, сквозь ее проталины — черная глубь проспекта. Дальние огни... Млечный Путь — проспект вселенной, внизу — проспект Мира... Нам надо работать, делать доклад двум другим докладчикам: «Вопросов нет? Поблагодарим докладчика. Следующий доклад...» Нам надо осмотреть магазины, нам надо храпеть... Полистаем проспект: широченный мост, названия которого никто не знает, белый призрак Останкинской башни, бесшумно идущий по крышам домов, зигзаги огней, указующие путь, их отблески в чужих глазах людей на остановках... Останкино, улица Комарова, Оранжевая и вот наконец «Восток». Покупки путаются в ногах, Марат Григорьевич ведет ученые разговоры, над столиком дежурной — тусклая лампа. Люся будет только завтра.

— Спокойной ночи, — говорит Саша.

В комнате гаснет свет...

Подводная лодка идет ко дну, вода ворвалась в отсеки, воздух со страшным бульканьем рвется вверх. Пузыри, как стаи серебристых рыб, разлетаются во все стороны. Подводное царство, полутьма. Блики. Ах, это блики из окна, от уличного фонаря. Ничего страшного: Марат Григорьевич храпит...

Разные сны были у Марата Григорьевича. Один — про отца. Неясное лицо военного из «тех времен»: без погон, с ремешком через плечо. Вот и весь сон. Отец погиб в начале 30-х годов в Средней Азии. И осталась Марату суконная буденовка, которую он искал в мальчишеских играх, выцветшая фотография военного без погон, пенсия, которая становилась все меньше, а во время войны и вовсе стала ничем, пустая кобура из-под револьвера. Из нее резали кожаные прокладки для крана на коммунальной кухне.

А кран все протекал; вода по ночам все капала и капала в недомытые кастрюли... И когда наступили новые времена, кухня осветилась ярким электрическим светом, сменили раковину, кран, научились делать резиновые прокладки — кобуры уже не было, — вышла.

К тому времени Маратик ходил в заштопанном на локтях кителе, оставшемся от погибшего на фронте дяди, был худ, черняв, коротко и неровно острижен, носил косо сидевшие проволочные очки. Зрение испортил во время затемнений. Помнит: темнело, а он на подоконнике ловит последний вечерний свет, читает «Таинственный остров». Поднял голову, а вокруг совсем темно, только плывет в глубине комнаты слабый огонек коптилки, зажженный бабушкой. Помнит жалость, почти отчаяние, что приходится покидать тот остров, его пещеры, тайны... В это время и начинали реветь сирены воздушной тревоги...

Очки сидели хоть косо, но крепко и не мешали Марату играть в «здравствуй, осел» на набережной, куда убегали с уроков лентяи-«шаталисты».

Рядом, на кривых улочках, доживал последние годы старый Тифлис с его недоверчивыми мудрецами и подозрительными простаками.

— Таш-туши, таш-туши, мадам попугай... — неслась песня. Тифлис уходил с насмешкой.

— Хозо! — кричали толстякам. Мазонщик почему-то запрягал ишака в конскую сбрую, говорил, что ишак «выдвиженец» — стал конем.

Еще вспоминали в глухих переулках Харпухи о разбойнике Кер-Оглы, еще жили предания о маузери-стах.

— Помнишь, в Навтлуги ограбили почтовый вагон? Когда это было, в двадцать первом? Хорошие парни — маузери-сты. Пришли после дела в организацию: «Документы — ваши, деньги — наши». Сколько их ни уговаривали — нет! Потом кутили в Ортачала. Потом их...

— Теперь нет таких ребят...

В Тбилиси есть памятник Грибоедову, театр Грибоедова, улица... Но мало кто знает Грибоедовский переулок, карабкающийся в гору проходными дворами почти от самого Руставели до бывшего Судебного тупика. Во дворах сушится на веревках белье, там пе-

реулук раздается, а потом снова сужается у каменной или железной лесенки, просто крутой тропинки, зажатой между глухими, облупившимися до кирпичей стенами домов. В особо крутых местах к стенам приделаны металлические поручни, теперь обветшавшие. Прежде они были обмотаны аккуратно сшитой ветошью из обрывков старых одеял. Поручни сделал и собственноручно приладил к стенам барон Гельдорф, чтобы в гололед держаться на опасном спуске. А ветошь для обмотки прострочила на зингеровской машинке его жена — Аннетт. Ведь прежде зимы чаще бывали снежными...

Марат — высокий, худой, близорукий — целеустремленно лавировал в разодетой толпе, гулявшей по проспекту, возле шахматного клуба сворачивал на Грибоедовскую, а там длинные ноги несли его вверх по переулку. Через две ступеньки взбегал он по лесенкам, никогда не держался за поручни, и не прошло пяти минут, как он был уже наверху, возле старого двухэтажного дома в четыре окна. Дом стоял поперек улицы, отчего она в прежние времена называлась тупиком. Часть крыши была плоской, и на ней, если отойти подальше, можно было увидеть стол, стулья, аляповато раскрашенные манекены. А может, это были старые скульптуры, в меру умения реставрированные баронем, раскрашенные для прикрытия дефектов масляной краской?..

Почти весь фасад нижнего этажа занимали зарешеченные четырехстворчатые парадные двери. Марат стучал, как было наказано, два раза. Одно из окон второго этажа приоткрывалось, выглядывала стриженная ежиком седая голова. Барон дергал на втором этаже за веревочку, засов поднимался, дверь отворялась:

— Herein!¹

Из полутемной, непомерно большой прихожей деревянная лестница вела на второй этаж. Туда же вели повешенные под потолком на вращающихся блоках шнуры с прикрепленными к ним крюками. Когда Аннетт приносила с базара корзину, она вешала ее на один из крюков. Барон, используя принцип полиспада, легко

¹ Войдите! (нем.)

вращал специальное колесо, и корзина плавно скользила вдоль лестницы вверх.

В глубине прихожей виднелась дверь в маленькую комнату, принадлежавшую нижнему соседу — одинокому старому поэту. В назидание ему в прихожей были вывешены самодельные плакаты на тему о необходимости беречь электроэнергию и воду. В них приводились выписанные бароном подробные сведения о том, сколько тканей, металла и прочего можно произвести на один киловатт-час электроэнергии, как необходим каждый кубометр воды...

Иногда Марат видел нижнего жильца. Это был высокий худой человек с длинными, порядком уже седыми волосами и красивым старогрузинским изломом черных бровей. Он молча проходил через прихожую в свою комнату, никогда не глядя на вывешенные возле его двери плакаты. Нижняя комната в какие-то давние времена, по-видимому, предназначалась для прислуги.

Марат поднимался на второй этаж, его встречал Франц Карлович, и начинался урок немецкого языка: надо было подготовиться к сдаче кандидатского минимума. Франц Карлович обучал добросовестно, с некоторой иронией относительно современных программ:

— В классической гимназии, в Дерпте, учили языкам по-настоящему. До сих пор помню латынь. А лет пятьдесят не слышал...

Предки Франца Карловича, остзейские бароны, были основателями какого-то городка в Прибалтике, ходили в походы с тевтонским воинством, а потом в течение двух столетий служили герцогу Курляндскому — русскому царю.

Последний барон Гельдорф, с лицом состарившегося порочного юнкера начала века и бледно-голубыми остзейскими глазами, до сих пор стригся ежиком «под Керенского», по моде 18-го года, в котором судьба забросила его в Тифлис. Он обнаружил, что в этом теплом городе, в отличие от всего взбесившегося мира, еще хорошо относятся к гостям, даже к баронам, и остался здесь навсегда.

В «дотифлиссские» времена барон много путешествовал. Пожелтевшие фотографии запечатлели его

все с тем же круглым юнкерским лицом на палубе судна, совершавшего кругосветное путешествие.

— Из Питера во Владивосток — морем, — сказал барон в перерыве между пояснениями правил «сильного» спряжения немецких глаголов. — Вот здесь я в Сингапуре: видите, гроздь бананов с лодки на шесте подают? А из Владивостока по Транссибирской магистрали — в Питер. Тогда ее только построили. Каждый поезд отправляли с оркестром... Вокзал там маленький, уютный. А ресторан!..

Они сидели за столом на плоской крыше. Солнце еще светило, но с горы уже падала на дома тень, и невидимыми волнами спускалась прохлада. В янтарном небе с легким стрекотом пролетали синие вагончики подвесной канатной дороги. Отсюда они казались игрушечными. Был сказочный тбилисский летний вечер в тени Мтацминды. И как бы в завершение сказки, Аннетт, сидевшая в бамбуковом кресле, сказала:

— А что было потом, когда ты вернулся в Санкт-Петербург?

— Я встретил тебя!

— Ах! — Аннетт подняла к янтарному небу седую голову. У нее был тонкий нос с небольшой горбинкой, старческие живые карие глаза. — Мне было шестнадцать лет, я приехала из Безансона, не зная ни слова по-русски... Учить детей французскому языку! Страшно подумать, что бы со мной стало, не будь Франца...

Аннетт до сих пор гордилась, что вышла замуж за барона. Надо отдать должное Францу Карловичу: здесь, на крыше, в маленьком, затерянном, непрочном мирке его стараниями почти благополучно дожила век сказка о французской Золушке, ставшей на чужбине баронессой. «Судьба, — подумал Марат, — иногда делает волшебные подарки, но всегда с подвохом».

Для солидности симпозиум открывал дряхлый «симпозиумный» членкор, известный своим административным могуществом. Из других заслуг некоторые старики помнили за ним отличную успеваемость в студенческие годы.

Старик оглядел со сцены аудиторию, о чем-то перемолвился с доктором Бубликом, встал...

010935940
010935933

Сидевший впереди Марата Григорьевича никому не известный рыжий малый, угодливо улыбнувшись ученому начальству, схватился за блокнот и карандаш. Членкор повел речь издалека и, как вскоре выяснилось, совсем не о том. Всю жизнь старик занимался другими задачами и уже много лет застрял на выводе какой-то бесконечной формулы. О своих усилиях он и пошедел собравшимся в твердом убеждении, что они пришли послушать именно это. Постепенно выяснилось, что поскольку формула не имеет конца, то и говорить о ней можно бесконечно. Аудитория принялась потихоньку обсуждать менее высокие проблемы.

Дама — кандидат в доктора скорбным шепотом сообщила Марату Григорьевичу о своем втором муже, инженере-спортсмене, так и не ставшем кандидатом: — Никаких высоких интересов!.. Когда сошел с ума, носила ему в больницу пирожные из «Будапешта»... Такая ужасная депрессия..

«Еще бы ему не спянуть!» — подумал Марат Григорьевич. Неизвестный ученый, сидевший впереди, пытался поспеть за членкором, записывая в блокнот. Он держал карандаш какой-то нечеловечьей рыжей лапкой, на которой, как клякса, синела наполовину вытравленная татуировка «Коля». Кроме него во всем зале писали еще только две-три испуганные девицы.

Неудачливый ученик доктора Бублика делился с Сашей впечатлениями от прошлогоднего симпозиума. Впечатления касались красот природы.

Тот симпозиум состоялся в родной республике неудачника, в маленьком древнем городке. Древность и подпортила дело. Неудачливый ученик Бублика был местным ученым секретарем симпозиума и из патриотизма напечатал на пригласительных билетах не современное название городка, а древнее, известное до татарского нашествия. Его давно огорчали чужеземные оттенки в названиях родимых мест. Теперь представилась возможность восстановить справедливость. Реванш, взятый у древних завоевателей, дал неожиданные результаты. Участники симпозиума разбрелись по всей республике в поисках города, не обозначенного ни на каких современных картах. Их находили в экзо-

Вильям Хацкевич. Слишком много математики.

тических замках, на пляжах, извлекали из моря, вылавливали в горах. Одного лектора так и не досчитались.

Постепенно воодушевлявшийся членкор вдруг бросился к доске, стоявшей позади стола президиума, стал писать мелом формулы, тут же, с быстротой фокусника, стирать их...

Аудитория не обижалась на фокусы с мелькнувшими формулами: исход начнется после перерыва, сейчас неудобно — открытие.

Стук мела о доску прекратился, минорные интонации в речи членкора, убаюкивая, предвещали конец, когда старательный аспирант доктора Бублика совершил вторую в этот день ошибку. Марат Григорьевич услышал позади громкий шепот, затем тихо, но ясно произнесенное юным голосом:

— Но ведь он же не о том!

Снова шепот. Саша явственно отговаривал кого-то задавать вопросы. Марат Григорьевич посмотрел на часы: шел второй час вступительного слова.

Вопрос по существу все-таки был задан и, конечно, не смутил членкора. Напротив, он воодушевился и с блеском повторил все сказанное о не поддававшейся выводу формуле.

По лицу ученика Бублика разлился юный румянец вплоть до прекрасных черных бакенбард: сзади на него шикали, Саша по истечении получаса с начала новой членкорской речи коротким эпитетом определил место, занимаемое неудачником на симпозиуме. В довершение доктор Бублик повернул к нему лицо и несколько мгновений загадочно смотрел на ученика прозрачными серыми глазами.

Коридор. Стол дежурной. Какие детские вещицы лежат на ее конторке: пластмассовое колечко, ученическая ручка.

— Так часто бывает грустно...

А на румянном лице по углам рта две морщинки скобочками — от смешливости. И такие они нежные, молочные. А ведь это трещинки, которые расширяются в настоящие морщинки...

На конторке — стакан выцветшего чая. Люся пригубила стакан, свободной рукой протянула ключ Мара-

ту Григорьевичу. Улыбнулась Саше. Марат Григорьевич помедлил: посмотрел на пальцы, обнявшие стакан.

Ночь. И опять могучая песнь о другом, возвышенном Марате Григорьевиче. И протестующий свист, когда она достигает апофеоза. Повинуясь этому знаку, оркестр нехотя переходит на пианиссимо...

— Можете считать себя зачисленным, — сказал профессор, прихлебывая из стакана чай.

Его миловидная жена хотела подлить чаю юному Марату, который из уважения к профессору и торжественности минуты залпом опустошил свою чашку. Но Марат не хотел: «нет, он не любит чай, нет, он обычно не пьет...»

— Как хотите, — сказала миловидная жена, а профессор, не обращая на них внимания, продолжал:

— Прочитаете статьи, о которых я говорил, через недельки две зайдете и... — тут он улыбнулся, — начнем наши игры.

Марат, неотрывно смотревший ему в рот на опухшие сизые десны, тоже улыбнулся, сделав судорожное глотательное движение.

А потом он ехал в метро. И проехал Фили, Кутузовскую, и не сошел на Киевской, где должен был перейти на «кольцевую», а проехал дальше, прямо, по старой Арбатской линии. Как только проехали Киевскую, в вагоне кончилась сутолока, исчезли алчущие приезжие с сумками, озабоченные работяги. Остались интеллигентные старушки, сидевшие поодаль друг от друга, дамы, читавшие книжки в старых переплетах, какой-то безвредно чокнутый юноша, волочивший ногу. Они ехали в свои старые арбатские переулки, которых теперь нет.

Он сошел на тихой, оставшейся в стороне от главного движения станции, прошел по гулким каменным полам, поднялся без эскалатора по гранитным ступеням и вышел на Арбатскую площадь. Был вечер. Большой город лежал перед ним, присмиривший, уютный, и пах сиренью. Сирень продавали у выхода из метро, а на другой стороне площади сияло огнями кафе «Прага».

Это было тогда очень шумное кафе. Свободным осталось только место у столика, за которым сидели

старик со своей семгой и шашлыком и юная девушка со своим коктейлем «Дружба», который надо вать через полиэтиленовую соломинку и растягивать на весь вечер. Девушка была очень худа, в какой-то кремовой безрукавке, а у старика были вишневые прожилки на скулах и пугливый взгляд.

— Свободно?

— Да, — ответила девушка.

Это была его девушка, но она еще не знала об этом.

Он сел, стал слушать то, что говорил старик, и понял, что это ученый старик. Марат праздновал свое вступление на путь, по которому старик шел давно.

— В Доме ученых подают настоящий шашлык по-карски и настоящую семгу... Я обычно хожу в Дом ученых.

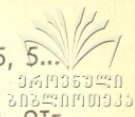
— Да? — сказала девушка.

А Марат заказал салат «Столичный» и 200 грамм водки «Столичной». Он выпил, поел. Старик был очень противен, и Марат заказал еще двести.

— У меня есть пропуск в Дом ученых, мы можем пойти... — сказал старик, и девушка посмотрела на него с отвращением, Марат тоже посмотрел на старика с отвращением и улыбнулся старику иронически, и этого не следовало делать, потому что ученый старик хотел самую малость того, что имели неученые из этого кафе.

Марат выпил еще. Девушка стала улыбаться ему одному. Старик исчез.

Сколько раз потом прилетал Марат в Москву? Как торжественно это происходило в молодости: сошествие с неба, участие в шествии по трапу, исполинский паркет бетонных плит, пахнущих бензином и талым снегом. Отголоски самолетного грома с разных концов летного поля. Первые жадные, сладкие глотки холодного московского воздуха. Экспресс, белый силуэт города впереди, потом силуэты справа, слева — он въезжает в их призрачное сердце, и вот старый обшарпанный телефон-автомат, будка с грязной лужей талой воды на полу. Диск телефона. Викин номер? Как он мог забыть: В-7... Счастливое число.

— Вика-7... Вика приносит счастье! Потом — 5, 5, 5...
Вика пятерочница! 6!... — даже больше!
Трижды протяжный гудок, трижды стук сердца, от-
счет времени...

- Дежурная у телефона.
- Веру Алексеевну. Из 132-й лаборатории.
- Я здесь новая. Вера Алексеевна — инженер, вы-
сокая такая, брюнетка?
- Вика — брюнетка?
- Да, брюнетка...
- Алло!

Какое твердое «эл», как туго оно перекачивается
в ее горлышке!

- Вера Алексеевна, узнаете?.. — К черту «узнае-
те». — Виканька!
- Ты?!
- Я здесь, я только что с самолета.

Он смеется от удовольствия и не замечает этого.
Он говорит, и Виканька смеется над ним. Это так при-
ятно. Ну, конечно, он неуклюж, провинциален, не знает
Москвы. Нет, у нее нельзя остановиться. Лучше всего
проспект Мира, метро «Ботанический сад», семь часов.

И никакого ботанического сада там нет — стан-
ция на проспекте Мира. Потом ее переименовали.

Эскалатор, празднично освещенные дали наклон-
ного тоннеля, где рождаются и медленно растут фи-
гурки людей. Ожидание, отбраковка пассажиров и вот
наконец — Вика. Она поднимается, поотстав от тол-
пы, одна. Высокая, ломкая, с тонкой модной тросточ-
кой-зонтиком в руках. Все брак, а эту модель с кон-
вейера — на витрину!

Гостиница. Никогда прежде не виденная, но зна-
комая комната. Стул с брошенным на него платьем.
Снежный свет из окна. Неправильные, словно у месяч-
ного ребенка, викины губы...

И тихие, как в деревне, заснеженные переулки
Москвы, и талые снежинки на губах...

И опять утро. Серое небо бьет прибором в стеклян-
ные стены аэропорта. Почему не слышно с летного по-

ля веселого грома? Заунывный вой издают самолеты,
как сирены в ненастье. Вика-7... 5, 5..

- Алло, уже объявлена посадка! Целую!
- Пока.
- Целую.
- До свидания.
- А ты?
- Я на работе.
- Параллельный телефон?
- Да.
- До свидания, Вера Алексеевна.

Однажды, постучав в парадное, Марат не услышал сверху «Herein!» Дверь открыл нижний жилец — худой, задумчивый, очень вежливый. От него Марат узнал, что Аннетт поранила руку и Франц Карлович повез ее к хирургу.

— Говорил, что сейчас вернется. Можете подождать у меня..

В полутемной комнате серело окно, смотревшее на грязную кирпичную стену в узком проходе между домами. Вплотную к окну был придвинут старый письменный стол.

— Садитесь, — поэт показал на стул, стоявший возле темного, под стать комнате, книжного шкафа. — Извините...

Смущенно улыбаясь, он присел к письменному столу, облокотился о него; сразу став серьезным и грустным, уперся неподвижным взглядом в стену соседнего дома.

Шкаф был старый, двухстворчатый, с большими овальными стеклами в обеих дверцах. Марат стал рассматривать сквозь стекла потрепанные книжные корешки.

Ветхая книжка в бледно-зеленом бумажном переплете: «Акмэ-тифлисский цех поэтов». На обложке виньетка в стиле «Мира искусства». Так и есть — под виньеткой крошечными буквами: «Шарлемань».

— Можно посмотреть книгу?

— «Цех поэтов»? Антоновская, Городецкий... Помню их. В 19-м душное лето было, знойное. Каждый ве-

чер ходили в «Кружок»¹, спорили.. Тогда этот сборник вышел. Могу одолжить, почитайте...

Марат стал заходить к старому поэту, брать у него книги. Он узнавал о людях, живших в маленьком городе, в котором было в десять раз меньше жителей, чем сейчас.

В детстве Марат видел возле старого моста, среди асфальта и камня, странный кусочек вольной земли, повисший над обрывом. Какие-то очень густые травы, полевые цветы, запутавшиеся в них, и всего одно дерево. Невысокое, но старое, узловатое, с кроной-веером, как на китайских рисунках. Под обрывом шумела река. Что-то было связано с этой землей, какая-то тайна. Молодость тех, кто жил здесь когда-то? Может, взрослые говорили друг другу, а он запомнил неосознанно: «Помнишь «Кружок»? Это все, что от него осталось...» Потом мост перестроили, провели набережную, и тот кусочек земли, то дерево над обрывом, да и сам обрыв исчезли...

— Когда город растет быстро, — сказал поэт, — может прерваться связь времен: часто те, кто строит, а хуже — те, кто ломает, не ходили в юности по этим улицам...

— Какой старый сборник Изтима Гурджи?²

— Я был в Тбилиси, когда он вернулся из ссылки. На Арсенальной бежали за ним люди: он шел и читал... нет, гел стихи. Слезы текли у него из глаз.. Он улыбался и снова говорил нараспев...

Из окна тусклый свет падал на письменный стол, на листки, исписанные тонкими грузинскими письменами. Почерк поэта делал их похожими на нотные знаки: казалось — они неслышно поют мудрую песню старого города, слова верности и чести, столетиями звучавшие под ветхими крышами, песню, которую не всем дано услышать.

¹ «Кружок» — небольшой сад, место встреч интеллигенции, молодежи в старом Тбилиси.

² Изтим Гурджи — знаменитый тбилисский поэт-ашуг. Был сослан царскими властями.

Вильям Хацкевич. Слишком много математики.

Поэт жил переводами. Когда-то он был красным партизаном, но в 21-м году, бросив отряд, уехал в Батуми вслед за непутевой юной певицей. Зося выступала в ресторане «Жизнь» на Михайловской, в «Тиволи» на Вере. Она жила на Николаевской, возле костела, где издавна селились польские семьи. Очень длинная, скучная была эта Николаевская с одноэтажными домиками, садами за глухими деревянными заборами с одинаковыми массивными воротами. Шла по ней душным летним вечером девочка в гимназической форме... В те времена все менялось очень быстро. Потом Зося ходила в «Кружок», где удивляла смелыми нарядами, перешитыми из маминых платьев, и весьма крайними взглядами на все на свете. Потом меньшевики приготовились к отступлению; военные обозы ночами, стараясь не шуметь, потянулись от автошколы по длинной Николаевской улице... Тогда Зося тоже собрала свой чемоданчик и двинулась в путь. Из Батуми она отбыла в Константинополь, потом — в Париж, а поэт вернулся в Тбилиси. Он остался верен любви, не женился и писал стихи певучим почерком, похожим на нотные знаки. Бывшие соратники по борьбе против гнета капитала получали награды и пенсии, а он продолжал жить под гнетом барона...

Барон не уважал поэта и даже удивлялся, как мог писать стихи человек, забывавший вытереть ноги о половики и погасить свет в общей прихожей.

Как-то Марат, желая поднять авторитет поэта, сказал:

— Он знал Иэтима Гурджи.

— Кого?

— Иэтима Гурджи, был такой поэт...

— Annett, viens ici!

— Je viens,¹ — отозвалась Аннетт и вошла в комнату с вязанием в руках.

— Ты слышала о таком поэте? Марат говорит, даже Леонтий его знает.

— Non, — ответила Аннетт, отложила вязание, всплеснула руками: — Это, конечно, будет в Ляруссе!

В темном дубовом шкафу за стеклом поблескивали позолотой тома французского энциклопедического

¹ Аннетт, иди сюда! — Иду! (фр.).

словаря Лярусса — главного источника знаний европейского обывателя начала века. Все, чего не было в Ляруссе, лежало за пределами понимания.

— Надо посмотреть Лярусса, — согласился барон.

Были извлечены коричневые с золотым тиснением тома, дотошно исследованы все возможные буквы. Когда стала ясна бесперспективность дальнейших поисков, Аннетт сконфузилась за Марата, отвела взгляд. Барон несколько секунд осуждающе щурил прозрачные остзейские глаза, потом вздохнул, велел спрятать тома:

— Also, sehen Sie...¹ Das Plusquamperfekt² образуется при помощи глаголов haben или sein... — он оглянулся, вышла ли Аннетт. — Plusquamperfekt — неплохое время... В молодости, будучи студентом в Петербурге...

И он гордо поведал Марату, что в те прекрасные времена успел четырежды переболеть триппером. Повидимому, это было признаком удачества среди веселых студентов и юнкеров начала века.

— Вот говорят, — сказал барон, — что надо всех обеспечить товарами всякими, тем, другим, третьим... Ну, допустим, — у всех квартиры, мебель, автомашины. А дальше? А дальше взбесятся от довольства! Ведь ум-то все равно не у всех, его не разделишь поровну. Никакое всеобщее образование не поможет. Скорее наоборот: образованный дурак уже и никого не уважает. Мой отец, он по ведомству просвещения служил, говорил, что нигилисты образованными дураками были. Они тогда и появились, когда образование вширь пошло...

Видно, отец Франца Карловича не зря служил просвещению.

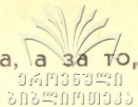
Когда Марат, встревоженный этими соображениями, высказал их поэту, тот улыбнулся:

— Мне, например, кроме письменного стола ничего не нужно. Мои товарищи удивились бы: мы боро-

¹ Итак, извольте видеть... (нем.).

² Давнопрошедшее время (грамматический термин).

лись не за то, чтобы у каждого была машина, а за то, чтобы каждый был человеком!

Марат иногда встречал поэта на улице. В толпе он казался выше: издали была заметна вскинутая голова с длинными седыми волосами. Раньше длинные волосы носили только поэты...

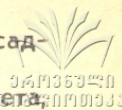
Потом он исчез: лежал то в одной больнице, то в другой.

Хоронили старого поэта прекрасным тихим осенним днем. Солнце, уже не жаркое, покрывало желтизной оконные стекла в переулке. Возле четырехстворчатой двери с красиво зарешеченными стеклами стояли люди — все пожилые. Они говорили об общих знакомых, привычно улыбались, перешучивались. Несколько писателей, сойдясь в кружок, хвалили друг друга... Внезапно разговоры умолкли, и Марат впервые увидел, как распахнулись все четыре створки старинного парадного...

Неудачливый ученик доктора Бублика у себя на родине, в маленькой республике, считался подающим большие надежды молодым ученым. Он даже был секретарем предыдущего симпозиума, проведенного в тех краях на очень высоком уровне, если не считать путаницы с названием городка. А сейчас у него был отдельный номер в ведомственной гостинице. Удачная внешность ученика привела в действие телефонный аппарат, и нежнейший женский голос сообщил администратору, что спущена броня на молодого музыканта ведомственного ансамбля песни и пляски. Мимо командированных, расположившихся за неимением мест в коридоре, ученик прошел в сияющий чистотой и необжитостью номер...

Здесь, одиноко размышляя о проблеме деления 4 на 2 методом доктора Бублика, он против желания неизменно переходил на другие, менее высокие, проблемы, среди которых важное место занимала Света — белокурая аспирантка из Ленинграда. Он примерял взглядом комнату, кровать — и они очень ей подходили.

Однажды он попросил горничную пораньше прибрать номер, после чего с ключом в кармане спустил-

ся вниз и ровно в полдень встретил Свету в палисаднике перед гостиницей.

— К тебе не будем заходить, — сказала Света, входя в вестибюль.

Швейцар — седоватый, плотный отставник с орденской планкой на форменном кителе и загрубевшим широким лицом, стоял в глубине зала, возле лестницы. Его мутно-голубые глаза спокойно рассматривали приближавшуюся пару. Так спокойно они когда-то подпускали противника на прицельное расстояние.

— Ничего не будем делать, — ученик Бублика пропустил Свету вперед по лестнице, — просто посидим...

Тут отставник нажал на курок:
— Гражданка непроживающая!
— ?
— У нас гостям пропуск надо получать!
— Днем? — возмутился ученик.
— Обязательно. Во-он администратор сидит, у него получите.

Покрасневшая Света под прицельным взглядом мутно-голубых глаз неестественно зашпешила к администратору.

— Паспорт, — сказал администратор.
Света судорожно открыла сумочку, порылась...
— Вот, удостоверение.
— Удостоверения не принимаем.
— Но с такого предприятия... — сгоряча сказала Света.

— Здесь это не имеет значения.
— ...С такого предприятия...
Она вдруг опомнилась, повернулась, быстро, ни на кого не глядя, пошла к выходу.
За нею бежал ученик Бублика...

Полутемно в комнате поэта. Старый письменный стол придвинут к пасмурному окну. Когда не пишется, надо облокотиться о стол, подпереть руками голову... Если долго смотреть на грязную стену напротив, то становится видно, что пятна, разводы на ней — облупившиеся буквы.

Вильям Хацкевич. Слишком много математики.

пившаяся штукатурка, трещины. Вот округлая щель, оплетенная по краям серой паутиной, — это пулю Уст-роил себе окно на фасад и живет независимо. Если долго смотреть на трещины в стене, то они сливаются, становится видна линия далеких гор, каменная лощина, такая знакомая и страшная. Там лежат камни с выбоинами и царапинами от пуль, серые, как эта стена. И поэт лежит за каменной глыбой, на колючей чахлой горной траве, по которой нельзя ходить босиком. Впереди, на рыжей проселочной дороге, — черные пятна, словно кляксы на листе — засохшая кровь. Там убитая лошадь, мертвый человек, упавшая с его разбитой головы самодельная буденовка. Пули звенят о камни, а в лошадь шлепаются с чмокающим отвратительным звуком.

Никто не узнает настоящего имени убитого мальчика, называвшего себя для таинственности странным прозвищем — Зиг. Только будет лежать в книжном шкафу в полутемной комнате, рядом со старыми сборниками стихов, пожелтевшая брошюра в бумажном переплете. На серо-желтой ломкой бумаге гордая надпись: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика... Пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. Людвигъ Фейербахъ... С приложениями: К. Марксъ о Фейербахе... Москва — 1918». А сверху, в углу наискосок — синими чернилами, неровным ученическим пером, детским почерком: «От Зига, 19-12/IX-19. Тифлисъ». Через много лет возьмет брошюру Марат, скользнет по ней взглядом, снова положит в шкаф...

Рядом с поэтом затаились за каменными глыбами большерукий имеретинский крестьянин Евтихий и «инженер» — маленький пожилой человек в студенческой фуражке.

Посвистывают пули меж камней, взрываются россыпью каменных брызг... Кому-то надо встать, преодолеть, проскочить этот кусок дороги: от завала камней над лощиной до обрыва, где она сворачивает за скалу.

— Я! — говорит инженер. Его худое лицо под фуражкой кажется серым, угловатым, как эти камни. Он говорит, и неповоротливая немота камней ворочается у него во рту: — Я. У вас никого нет. Надо иметь детей. А у меня есть. Дочь.

— Поэтому я... — начал поэт, но инженер перебил:

— Ее вырастят Советы. Мировая революция обязательно победит!

Он сполз вниз, в лощину, где стояла лошадь. Вскочил в седло, пригнул голову к лошадиной шее...

— Ваша! — крикнул Евтихий, встал во весь рост, метнул огромной краснопалой ручищей гранату, и тут же щека его разорвалась, потекла кровью. Он упал.

В это мгновение вырвался на дорогу всадник: стремительно, вместе с грохотом взрыва, помчался к обрыву; скатился вниз или исчез за поворотом к скале?

Цокот копыт смолк. Будто оглохнув от мгновения тишины. Евтихий и поэт посмотрели друг на друга... Помертвевшее лицо Евтихия, окровавленной рукой придерживающего разорванную щеку...

Беспорядочная стрельба...

Вдруг — взрыв чужих голосов, крики, и снова зацокали копыта — дальше, глуше. Смолкли — и опять где-то очень далеко. уже непрерывно, удаляясь все дальше...

— Прошел! — выдохнул Евтихий вместе с кровью из рта.

— Прошел! — закричал поэт.

Они стали отползать меж камней назад, к своему окруженному отряду. Пули звенели о камни. Синие тени, удлиняясь, тоже поползли: в горах быстро смеркается...

На стене соседнего дома трещины сливались с тенями. Уже не видна была в стене щель — окно одинокого паука, смотревшего на поэта. «Осень, — подумал поэт, — рано темнеет», но не стал включать свет.

— Твой, из девятнадцатого, в подсобке химичит: бочоночек притащил такой маленький, с ручкой, чай заваривал, остужал, сахару сыплет... Весь пол завозил... — и пошла тетя Дуся по коридору, будто не сказала ничего.

Люся посидела еще за конторкой, потом неспешно поднялась, пошла. Днем в гостинице никого нет, и

¹ Ваша! — Ура! (груз.).

даже легкие люсины шаги далеко отдаются в пустынных коридорах.

Возле титана на столике какие-то банки с заваром чая, бутылки, стаканы, сахарный песок в кульке и на столике рассыпан. Саша вытирал липкую лужу на полу, потные пряди светлых волос прилипли ко лбу, карие глаза растеряны, не смотрят на Люсю.

Он протянул ей стакан:

— Похоже на вино?

— Коктейль! — пригубив, весело сказала Люся.

— Разбавил слишком: все-таки для дамы. Пришлось что-то долить для крепости, и вот, запах...

— Может, подружка ваша ученая и не понимает в вине, но запах-то самогона все знают.

— Очень интеллигентная дама, — сказал Саша, задумавшись.

— Разве что очень.

Можно было добавить еще сахара, потом еще холодного чая, потом... Круг замкнулся за недостатком ингредиентов. «Метод смешанного моделирования, — говорилось в диссертации Саши, — имеет наряду с достоинствами в ряде частных случаев некоторые частные недостатки...»

Через месяц Саша получил письмо от ученой дамы: «...Мы все еще наслаждаемся тем чудесным вином. Друзья специально приходят пробовать. В нем какой-то особый аромат гор и тепло солнца. Ведь мы пили только бутылочное. Наконец узнали вкус настоящего. Говорят, оно полезно...»

— Еще хочет, — сказал Саша. — Подождет: вспомнить надо, как я это делал. Секрет утерян, мадам!

Мартовский ветер с дождем швырял под ноги желтую листву, не успевшую облететь за зиму. На улице промозгло, зябко. Но на углу старая женщина в черном, наверное, крестьянка из Окрокана¹, продавала фиалки. Говорят, что фиалки не пахнут. Но Марат знает этот чуть медовый запах: в нем — едва различимое тепло пробуждающейся земли.

¹ Окрокана — пригородное селение возле Тбилиси.

На мокром асфальте веснушки — опавшие листья,
Мертвые листья, предвестники близкой весны...

Стихи из полутемной комнаты с окном, выходящим
на грязную кирпичную стену.

Марат получил цветы из маленьких, когда-то, по-видимому, красивых, а теперь узловатых рук. Темные трещинки в коже пальцев, взявших деньги, наверно пронизаны этим же тонким запахом. Может, у фиалок пахнут корни, а не цветы?

Остановил такси. Будто кто-то позвал Марата: приди, навести...

Тепло в машине. Как до сих пор он не подумал съездить на Кукийское? Прошло столько лет с того тихого осеннего дня, когда настужь отворились четырехстворчатые двери дома, стоявшего поперек улицы. Давным-давно, в счастливые времена, когда Марат был молод, что-то очень важное сказал ему поэт, а Марат не может вспомнить... Он был молод, уверен, что все сам знает, что все само образуется. Теперь Марат постарел, и ему очень нужно вспомнить, что говорил старый поэт...

Мелкий дождь поливает Кукийское кладбище. Пустынно на главной аллее. Только два старика — худой и толстый, похожие друг на друга, стоят в стороне над неогороженной плитой. Так, без ограды, хоронили очень давно. Кажется, одного из них Марат знает: отец его нового аспиранта — Саши.

— Познакомьтесь, мой брат. Вот, стоим. Помните... Хотя, конечно, вы молоды, малы, наверное, были... В 27-м году трамвай сорвался, катился по Цициановскому спуску. Сегодня годовщина. Тогда погибла наша мать...

— Еще восемь человек погибли, — добавляет другой брат.

— Она могла остаться в живых, — вступает сашин отец, — если...

— ...Если бы не встала со скамейки. Татарин один рядом сидел, говорит: она встала, и тут это случилось. А он остался жив...

Если бы она не встала со скамейки в том злополучном старинном трамвае, то... была бы в живых?

Вильям Хацкевич. Слишком много математики.

— Мы мальчишками тогда были. Остались одни. Марат помнит сашиного отца молодым. Выбился, учился в музыкальном техникуме, стал альтистом. Альт — вроде скрипки. Почти скрипка. Когда-то играл в оркестрах, но главное — на панихидах. Тогда за это хорошо платили. Музыканты ходили по вызовам, гордо неся инструменты, — довольные, исподтишка игривые, в добротных черных костюмах. Рассаживались, солидно ждали, поглядывая на часы, и в назначенное время скорбно ударяли смычками по струнам... Между собой называли друг друга «жмуриками»: один, мол, жмурится, а мы играем.

Все кончилось, когда у знаменитого дирижера умерла жена. Цвет интеллигенции спешил к дому маэстро по тихим улочкам Ваке¹. «Жмурики», конечно, предполагали, что их могут не позвать, что играть на панихиде будут маститые друзья дирижера, может даже весь симфонический оркестр... Но случилось непоправимое. Пораженные вакийцы не увидели в доме ни одного исполнителя: величавая, скорбная музыка лилась из... репродукторов... Магнитофонные записи лучших оркестров мира!.. Солидные мужи стояли у стен и внимали Шопену, Бетховену, Баху... Разнаряженные дамы — их жены — изучали артистическое жилище, перешептывались, глаза блестели: казалось, они готовы были сейчас же похоронить кого-нибудь из своих близких столь же изысканным способом, под такую же прекрасную музыку.

Древнее ремесло, существовавшее в городе столетиями, умерло в один день. Потрясенных «жмуриков» некоторое время еще приглашали на окраины, не знакомые с миром искусства, но потом и это кончилось: по домам стали ходить профессиональные «магнитофонщики». Сашин отец похудел, черный костюм пообтерся, сносился. Музыкант перестал быть «жмуриком» и стал таким, каким увидел его сейчас Марат: худым, небритым, одетым в дешевый польский импорт неопределенного цвета.

Мелкий дождь покрывает испариной лоб, камни, землю... Марат Григорьевич уходит все дальше от двух

¹ Ваке — один из исторически сложившихся районов Тбилиси.

стариков, стоящих без шалок под дождем. Впервые он подумал, что может не найти могилу. Кажется, надо идти до конца, потом направо. Там был пустырь. Но где он теперь? Все те же ограды, и стояли они там, кажется, всегда...

—... Пропуск на это дело выписывать! — вдруг сказала Света. Она улыбнулась, и он понял, что прощен. За окнами давно было темно, ресторанная суэта в самом разгаре.

Они сидели за столиком возле оркестра, и приунывший неудачливый ученик, стараясь перекрычать музыку, жаловался на доктора Бублика:

— Сначала говорил: «Печатать! Подготовьте, я предложу в «Сообщения»». А теперь — то «не то», это «не так»... Говорю: «Подготовил». — «Вот и хорошо», — а сам отворачивается и о «Сообщениях» уже ни слова...

— А ты пиши его соавтором!

— Ему это не нужно, он занимается такими проблемами...

— Старикам все нужно. Я по своему знаю: за каждую статейку дрожит, которую аспирант без него выпустит.

— Очень крупный ученый. Даже неловко рядом с ним писаться.

— Пишись, — сказала Света, — не робей! — И долила вина: сначала ему, потом себе.

Это было пронесенное сюда в портфеле «Ахашени» — черно-красное, под цвет светины крашеных губ.

— Только так! — Неотрывно глядя на него, она втягивала вино крашеными губами, пила маленькими глотками, медленно, словно целуясь:

— За здоровье крупных ученых!

Когда Бублик приехал в Тбилиси, Саша устроил день рождения.

— Пойдемте, — сказал Марат Григорьевич, — увидите местный колорит... Там такая старинная улочка под самой горой...

Сашин отец одолжился у своих обедневших друзей — бывших «жмуриков», мать собрала у соседей по улице красивую посуду.

Улица понимала, что у Саши важный день, хотя родился он совсем в другое время. Старик-банщик, живший в подвале, поднял по скрипучей винтовой лестнице два хорошо сохранившихся черных лакированных стула с зелеными плюшевыми сиденьями.

— В Харпукском клубе стояли! — гордо объявил он о мало кому понятном теперь факте из биографии стульев.

Стулья попроще притащили сашины товарищи по двору.

Хуже было с вином. Два дня Саша вел сложные переговоры в винном подвале недалеко от Майдана. Нагнув голову, чтобы не задеть низкий дверной косяк, он каждый раз спотыкался, пытаясь встать на несуществующую современную ступеньку, а потом уже осторожно опускал ногу гораздо ниже, на криво осевшую средневековую каменную плиту — первую из таких же, сохранившихся со старых времен, неудобных нынешнему человеку крутых ступеней. Когда-то ступени были связаны железными скобами, но железо истлело: в камне остались желоба, темные от въевшейся ржавчины, а плиты разъехались, покосились. Поневоле переваливаясь, Саша уже без привычной резвости спустился в прохладу и тишину подвала. Здесь, под сводчатым потолком, горела единственная электрическая лампочка, сиротливо висевшая на длинном, мохнатом от пыли проводе. Изредка раздавался звон капли, падавшей в кружку. Это сочилось подозрительным вином одна из громадных бочек позади прилавка. Покупателей не было.

Из боковой комнатки на звук сашиних шагов выходил толстый небритый человек в белом, по-видимому, халате. Переговоры проходили шепотом. Иногда из-под стойки доставался восьмикопеечный граненый стакан толстого мутного стекла, журчало вино. Саша пробовал, крутил головой, продавец разводил руками: ничего лучшего нет. Есть одна небольшая бочка, но без «хозяина» открыть нельзя. Когда придет? Он не знает. Он, маленький небритый человек, к тому же

в халате, что указывает на подневольное положение. —
Может, к концу дня? — Может быть.

К «концу дня» на обшарпанных дверях подвала
сел черный, хорошо смазанный машинным маслом за-
мок: рабочие часы здесь соблюдались без формализма.

На следующий день «хозяина» опять не было, но
деньги, одолженные у бедных «жмуриков», помогли от-
крыть ту бочку. Саша пригубил стакан, задержал вино
во рту — лицо просветлело. Лицо продавца сморщи-
лось от огорчения: он хочет помочь, но... «хозяин»...
вино обещано, даже специально привезено для... Испы-
танный метод положил конец его нравственным терза-
ниям.

После того как проблема вина была решена, дела
пошли быстрее. В доме повеяло волшебством. Сашина
мама и похожие на колдуний помощницы из родствен-
ниц и соседок выкладывали поверх блюд узоры сияю-
щих, граненых, как настоящие драгоценные камни, зе-
рен граната, кололи грецкие орехи, растирали ядра с
душистыми травами, тщательно выбранными на база-
рах... Пхали, экала, лобио, бажи, ткемали, сацебели
пестрели оттенками зеленого, бордового, коричневого,
розового — геральдическими цветами грузинской кух-
ни. С каких времен ведется генеалогия этих, требующих
кропотливого труда и фантазии, яств? Их ели крестьяне
на свадьбах, поминках, и спустя годы вспоминали в
страдную пору на знойном поле, запивая водой куку-
рузную лепешку. Их ставили перед питахшами¹ на ни-
зенькие столики в мраморных покоях серных бань.
Узорчатые ковры под столиками цвели нелиняющими
красками, приготовленными из тех же душистых трав. А
еще раньше, в Месопотамии, шумерские женщины ра-
стирали в каменных ступах эти специи...

Финансовые ресурсы и физические возможности
подходили к концу, когда мать, выйдя из кухни, развела
красными мокрыми руками:

— А цоцхали?

— Не будет..

¹ Питахш — титул древних правителей (V—VI века н. э.).

В шестилетнем возрасте сашина мама была увезена в Тбилиси из маленькой гурийской деревни. Она никогда больше не бывала в тех краях, состарилась. Кипиановской улице под Мтацминдой, но сохранила в душе образ некоего детского рая, где росли загадочные темные сады, вкусно пахли кукурузные лепешки, завернутые в виноградные листья. Прямо во дворе журчал прозрачный ручей, и на дне увеличенно, как сквозь россыпь разбитых голубых линз, виднелись песок, разноцветные камни, юркие, как стрекозы, рыбешки. Сашина мама и другие дети плескались, босые переходили ручей вброд, загоняли рыбешек под камни и ловили их там руками. На праздник в самом бедном доме к столу подавалось несколько с виду невзрачных, отваренных целиком серых рыбешек. Без цоцхали стол — не стол!

— ...Он ничего в них не поймет: примет за вареную хамсу или кильку. Ну, за мороженую мойву!

— Я ловила их руками, — мать посмотрела умоляюще, — они прячутся под камнями...

— Теперь они прячутся глубже. Ладно, — сказал Саша, пересчитывая оставшиеся деньги, — попробуем!

Такси по крутому Винному подъему лихо взлетело на Авлабар, попетляло по пыльным улочкам, прекрасно приспособленным когда-то для конного транспорта, и остановилось на маленькой площади, возле палисадника. В палисаднике зеленее всего была низкая крашеная металлическая ограда. Напротив, на осевшей от старости каменной ступеньке возле подъезда двухэтажного дома, сидел старик и перебирал крупные янтарные четки. Он посмотрел на сидевших в машине понимающим, но отрешенным взглядом и снова принялся перебирать четки. Несколько плотных мужчин, беседовавших на скамейке в палисаднике, внимательно оглядели застывшую посреди площади машину и неторопливо вернулись к разговору.

— Придут... — успокоил Сашу шофер.

В ветровое стекло заглянул бровастый, насупленный как орангутанг, человек, увидел Сашу, отпрянул.

— Не нравишься ты! — шофер укоризненно посмотрел на Сашу и несколько раз просигналил.

В палисаднике лениво встал со скамейки мужчина, подошел к машине и, опершись рукой о кузов, приго-

товился слушать. Шофер опустил стекло кабины, они переговаривали меж собой по-армянски, и такси медленно тронулось. Тут Саша заметил, что на заднем сиденье появился парень, из-за болезненной худобы похожий на подростка. Его лицо казалось вырезанным из белого картона с нарисованными темными глазами, чуть намеченными бровями и тонким голодным ртом. Было странно, что одет он очень опрятно в аккуратно висевший на нем старый глаженный костюм, при галстукке. Он был хорошо выбрит, от бледности казался еще и припудренным, но свежие сине-красные следы фурункулов на тонкой шее и щеках опровергали это предположение.

— Прямо, — сказал тихий голос, — левее... Опять прямо. Направо. Левее... еще левее.

Они кружили по улочкам мимо серых облупившихся стен и деревянных заборов.

— Еще немного...

Остановились возле подъезда невзрачного унылого дома. Парень исчез, а на его место втиснулся, не закрывая дверцы, человек, сотворенный из настоящей плоти, тучный, пахнущий чесноком. У него было лоснящееся лицо и нахальные коровьи глаза.

— Сколько?

— Две, — ответил Саша: спрашивать о цене было не по правилам.

Продавец выбрался из машины и скрылся в темноте подъезда.

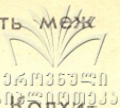
Тени от низких домов были куцыми, солнце раскаляло машину... Минут через сорок Саша стал нервничать.

— Придет... — опять успокоил шофер. — Он сейчас по другой улице бежит, через пятый проходной двор проскочил...

Тут из подъезда, сдерживая одышку, появился продавец. Лицо его еще более лоснилось. Он вручил Саше два аккуратных холодных бумажных свертка.

Саша для вида отсчитал давно приготовленные деньги и слегка отвернул грубую бумагу свертка. Там маленькие, скучные, серые, уже вполне готовые —

варенные, лежали те, которые так любили шнырять меж камнями веселых горных речек...

Не эвкалипты, не пальмы... Исконное дерево Колхиды — обыкновенная ольха. «Тхмела» — называется она по-грузински и растет всюду на болотистой, влажной, зеленой земле.

— Весной, когда листья тхмелы станут размером с медный пятак...

Это говорил Евтихий — худой, похожий на цаплю одичавший старик. Голубые глаза смотрели растерянно, растрепанные седые усы сливались с тенями морщин. А может, со шрамами от кинжальных порезов? Ведь когда-то, говорят, Евтихий... Земля возле реки была влажна, и Евтихий поджимал то одну, то другую ногу, прислонясь к ольхе, украшенной зелеными хилыми пятаками. Ноги были обуты в самодельные чужаки из кусков кожи, стянутых продетыми в отверстия веревками. Тощие старческие пятки виднелись сквозь протертые, прилипшие к ногам носки...

Все в деревне ждали: когда же листья ольхи станут величиной с пятак? Величиной с пятак, на который теперь ничего не купишь. А когда листья ольхи станут с пятак, придут довольство, сытость...

Была голодная весна, Марат жил у бабушки в деревне, где дом от дома был далеко, где в щели дощатых стен задували влажные ветры... Никто не затыкал щели, все жили в оцепенении. В деревне не было мужчин. Где-то за холодными голубыми горами шла война... Чудились грохот снежных лавин, сходящих с гор, мерцание зарниц, хотя весна — не время зарниц. Весной беспризорная нагая земля смотрит в небо сквозь черную решетку мокрых ветвей. И на ветвях появляется зеленая сыпь почек, и решетка прорастает листьями, распадается... А когда листья ольхи становятся величиной с пятак, любовь приходит к тем, кто еще может любить, и будоражит кровь в сердцах мальчишек, соки в деревьях, воду холодной реки, шумящей в низине за деревней... И однажды ночью охваченные любовью рыбы хлынут по реке против течения в голубые горы, где сходят лавины...

— Рыба пойдет сегодня или завтра ночью, — сказала бабушка, — посмотри на листья ольхи!

Которую ночь дежурит Марат вместе с Евтихием у реки? У голодных стариков растерянное, детское выражение глаз, а у голодных мальчишек — старческое. Несколько жалких стариков и мальчишек собрались ночью у реки: ведь мужчины — на войне, а женщины слишком наработались за день, и несерьезное, не женское дело еженощно ждать у реки рыбу, которая может вовсе не пойти в этом году.

Поперек реки — запруда из камней: здесь вода шумит громче и отражение луны разбивается на перекате. Ни ветра, ни облачка. Сияет луна, и неподвижно висят над рекой черные ветви с маленькими круглыми листьями. Марат почему-то вспоминает Тбилиси, девочку, с которой вместе учился в школе. Как она широко раскрывает глаза, когда говорит с ним! «Наверно, она всегда так расширяет глаза, когда говорит с кем-нибудь, — думает Марат, — но почему мне становится страшно, когда она расширяет глаза?»

А рыбы все не было, люди постепенно уходили, река уныло шумела пустой голодной водой, и на берегу стояли теперь только Марат и Евтихий.

— Не поесть мне перед смертью ничего, кроме горькой прасы¹, — сказал Евтихий, и звезда блеснула у него в глазу мутной слезой. — Не дожить до прихода тебе².

Он еще больше согнулся и поволок свои тяжелые ноги прочь от реки.

Старик ушел — он был только голоден, а Марат остался, ведь он был еще и влюблен. Он вдруг понял, что в заводях у Черного моря рыбы тоже ждут: когда же листья ольхи станут с пятак? Теперь луна сияла ему одному и ольха одевалась для него в пятаки. Была голодная весна, полная любви...

Звук родился вдали среди невысоких холмов, в черных зарослях. Будто кто-то тронул струну. Потом еще.. Звуки нарастали, сливались. И Марат не удивился, когда в лунном свете увидел водяной вал, катив-

¹ Праса — лук-порей.

² Тоби — подуст колхидский, небольшая рыба, обитающая в реках Западной Грузии.

шийся по реке против течения в фонтанах брызг с шумом, плеском, шипением. Вал разбился у запруды, река закипела серебристыми цоцхали. Рыбы щели по реке: они были влюблены, могучи, они перепрыгивали через запруду и не боялись смерти. Марат вошел в воду, они бились вокруг ног — упругие, холодные. Он обеими руками судорожно, торопясь выбрасывал маленькие плотные тела на берег — в траву, на мокрые жесткие камни...

Заседание секции. Научные доклады все начинаются с одной фразы: «В последнее время...» Апокалипсис в технике, эсхатология прохиндеев — «последние времена»!

Сегодня не открытие, сегодня в зале только председатель, докладчик и пять слушателей. Значит, предстоит еще пять докладов. Перед кем будет выступать последний докладчик?

— «...Итак, элементы этого множества отображаются...»

— Слишком много математики, — говорит Марат Григорьевич и клюет носом.

Саша смотрит на него с надеждой. Но храпа нет. Он знает где храпеть, Марат Григорьевич. Профессор.

Последним был доклад ученика Бублика. Ученик вышел — высокий, худощавый. Встряхнул черными кудрями, закинул голову:

— Еще в 1960 году профессором Бубликом был обоснован метод...

И народу почти не осталось. Из второго ряда одобрительно кивает белокурой головой болельщица — Света. В первом ряду заснул чудак — провинциальный профессор Марат Григорьевич. Возле — скучает его аспирант Саша. Поодаль приготовился записывать татуированной рыжей лапкой «Коля».

Речь полилась плавно.

Когда неудачливый ученик Бублика принялся деликатно обходить проблему деления 4 на 2, хитроумно облекая ее в звучные термины теории множеств, Марат Григорьевич сонно открыл глаза, указал рукой на доску, испещренную формулами:

— Там неправильно!

Он снова закрыл глаза, и Саше показалось, что теперь-то он обязательно захрапит.

— Счет твой старик, — прошептала Света.

Саша рассеянно кивнул. Он думал о том, что необходимо сделать вторым (а лучше первым) своим руководителем Бублика: один старик не потянет организационно — нужен авторитет.

После перерыва опять «адекватные совокупности», «интегральные характеристики», «гомоморфные отображения»... Слишком много математики. Света тоже так думает:

— Марат Григорьевич, хотите пойти по музеям?

— А может, по ресторанам?

— Вы циник...

...Дебелые женщины улыбаются с темных полотен. Здорово их откармливали тогда, и все натуральными продуктами. А вот современные... Эти толстухи путешествуют из века в век. И на маргарине неплохо получается.

Византийский зал. Темные лики икон, ссохшийся пергамент молитвенников... Жалкие ржавые осколки каких-то предметов — никому не нужные и не интересные. И... яркий кусок ткани от камзола из Константинополя. XI век.

«Узор на ткани, как на бабушкиных коврах-паласах, — думает Марат Григорьевич. — Вот из какой дали тбилисская старина!»

Потом они очутились в «Древней Греции». И здесь, среди светлых теней статуй, поняли, что устали от высокомерия Византии, от созерцания осколков старческой агонии, растянувшейся на тысячелетие. По-видимому, расцвет времен Юстиниана и около был связан с волной западных переселенцев в безопасный тогда Константинополь. Все живое, культурное стремилось туда, где еще жила Империя.

«Ромеи» — звали их на Востоке, — римляне. Тысячу лет жили византийцы там и латыни не знали, а все были чужими, «ромеями», и исчезли из Азии на рассвете Нового Времени...

В ресторане Света поедает икру и подбирается к Фрейду:

- ..пишет ужасные вещи. Вы читали?
- В детстве часто штанишки мочили?
- Что?!
- По Фрейду, из таких гидростроители вырастают.
- Вы прелесть, Марат Григорьевич.

Свет уличного фонаря сквозь шторы проникает в комнату. Саша спит. Лицо его молодо и невинно. Марат Григорьевич встает, выходит из 719-й. В конце коридора — зеленый огонек над конторкой, люсина голова, склоненная над бумагами, темный локон, упавший на чуть наморщенный от усердия лоб.

Марат Григорьевич спускается в вестибюль, подходит к телефону-автомату, крутит диск. Нет, не «В», — теперь нет буквенных обозначений, и нет семи — счастливого числа и не пятерки потом — какая уж она пятерочница!..

- ..Алло.
- Вика!
- Чего?
- Извините... Веру Алексеевну..
- Нет здесь таких. Звонит по ночам...

Гудки медленные, словно колокол бьет отходную. Марат Григорьевич поднимается по лестнице. Тяжело — надо было лифтом.

В деревянной будочке сапожника Сурена на земляном полу лежали обрезки кожи, ножовка, кое-какая покалеченная обувь. Возле стены, на доске — отремонтированные женские туфли. Сурен — толстый, небритый, с мясистым ноздреватым носом — сидел на низеньком табурете. Повертел в руках ботинок, снятый Маратом:

— Сейчас сделаю, если подождешь.

Марат, наполовину разутый, присел на колченогий стул у входа в клетушку. Никто третий уже не смог бы поместиться в будочке. Поэтому следующий посетитель вел переговоры с Суреном через отворенную дверь и быстро исчез: начался дождь. Гиж-март¹ то бил струя-

¹ Гиж-март — сумасшедший март (грузинск.). Так тбилисцы называют март из-за его неустойчивой погоды.

ми воды по оконному стеклу, то посылал в него неожиданные блики солнца. Вот-вот должна была родиться весна. Марат видел сквозь окно и водяную завесу пустынную улицу, подъезд своего дома на противоположной стороне. Сколько помнит себя — всегда стояла деревянная будочка в воротах, а в ней, согнувшись, работал Сурен.

Под порывом ветра дождь забарабанил сильнее.

— Гиж-март... — сказал Марат нехотя.

— Сурп-Саркис¹, — отозвался Сурен. — Это время плохой человек, знаешь, как боится?!

— Кто боится?

— Нехороший человек, который обмануть хочет, убить...

— Почему?

— Ничего не получится! И бердзени² боятся, — Сурен поднял на Марата дремучие глаза фавна, улыбнулся... — У них Саркис девочка украл.

— Святой украл девушку?

— И-и, разве не знал? Греческий царь попросил армянского прислать в Константинополь хороших молодых ребят. Смотреть хотел: правда армяне красивые, сильные? Увидел — удивился: вах, таких никогда не видел! Решил их женить в Константинополе, чтобы дети от них остались, а самих зарезать потом. Но этот девушка полюбил Саркиса. «Саркис, — говорит, — сегодняшний ночь — твой последний день!» Саркис на коня сел, ее тоже посадил, увез. Погнались за ними, но бог дождь послал, как сейчас, туман, ветер — где найдешь?

Сурен принялся забивать гвоздь в каблук, зажав ботинок между коленями, прикрытыми выцветшим синим фартуком.

Марат слушал глухой стук молотка, солировавшего под аккомпанемент дождя. Суреном звали парфянского полководца, разгромившего Марка Красса

¹ Сурп-Саркис — святой Саркис (арм.). По народному поверью, бытовавшему в Тбилиси, в дни Сурп-Саркиса бывают ураганные ветры.

² Бердзени — грек (груз.).

две тысячи лет назад. Во дворце Артавазда¹ ставили пьесу Еврипида «Вакханки», и отрубленную² голову Красса бросили на сцену..

Он много знал. Марк Красс, о своем времени такого, чего не знает никто из живущих сейчас. Но то, что его голову схватит греческий актер по имени Ясон, родом из города Траллы, и станет читать стихи в вакхическом экстазе, этого он не знал, а Марат, как ни странно, знает.

Тот Сурен устроил шутовское шествие наподобие римского триумфа. Впереди, окруженный насаженными на пики головами товарищей, ехал одетый в женское платье пленный римлянин — Гай Пакциан, лицом похожий на Красса. Его выдавали за Красса. Плутарх писал: «...научили откликаться на имя Красса и титул императора». Сзади шли гетеры, творя непристойности. Крассу было за шестьдесят, и его двойник, видно, тоже был пожилым. Он знал Лукулла, Помпея, Цицерона, Цезаря и вот — стал шутком в Азии. Запад на тысячелетия был отброшен от Персии, от азиатского Востока.

Сурен тоже знал многое, чего не знаем мы, а этого — всемирного значения своей победы — не знал. Его удавили из зависти примерно через год. Он был громадного роста, женственно-красив и возил за собой около двухсот наложниц..

Через много веков святой Саркис похитил у ромеев девушку.. Сурен починает Марату ботинок..

Марат задумался о природе святости Сурп-Саркиса. Дождь притих и шум его стал походить на томный шепот влюбленных. Сквозь шум доносились рассуждения Сурена:

— ...А хороший человек семью хочет, жениться хочет, детей хочет — ему этот день хороший! Молодой сейчас должен соленый еда кушать: ночью во сне увидит, кто ему жена будет..

— Так точно и увидит? А потом узнает ее? — улыбнулся Марат.

— Я сам во сне свой жена видел, когда мальчишка был, эли!²

¹ Артавазд — армянский царь, сын Тиграна Великого (I в. до н. э.).

² Эли — ну (арм.).

- Похожа была?
- Как живой!

— А практически? — вдруг резко спросил Бублик, остановился и картинно снизу вверх посмотрел на возвышавшегося над ним Марата Григорьевича.

— Практически... вот, — Марат Григорьевич полез в один карман, другой, достал пачку листов с расчетами. — При тех же аппаратурных затратах производительность увеличивается...

— Интересная задача, — задумчиво протянул Бублик.

— У нас этим не занимаются, я протаскиваю тематику, можно сказать, подпольно, незаконно. — Марат Григорьевич замялся, а затем выпалил главное: — Есть специализированные организации, и у вас в институте отдел... Если бы я мог перейти... Уже десять лет потеряно...

Бублик заметно потерял интерес к разговору:

— Лимит нужен на иногородних, Марат Григорьевич, а кто его выколотит?

Они шли по мокрой дорожке санаторного сада: впереди Бублик с Маратом Григорьевичем, сзади, поотстав для приличия, — ученик Бублика, грациозная Света, неизвестный «Коля». Все одновременно надумали посетить профессора в санаторном уединении.

Как выяснила Света, самое несложное дело было у рыжего «Коли». Он оказался заводским инженером, посланным за производственные успехи погулять на симпозиуме. При этом «Коле» было наказано привезти непонятный ни ему, ни начальству полкый отчет о всех сделанных докладах и передать профессору Бублику приглашение приехать «в удобное для него время» для чтения лекции в производственное объединение. Приглашение исходило от главного инженера, мечтавшего защитить диссертацию. «Коля» несколько раз уже пытался передать приглашение, но едва он начинал, что-нибудь отвлекало Бублика...

Желая облегчить Бублику отказ, Марат Григорьевич вновь перешел к научной стороне дела:

— Задачу можно свести к нахождению...

Исследования он воспринимал как хитроумную игру с кем-то невидимым — хозяином бесконечного пространства, чисел, закономерностей. С ним он вел бескончаемое состязание, удивлялся мудрости, сложности задач и, когда находил решение, понимающе хихикал: угадан замысел, существующий в мире абстрактного, вне пустых хитростей жизни.

Это хихиканье, время от времени врывавшееся в рассказ, раздражало Бублика. Он опять остановился, бросил быстрый взгляд на Свету, задрал вверх бородку:

— Лучше поговорить с членкором нашим: у него и лимиты, и возможности...

Они стояли над обрывом, с которого открывался вид на протекавшую внизу реку, водохранилище. Несколько сосен чернели на фоне неба, а далеко внизу мутно отблескивала холодная водная гладь. Было тихо и готовился дождь.

У подошедшего «Коля» вертелась в голове фраза: «в удобное для вас время...» Он уже открыл рот, но Бублик, вновь посмотрев на Свету, обратился к ученику:

— Подумали, получается?

— Да, — ответил неудачник.

— Установку в институте отладили? А мощность?

«Коля» отшатнулся. Он верил в ученость и ученых. Бублик и его ученик представлялись ему таинственными обладателями атомных и ракетных секретов, ведущими «жизнь до мгле». Во мгле прекрасных санаториев. Он случайно оказался среди этих людей, и теперь перед ним по забывчивости говорят... недозволенное! — Так думал «Коля», пятясь от страшных фраз:

— ...рекуррентные формы...

— ...диафантовы уравнения

...и чуть не погиб через это.

Бублик все воодушевлялся под взглядом светлых зеленых глаз:

— Значит, программа тоже отлажена? Я могу «поиграть» с нею, когда приеду?

— Можете... — с отвращением начал ученик и вдруг некрасиво крикнул: — А-а!

Пятившийся спиной к пропасти «Коля» оступился и балансировал на краю обрыва, взмахивая руками, как тряпичная кукла. Через мгновение Света схватила его.

16.03.59
815-1110333

за руку, рванула на себя и бросила к ногам зажмурившегося Бублика. Когда Бублик открыл глаза, его встретила загадочная светина улыбка: «Мне от этого ничего, а человек мог погибнуть...»

— «В удобное для вас время...» — шептал «Коля».

Членкор смотрел на Марата Григорьевича старческими, но наивными и чистыми глазами, затем что-то обеспокоило его. Он отвел взгляд, сделал вид, что не видит Марата Григорьевича, и стал пальцем ковырять в носу:

— Вот спустят лимит, тогда... можно... поговорить...

Марат Григорьевич тоже отвел глаза, будто не видит членкоровского пальца.

— ...За область, в которой мы плодотворно работаем!

В квартире ученой дамы полно гостей. Только что она показывала слайды, отснятые во время летнего путешествия на Курильские острова и Камчатку.

— Гейзер «Гигант». Через каждый час фонтанирует минуты две... Но теперь струя ниже, чем раньше: экскурсанты испортили. Засовывают в кратер хозяйственное мыло, преждевременно вызывают извержение и... галопом дальше.

— Безобразие...

— Окружающая среда...

— ...Нарушать экологическое равновесие!

Лошаденка в одноколке и они, туристы, кругом.

— Через мгновение после этого снимка лошадь в канаву упала. Что тут началось! Все — за фотоаппараты. Под конец один мужик догадался упряжь перерезать: лошадь вот-вот и задохлась бы...

На полотне экрана ложатся синяя речка, ажурные перила, блики воды и листья.

— Старинный металлический мост в Сибири.

Как не узнать Марату Григорьевичу мост. Пожелтевший снимок в ящике меж всякого хлама, который он любил разбирать в детстве... Там серо-желтые лица господ — невыразительные, неподвижные под котелками. Блиновидные фуражки солдат. Открытие мо-

ста. А мост—серый, будто тогда был старее, чем сейчас на цветном слайде.

— Мост строил мой дед...

Только профессор Бублик услышал.

— Это было очень давно? Разве тогда делали металлические конструкции?

— Прошу за стол!

— ...область, в которой мы плодотворно работаем!

— За здоровье всеми любимого выдающегося ученого, нашего дорогого...

«Симпозиумный» членкор смущенно улыбается, как обедневший князь, развращенный хитрым мужичьем. Он и вправду дворянских кровей. А потому, выпив, нарушил какой-то мужичий этикет: ученые мужики вокруг загадочно ухмыляются.

— За нашу объятую огнем историю!

«У всех огненная история...»

— ...за наших особенных женщин-матерей!

«У всех матери — женщины и особенные...» —

Марат Григорьевич смотрит в люстру, ее свет расплывается... Новенькая люстра, под старину: хозяйка привезла из-за границы. Смотрит на лица — лица расплываются. Рядом сидят Бублик и ученая дама:

— ...дед-инженер: до революции...

— Дипломированный инженер в то время получал...

— Да уж больше теперешнего кандидата!

— Доктора!

«Никакой он не инженер, — сказала как-то мать. — Строитель хороший, самоучка. (Мать-то была инженером, при Советской власти выучилась). Всю жизнь мечтал инженером быть, да разве мог он тогда учиться? Выдавал себя за инженера. Сколько бабушка твоя с ним мучений приняла! Четверо детей, а муж... и с неблагонадежными водился. Работал по окраинам, в глуши. Вот приедут на новое место, все хорошо, вдруг — донос. Потом-то забылось, после революции. Однажды работал на казенном прииске. Дом дали, бричка своя, прислуга... Сидели вечером на веранде за чаем с местной «знатью»... Вдруг — верховой: «Где управляющий?» А бабушка замерла: почуяло сердце — о нем! Так и вышло. И ночью в стыде от всех собирались, уезжали... Ты знай правду, но люби его. Другого деда нет у тебя...»

Вот далекие дни. Маратик пришел из школы, возится с чем-то, что-то мастерит на покрытом крошечной желтой краской подоконнике. Звонок. Приехал дед. В дверях — маленький старик с него, подростка, ростом. Вот еще докука: помешает маратиным затеям. Но дед не мешает. Он тихо сидит на тонконогом стуле. Нет, он не хочет есть. Ел. «В закусочной какой-нибудь, — говорит мама, — всегда любил закусочные». (Бидно, повторяет стародавние семейные обвинения). Но и она довольна. С дедом мало хлопот. Он самостоятельный. У него в кармане жестяной милицейский свисток, какое-то приспособление с пружинками, чтобы хранить мелочь. Табакерка железная: нажмешь на планку — папироса выскочит. Пахнет от деда по-мужски — табаком. Но не закуривает дед: при нем не курил. Без отца рос Марат, и чуден ему этот запах — мужской запах табака. Дед сидит — ничего не просит. Когда постелят — тогда и ляжет. Если захрапит — спохватится, проснется. Деликатный.

Вот что помнит Марат. Потом узнал, что деда выгоняли на пенсию. А пенсия тогда?.. Да и жена у него была молодая. Там, на маленьком полустанке, откуда дед приезжал.

Сидит дед на тонконогом стуле, маленький, молчит, смотрит напряженно потускневшими карими глазами на мать: все хуже слышит, но скрывает это, хочет догадаться, что говорят ему. И на работе скрывал. Но разве скроешь? Были на службе молодые, настоящие инженеры, местные. Один из них, кудрявый брюнет с неповоротливыми черными глазами на полном лице, всегда по-дорогому одетый и чуть попахивающий ногами, говорил начальнику о никчемности деда, а дед кивал головой, делал вид, что слышит. Не было тогда в продаже слуховых аппаратов.

Из своего старого «портмоне» вытащил дед пожелтевшие, прозрачные на сгибах бумажки. Там великолепным стилем 20-го года написано: «...дана борцу за пролетариат товарищу... Геройски рубился с белоказачками за дело мировой революции... Один на коне про-

рвался, привел помощь окруженному красному отряду... комиссар Зильберштейн». Чернильная печать с еле видной пятиконечной звездой. Чернила были тогда не настоящими: выцвели, стали бледно-коричневыми.

— Может, поможет? — говорит дед нерешительно: видно, сам не верит.

— А этот комиссар жив?

— Он... — дед смотрит старческими глазами, где видны еще ястребиные коричневые ободки вокруг зрачков, — большим человеком стал, но потом его...

За то бабка когда-то бросила деда, что он домой пулемет притащил, в сарае прятал...

— Значит, ваш дед еще до революции был инженером. Выезд, наверно, имел свой, прислугу. Интеллигенция. Не то что теперь. Кончал небось в Питере?

— Да.

Вечернее небо за стеклянными стенами аэропорта... Самолет в 9 утра. Завтра все разъезжаются. Саша сдает чемодан в камеру хранения, выходит на площадь, где суета возле автобусов. Где-то на другом конце города зажигается зеленый огонек над люсиным столиком. Сегодня Люся дежурит...

«Двадцать четвертый» листает проспект Мира. Останкино, улица Комарова...

Этот невыносимый храп... В конце концов Саша мог устроиться жить отдельно, если бы не Марат Григорьевич. Живет же ученик Бублика... Бублик кивнул головой, когда Саша докладывался. А Марат Григорьевич все недоволен: «Надо еще поработать». До каких пор? Саша не может задерживаться с диссертацией. И дома все так говорят... У Саши дома на столе, в портфеле — исписанные формулами листки, родные смотрят на них с уважением. Но у Марата Григорьевича мало возможностей, потому и тянется. Другое дело — Бублик. Если б Марат Григорьевич согласился разделить руководство... Первым научным руководителем написать Бублика, вторым — Марата Григорьевича. Все станет легче...

Марат Григорьевич, наверно, давно храпит. Люся давно сидит за своим столиком. Автобус плывет между гаснущими айсбергами мокрой, холодной ночной Москвы. Флотилия «Заря-Восток-Алтай» выплывает навст-

речу развернутым строем кирпичных корпусов, Телый коридор. Конторка.

— Устали? Вы же съехали?!

Люсины ясные глаза в зеленом отсвете настольной лампы, молодые морщинки-скобочки у рта.

— Много работаете, — говорит Люся, — я тоже училась когда-то в техникуме... И что вы делаете? Все ваши такие озабоченные, спешат...

О чем рассказать Люсе? О запутанных коридорах чисел, закономерность, таинственный узор которых можно постичь только с высоты, как план лабиринта? Но взойти на эту высоту удастся немногим.

— Мне хотелось еще раз вас увидеть.

— Я не могу пустить в номер.

— И не надо.

— Как же вы будете?

— Буду сидеть возле вас.

Открывается дверь напротив и неизвестный ученый «Коля» появляется перед столиком. На нем майка и гимнастические голубые трикотажные брюки. Они висят на его щуплом, но, видно, крепком теле, выросшем, как чертополох, среди ухоженных научных грядок.

— Где бы кипятку?

— Титан прямо и налево по коридору.

— А стакан?

— Стакан у вас в комнате.

— У нас стаканы заняты, — он наклоняется над столиком. — Собрались хорошие ребята. Заходите к нам.

— Лучше мне не заходить. — Люся подумала, повернулась к Саше: — Так и быть, пущу вас к вашему другу в комнату.

— Слышите? — улыбается Саша: дверь 719-й комнаты содрогается от рокота.

Парень в майке появляется опять. В руке у него стакан с водкой.

— За здоровье дежурной седьмого этажа!

— Уйдите, чтобы я этого не видела.

— Выпей за мое здоровье, я тоже дежурный...

Ночь тихо звенит по коридору. Это трансформатор поет, как сверчок. Утихает эхо далеких шагов, рокот возле комнаты Марата Григорьевича становится ритмичней и глубже...

— А вы спите?

— Есть дежурка. Потом, если будет время.

Гаснет свет на лестнице. Люся дописывает последние ведомости, заполняет квитанции. Она очень серьезная, очень деловая, эта Люся.

— Идите к нему, я пущу.

— Нет, только в дежурку.

— Нагорит мне, если узнают...

Коридорный паркет плывет под ногами, как разлинованная полями земля под самолетом. Звон ключа. Как громко! Дверь проваливается в темноту, свет из коридора на миг озаряет какие-то завалы матрасов, белья...

— Нельзя зажигать свет.

— Ничего не видно.

— И не надо. Ох, что ты?

— У тебя удивительная кожа, как полированная.

— Гостиница отполировала... А муж сейчас спи-и-ит.

Есть неведомый брат твой. Ему в придачу достался быт, семейные неурядицы, а тебе только это. Только это — без счетов, без последствий... Без будущего.

— Мне больше ничего не нужно.

Умолк звон в ушах и где-то рядом в раковинке закапала вода. Щели по краям двери слабо очерчены светом из коридора.

— Будешь спать? — говорит Люся.

— Конечно, нет.

— Уходи.

Без будущего.

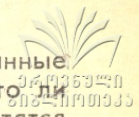
— Свет не включай.

— Все растерял в темноте... Мой дурень храпит в 19-й...

— Что-то не замечала я за ним дурости. Администратор может прийти. Они проверяют.

— Все. Поцелуемся.

— Ладно, — сказала Люся. — А к другу я тебя не пущу: иди куда хочешь.

Скрип двери в предутренней тишине. Пустынные улицы в синей мгле, и под ногами поскрипывает то ли иней, то ли мелкий снежок. Кое-где окна уже светятся тусклыми желтыми огнями.

«Еще? — Да... — Еще? — Если хочешь... Пусть придет администратор, все равно...» Небо посветлело и дома стали выступать из мутной синевы, как из-под воды. Стало холодно, трезво.

Больше он никогда ее не видел.

«Мистер Кондейшен» принял Марата Григорьевича без промедления, хотя был очень занят. Даже встал из-за стола и сделал навстречу несколько шагов по огромному кабинету. Ведь они знали друг друга с детства, впрочем тогда он был Женькой.

— Ты все полнеешь, — сказал Евгений Николаевич, согнал улыбку с лица, посмотрел выжидательно, давая понять, что на этом комплименте неофициальная часть завершена.

Марат Григорьевич вспомнил старинный дом в Сололаки¹, темный коридор, комнату с очень высоким потолком. На стенах висели выцветшие фотографии господ в котелках, нарядных дам — странные осколки неведомого мира. В комнате жили Женя, его папа, мама. Широкая железная кровать с медными набалдашниками стояла за потрепанной старой японской ширмой, разрисованной птицами, которых Марат принимал за петухов. Марат прибегал к Жене после школы готовить домашние задания, иногда они гоняли мяч в глубоком внутреннем дворе дома.

— Раньше весь дом был наш, — как-то сказал Женя.

К концу войны у Жени появилось множество старых купюр крупного достоинства — папа дал. Это были очень красивые, теперь уже, по-видимому, окончательно ненужные деньги — сторублевки, пятидесятирублевки, десятки — почти новенькие, хрустящие, с портретами императоров и императриц. От них веяло старинной мощью империи. Марат рассматривал на

¹ Сололаки — один из старинных районов Тбилиси.

свет водяные знаки, сиявшие сквозь добротную бумагу. Такой бумаги он и не видел до того. Рубли, с которыми посылали за хлебом, были совсем другие: старые, на мягкой непрочной бумаге, со строгими лицами бойцов и летчиков в боевых шлемах.

Несколько дней Женя и Марат носились со старинными деньгами, а потом подарили их девочке, собиравшей коллекцию марок.

Вскоре после этого женин папа стал директором магазина. Была потом у него и машина, и частный шофер (тогда владельцы сами машин не водили), но маленькой комнаты в коммуналке он так до смерти и не покинул.

Как-то раз в институте, где работал Марат, ожидали приезда комиссии. «Мистер Кондейшен», — слышалось отовсюду. Комиссия пришла. Во главе ее был молодой, энергичный... Женя. Он толково провел совещание с руководством института. В заключение огляделся и сказал фразу, которую все ожидали: «Здесь есть кондейшен? За границей, где ни бывал, — во всех кабинетах кондейшен...»

Евгений Николаевич смотрел выжидательно. Он тоже за эти годы пополнел. В кабинете у него, как ни странно, кондиционера не было.

Марат Григорьевич начал издавека, о том, что необходимо загодя готовить базу для новой техники — потом, когда вокруг дела начнется ажиотаж и этим вдруг займутся все, впереди будут только те, кто не жалел сейчас средств на перспективные исследования.

— А там этими исследованиями занимаются? — спросил Евгений Николаевич, кивком показав в какую-то неопределенную даль.

— В том-то и дело, что пока еще не начали.

— А-а... — вяло потянул Евгений Николаевич.

— А мы многое начинали первыми...

При расставании Евгений Николаевич сказал:

— Передай профессору Бублику, что его включили в справочник...

Действительно, вскоре вышел справочник, в нем — множество имен и о каждом заметка по рангу и чину, роду-племени. Была статья о Пифагоре. Там говорилось о математике, немного о жизни: о том, как воздвиг Пифагор гекатомбу — принес в жертву богам

сотню быков после того, как доказал знаменитую теорему.

О Бублике говорилось совсем мало: дата рождения, перед фамилией эпитет «известный». И хотя о Пифагоре не было сказано ничего в осуждение, было совершенно ясно, что Бублик цивилизованнее, скромнее, не возводит гекатомб по поводу своих научных успехов и переводит говядину только за обедом.

Как и ожидал Саша, цоцхали не произвели на Бублика впечатления. Он весьма оценил лобио, траву цицмати и даже несколько затесавшихся среди нее стеблей петрушки с удовольствием воспринял как экзотическое растение. Вино вежливо похвалил, но сказал, что в Москве, в гостях у Алисы Павловны, пил совершенно изумительное крестьянское домашнее, присланное ей из Тбилиси. Саша тут же пообещал достать такое же, даже еще лучше, и выслать Бублику в Москву.

Между тем соседи и родственники вполне оценили цоцхали и кахетинское из особой бочки таинственного подвала на Майдане. В желтом электрическом свете сияли лица Саши, его отца, домочадцев, мелькали проносимые блюда, волшебным образом заменялись на свежие чуть запачканные гостями тарелки...

Марат Григорьевич тихо встал, незамеченным вышел на балкон. Это был старый тбилисский деревянный балкон с неровными от времени серыми досками пола. Перила были шероховаты от облупившейся, желтой когда-то, краски. Деревянные завитушки под перилами потрескались, кое-где выпали.

Отсюда, со второго этажа, казалось, что балкон криво висит над тусклыми булыжниками улицы, но это улица была кривая — старая Кипиановская. Здесь она сворачивала к Мтацминде; карабкались по крутому подъему невысокие дома, где во дворах звенят под кранами ведра, на верхние этажи ведут наружные винтовые лестницы. Железные или деревянные — одинаково шаткие. По таким лестницам хорошо в детстве скатываться кубарем с головокружением от вращения протертых до дыр кованых лепестков-ступенек, от

Вильям Хацкевич. Слишком много математики.

певучей вибрации заржавленного столба, на который нанизаны лепестки. В детстве Марат удивлялся: как по таким лестницам втащили на этажи громадные шкафы, комоды?

Было уже за полночь, одни лишь булыжники ползли меж домами плотной нестройной толпой вверх, к Мтацминде, и никто не шагал по ним, и нигде в домах не было света. Только сашины окна, двери были открыты, ярко освещены. Шум застолья далеко слышен ночью на маленьких улочках. Марат Григорьевич вспомнил, как в детстве, такой же ночной порой, в старом доме он сидел вместе с другими детьми за столом возле окна, открытого на такую же улочку. Какое-то семейное торжество, троюродные братья, сестры, которых он видел впервые... Открылась дверь, в комнату вошел чужой, бедно одетый человек с ведром и мешком. Наверное, шел по городу, услышал шум, увидел свет в окнах... Он выпустил из мешка голубей, они разлетелись по комнате. Из ведра достал в мокром лукошке маленьких рыб, разбросал по столу. Те были действительно цоцхали¹, они заплясали на скатерти, как настоящее серебро среди мельхиоровых ложек и вилок...

— Меквле!²

Ему поднесли вино. Он стоя выпил за что положено: за хозяев, за гостей, за хороших людей — пусть будут они здесь всегда. За этот стол — пусть не иссякнет изобилие на нем! Благословил очаг, кровлю над очагом...

Марат запомнил грубые мокрые руки, прилипшую ко лбу прядь черных с проседью волос, худое испитое лицо... Теперь никто не ходит ночью по улицам в поисках освещенных окон.

За черными силуэтами крыш постепенно редели огоньки Арсенальной горы. На балкон вышел Бублик, чуть пошатнулся, вдохнул прохладный ночной воздух, текущий с Мтацминды, прищурился на далекие огни Арсенальной. До него стал доходить вкус вина из той бочки.

¹ Цоцхали — в дословном переводе «живые».

² Меквле — счастливый вестник, приносящий удачу.

— Богато живут, — сказал Бублик. — Интересно, каковы истоки подобного изобилия?

Они вернулись к столу. Произносился тост за соседней, которые всегда рядом — ближе родственников. Одновременно с познанием вкуса вина профессор начинал разбираться в людях, сидевших вокруг.

Старик-банщик был представлен как хранитель чистоты того источника, в который упал фазан, раненный Горгасалом¹. Каждый день старик спускается в самое сердце Тбилиси, к истоку, откуда пошел расти город, чтобы принять участие в древнем обряде целительного очищения. Замечено: люди начинают петь в серной бане, голоса торжественно, как в храме, звучат под старинными тяжелыми сводами — значит, очищается не только тело!

Хороший парень из этого же дома — заведующий секцией в магазине — пример честности, бескорыстного служения обществу, никогда ни в чем не отказал зашедшему в магазин соседу...

Широкоплечий усатый рыцарь с тяжелым взглядом сумрачных глаз, крепкий, будто под пиджаком у него спрятан панцирь, — был человеком, на которого могли положиться друзья.

Респектабельный седовласый джентльмен, сидевший на почетном месте между сашиним отцом и Маратом Григорьевичем, — удивительный врач, прославившийся чудесными исцелениями безнадежно больных. Его медицинские познания необъятны. Тамада был свидетелем побед доктора в спорах с величайшими научными авторитетами. И при этом — необыкновенная скромность, доброта, бескорыстие, человеколюбие...

Прекрасные женщины — целомудренные, верные, замечательные жены, матери, сестры появлялись из кухни, чтобы выслушать похвалу в свою честь, и когда тост кончался, снова возвращались к мытью тарелок, к хлопотам над волшебными яствами, блюдами,

¹ Бахтанг Горгасал — грузинский царь V века, основатель Тбилиси.

посудой. Бублик взгрустнул, вспомнил первую, вторую жену, семейный интим в московских ресторанах.

Отважные мужчины со строгими лицами древних героев-воителей смотрели на Бублика ободряюще: они приняли его в рыцарский круг, предложили мужественную дружбу.

Профессор встал, попросил слова. Ему вручили огромный рог, полный вина. Все замерли в почтительном ожидании. Бублик исследовал рог, понял, что поставить его на стол, не опрокинув, невозможно. Ничего, так даже лучше: он выпьет все. Есть ли что-нибудь прекрасное и в его биографии? Впервые он подумал, что не воевал, никого не исцелял, не очищал... А эта досадная неувязка в теории при делении четных чисел на два... В студенческие годы бывал на лагерных сборах, стрелял из пушек... Артиллерист, офицер запаса...

— Я лейтенант, — сказал Бублик и обвел взглядом сидящих. Никто не удивился — казалось, все давно это предполагали.

— ...Старший лейтенант, — уточнил он, — а лейтенанты...

— Пьют до дна! — тихо добавил сидевший напротив усатый рыцарь и откусил длинный зеленый хвост маринованного перца-цицака.

— Да! — как сообщнику ответил ему Бублик, посмотрел в глаза открытым мужественным взглядом, поднял прекрасно подстриженную округлую бородку, приложил рог к губам...

Напрасно встревоженный Марат Григорьевич дергал его за рукав, Саша деликатно убеждал, что пить до конца не обязательно, обычаи этого не требуют, можно передать рог кому-нибудь другому; достаточно сказать «калаверди», и тот, другой, продолжит тост за лейтенантов, так прекрасно начатый. Бублик задирал бородку все выше. Наконец он опрокинул рог: не осталось ни капли.

Еще через несколько минут профессор уронил голову лицом вниз, в стоявшую перед ним тарелку с замечательным зеленым пхали...

Саша и усатый рыцарь, не дрогнув проглотивший цицак, бережно подняли Бублика, под руки свели по винтовой лестнице, усадили в машину. Его привезли в

гостиницу, подняли на лифте на 10-й этаж, так же бережно завели в номер, раздели, уложили в постель, укрыли. Саша оставил дверь неприкрытой, перед уходом еще раз проверил, не лежит ли Бублик на спине. Рыцарь попросил дежурную по этажу почаще заглядывать в номер.

Минут через пятнадцать Саша с товарищем вернулись к столу. Их встретили веселые, трезвые лица. Впереди была долгая ночь: людей за столом много и за каждого надо выпить...

Утром Марат Григорьевич позвонил в гостиницу:

— ...Как чувствуете себя после вчерашнего?

— Я, знаете, решил уйти. Вижу: все перепились по кавказскому обычаю. Да ну, думаю, их... Тихо встал, вышел на улицу, прогулялся по городу перед сном и — в гостиницу.

— Отлично, — сказал Марат Григорьевич, — а я собирался сегодня поводить вас по вечернему Тбилиси...

Очень старое кладбище — Кукийское. Лабиринт ржавых железных оград, кое-где погнутых, торчащих, как изломанные руки из-под земли. Места зарезервированы с прошлого века: если человека хоронят на Кукийском — наверняка коренной тбилисец. И устроено по старинке: без пантеона — отделенного от прочих могил стеной филиала какой-либо спецполиклиники.

С незатейливых цементных надгробий смотрят пострадавшие от непогод, выцветшие фотографии. Люди старомодно одетые, о чем-то задумавшиеся, улыбающиеся, веселые — они-то ведь снимались не для этого. Время сравняло богатых, бедных, одинаково прошло ржавчиной по решеткам оград, трещинами по цементу стен, пятнами по безответным лицам на фотографиях... Нет здесь, как на новых кладбищах, гордых мраморных изваяний, фамильных склепов, которым позавидовали бы фараоны Среднего царства. Но одно хорошо — можно всласть поплакать и никто тебя не увидит.

Деревья, когда-то посаженные безутешными матерями, вдовами в изголовьях могил, разрослись, одича-

ли. Давно уже нет тех, кто ухаживал за ними, поливал, и они теперь хозяйничают всюду в заброшенных огородах, выворачивая хищными корнями могильные плиты, корежа цемент...

Марат давно потерял дорогу, продираясь по еле видимым тропинкам меж колючих мокрых веток, вздыбленных плит, уворачивался от каких-то железных шипов, торчащих из земли... «Здесь нет места строгой геометрии, мрамору, чванству, — подумалось ему, — есть только скорбь, застаревшая, как эти ржавые ограды».

Покосившийся памятник. Отбит верх плиты. Нет имени. Только одна фраза читается: «Сей памятникъ построенъ при жизни и своими средствами...» Как горько от этой гордости!

Он еще раз оглянулся: как будто опять знакомые места. Вон за тем поворотом, за той оградой с вросшим в нее деревом... Он помнит, как проходил здесь тогда. Был тихий осенний день, желтые блики нежаркого солнца, дерево шумело зеленой, еще сочной листвой... Да, за этим деревом! Но нет. Опять чужие камни, надписи — свидетельства чужого, давно отзвучавшего горя. Чужие лица глядят с фотографий. «Дорогому Сереже..., погибшему на 17-м году жизни... июля 1935 года... безутешная мама...» Фотография веселого парня с припухшими детскими губами, а рядом фотография посвежее — старушка в черном. Могила не ухожена—некому стало сюда ходить. Что же случилось с тобой, Сережа, жарким летним днем, в том далеком году, в том далеком маленьком городе? Где те, кто несли тебя от самого дома под музыку жалкого оркестра, обливаясь потом, сменяя друг друга?

Вдруг Марат понял, что искать бесполезно. Поэт растворился в этой земле, в толпе мертвых — своих знакомых, друзей из старого города, которого уже нет. Только стихи живут за него, за них...

В конце концов не все ли равно? Мертвым не дано знать о нас. Все мы делаем не для них, а для себя...

Марат положил цветы на обветшавшие могилы старушки, мальчика с пухлыми губами, умершего давно, повернулся и пошел прочь.

Светало. Дома выплывали из ночи, словно корабли великой армады. Зажигались, перемигивались на них сигнальные огни...

Засыпая, ехал на такси в аэропорт Саша.

В гостинице рыжего «Колю» теребил за плечо сосед:

— Автобус проспишь!

«Коля» мотал с похмелья головой, брыкался. Скрипела койка. Казалось «Коле», что плывет куда-то лодка и качает ее, качает, скрипят весла в уключинах. «Неровно гребут, черти!» — так вроде бы сказал «Коля», а на самом деле замычал дико, и вся комната заворочалась на десяти железных кроватях...

Далеко отсюда, в спецсанатории, в тихой комнате, просветлела штора на окне. Утренний шорох пробужденного ветра прошел по лесу, по сосновым лапам за окном. Через открытую форточку движение передается шторе, она всколыхнулась: мутный еще луч солнца упал на кровать, сверкнул в стакане воды на тумбочке, озарил подушку, бородатое лицо доктора Бублика. Он зажмурился, повернулся к стене, постарался подумать о приятном. Вспомнил о Свете, ее понимающем взгляде, и опять заснул...

В суровой ведомственной гостинице спала Света в обнимку с неудачливым учеником доктора. Они устали, и даже грохот генеральной драйки полов и стен, начинавшейся в образцовом заведении ровно в 6.00, не разбудил их.

На седьмом этаже «Зари» в пустынном коридоре щелкнула дверь, из дежурки вышла Люся, побрела к конторке, где все еще горела настольная лампа. Возле комнаты Марата Григорьевича Люся приостановилась, послушала рокот за дверью, чуть улыбнулась, но затем почему-то омрачилась лицом и уже по-деловому пошла по коридору.

В 719-й комнате было полутемно, душно. Бывшая сашина кровать так и осталась неприбранной. На стуль-

ях разбросаны вещи, в углу — приготовлен чемодан Марата Григорьевича. Марат Григорьевич лежал на спине: переворачиваться на бок, чтобы не храпеть, стало ненужным с уходом Саши. В утренних сумерках полное лицо Марата Григорьевича казалось серым, кожа была влажна. Он уже стар, Марат Григорьевич.

Был у него сон, который снился не часто, но всю жизнь. Вот и сейчас какие-то туманы объяли его, огромные пространства пронзили жутким чувством и... показались всадники. Впереди ехали трое — седло и седлу. Лица их были сосредоточены. Кожаные ремни опоясывали шинели. Странные поперечные застёжки-планки из синего сукна красовались на груди. Остроконечные рыцарские шлемы были на всадниках. Древнерусские шлемы, но из войлока и с огромными красными звездами над козырьками. Чувство ликования пронзило Марата Григорьевича: он знал их. Их грозные и прекрасные лица, пристальный взгляд, сдвинутые брови... Те, кого проклинали враги, кого предали друзья... Вот и поэт среди них. Длинные волосы выбиваются из-под буденовки...

То ли песня гремела вдаль, то ли гул канонады. Но всадники были безмолвны.

ХАЦКЕВИЧ Вильям Харитонович (В. Простосердов). Род. в 1932 г. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник Вычислительного центра АН Грузинской ССР. Печатается с 1954 года. Автор сборников стихов и переводов с грузинского, а также рассказов и повести «Дорога в Уч-Дере».

191933-20
191933

* * *

«ОКТАБРЬСКАЯ революция была яркой звездой, приковавшей к себе все мое внимание. Я ринулся в водоворот революционной борьбы с бесповоротным решением посвятить все свои способности, знания и самую жизнь за провозглашенные Октябрем лозунги». Эти слова принадлежат герою гражданской войны Нестору Александровичу Каландаришвили, имя которого овеяно легендами, рожденными еще при его жизни.

Героическая, беззаветно отданная революционной борьбе за установление Советской власти жизнь стала не только достоянием Истории — она сохранилась в сердцах благодарных потомков, знающих о революции лишь по книгам и по светлому сегодняшнему дню нашей Советской страны, отмечающей уже шестьдесят пятую годовщину своего существования.

Еще в 1923 году имя Нестора Каландаришвили было присвоено одной из центральных улиц г. Иркутска, а в годы коллективизации его имя стали носить три колхоза Якутии. О его яркой, насыщенной борь-

Базыр ВАМПИЛОВ,
Георгий КАРНАУХОВ

«... ЖИЗНЬ — ЗА
ПРОВОЗГЛАШЕННЫЕ
ОКТЯБРЕМ
ЛОЗУНГИ»

бей судьбе написаны статьи, очерки, книги. О нем рассказывалось и на страницах журнала «Литературная Грузия».

Но сейчас мы снова возвращаемся к этой легендарной биографии. Авторы предлагаемого читателям очерка «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги» Базыр Николаевич ВАМПИЛОВ и Георгий Матвеевич КАРНАУХОВ — члены Иркутской секции историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма, которые в течение многих лет кропотливо и настойчиво собирали документы и материалы, связанные с жизнью и деятельностью Нестора Александровича Каландаришвили. В созданном на основании своих разысканий материале авторы буквально шаг за шагом прослеживают революционную и боевую биографию героя. В предпосланном очерку письме они пишут: «Наши земляки-иркутяне бесконечно благодарны замечательному грузинскому народу за Нестора Александровича Каландаришвили. Заслуги таких людей не меркнут и должны быть вечно хранимы наследниками».

* * *

ЕСТЬ люди, имена которых переживают время. Нестор Александрович Каландаришвили был человеком необычайной судьбы, настоящим народным героем.

Родился он 26 июня (8 июля) 1876 года¹ (по другим данным — 1874 года) в селе Шемокмеди Озургетского уезда (ныне Махарадзезский район Грузинской ССР) в бедной семье. С восьми лет Нестор начал учиться в сельской начальной школе. Затем успешно окончил гимназию в г. Кутаиси и поступил на учебу в Тифлисскую учительскую семинарию. Активизация революционной работы в те годы, в частности в Тифлисе, где жил и учился Нестор Каландаришвили, в какой-то мере повлияла на молодого студента. Он связывается с революционными социал-демократами, ведет революционную пропаганду среди крестьян и солдат. Его исключают из семинарии как политически неблагонадежного. Двадцатилетний Нестор Каландаришвили вынужден был уехать в Батум, где он сперва работал учителем, а затем служащим в ба-

¹ В различных источниках по-разному пишется его фамилия: Каландарашвили, Каларандалашвили, Каландаришвили. Также не точно указывается дата его рождения. Мы все эти биографические данные приводим в полном соответствии с биографией Н. А. Каландаришвили, опубликованной в третьем издании Большой Советской Энциклопедии, т. II, стр. 192.

тумском отделении «Русского общества пароходства и торговли», где сталкивается с произволом, творимым администрацией тепромышленника Ротшильда. Здесь он связывается с революционными матросами и рабочими, ведет революционную пропаганду среди рабочих предприятий Ротшильда и солдат Михайловской крепости.

За ним устанавливается полицейский надзор, и он вынужден в 1903 году переехать в Сухумский район и там скрываться от преследований полицейских ищеек.

В период первой русской революции 1905 — 1907 гг. молодой Нестор Каландаришвили был уже активным участником революционных выступлений в Гурии и Батуме.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что в этот период в канцеляриях жандармерии появилось фото Нестора Александровича и описание его примет: «24—25 лет, выше среднего роста, брюнет, борода «буланже», волосы на голове курчавые». Жандармы следят за его практической революционной деятельностью, что находит отражение в информационных материалах жандармского управления: «22 мая 1905 г. на сходке во дворе Городской управы, в своей речи говорил, что резню в Баку, Нахичевани и Эривани между татарами и армянами устроило правительство с целью посеять вражду между нациями и тем сохранить существующий режим»².

За свою революционную деятельность Нестор Каландаришвили неоднократно сидел в батумской, тбилисской, кутаисской, новороссийской и харьковской тюрьмах, из которых освобождался «за недоказанностью обвинения», а из киевской и керченской тюрем он совершил побег.

Шеф жандармов Закавказья на его деле после амнистии, объявленной царем Николаем II, написал: «Вреден для крепости. Амнистии не заслуживает»³.

В июне 1908 года Батумское охранное отделение на запрос Главного жандармского управления дало Н. А. Каландаришвили следующую характеристику:

«Нестор Каландаришвили — бывший служащий в Русском обществе пароходства и торговли, в 1906 году уволенный за поли-

² Государственный архив Грузинской ССР. Фонды №№ 1—4, дела 282, 373, 382 и др.

³ Там же. Ф. I, с. д. 373, л. 15—16.

тическую неблагонадежность, играл видную роль в политическом движении в 1905 году в г. Батуме и состоял в красной сотне».

В жандармских донесениях из г. Батума о революционной деятельности Н. А. Каландаришвили этого периода содержатся сообщения о том, что он в 1905 году принимал активное участие в проводимых политических митингах и выступал с противоправительственными речами, распространял нелегальную литературу, ведал получением с пароходов оружия и патронов, доставляемых из-за границы и других городов и портов страны.

В 1921 году, заполняя документы при вступлении в партию, Н. А. Каландаришвили о своей революционной деятельности этого периода писал: «С 1900 года принимал участие в различных организациях среди крестьян, рабочих и военных; с 1905 года состоял в группе руководителей военно-революционного отделения на Кавказе и группе руководителей по доставке оружия из-за границы; командовал различными военными организациями и дружинами, выступая против царских войск; в 1907 году, после торжества реакции на Кавказе, бежал, а с 1908 года работал в группе анархистов в Сибири; в 1917 году работал в контакте с коммунистами-большевиками».

Осенью 1908 года Н. А. Каландаришвили, скрываясь от преследования жандармерии, вынужден был, преодолевая жандармские заслоны, покинуть Грузию с намерением эмигрировать за границу, в частности в Японию. Но добрался он только до Иркутска. В своей автобиографии Н. А. Каландаришвили позднее писал:

«В конце 1908 года прибыл в Иркутск, намереваясь пробраться в Японию. В Иркутске я получил известие, что товарищи успели выкупить мое дело с обвинительными материалами. Поэтому уже не было необходимости скрываться за границей. Я остался в Иркутске»⁴. Здесь он также продолжает свою революционную деятельность, за что несколько раз арестовывался, содержался продолжительное время в одиночном заключении. Два раза объявлял голодовку. Таким образом, все годы пребывания в Иркутске, до Февральской революции 1917 года, Нестор Александрович находился на нелегальном положении и подвергался карательным мерам царских властей.

В эти годы Н. А. Каландаришвили вместе с П. М. Никифо-

⁴ Там же. Ф. 3. с. л. 824, л. 77—78.

⁵ М. В. Церетели. «Народный герой Нестор Каландаришвили». г. Тбилиси. 1965 г. стр. 10.

ровым⁶ готовил покушение на иркутского генерал-губернатора Селиванова, но они были арестованы, не успев выполнить своих намерений. Шесть месяцев он сидел в одиночной камере, отсутствием улик власти вынуждены были его освободить.

В 1913 году он снова был арестован и содержался в одиночной камере более десяти месяцев, испытал режим александровской каторжной тюрьмы тех лет.

Находясь в Иркутске, Н. А. Каландаришви и примыкал к анархистам, но, однако, своей деятельностью оказывал большую помощь большевистским организациям.

После трагической гибели Н. А. Каландаришвили один из руководителей большевистских организаций Восточной Сибири, член Военного совета Пятой Красной Армии т. Б. З. Шумяцкий в марте 1922 года писал о революционной деятельности Н. А. Каландаришвили в Сибири:

«...ошибаясь в выборе идеологии (так Н. А. Каландаришвили выражался о своем былом увлечении анархизмом), он ни на минуту не терял веры в революцию и победоносную силу пролетариата. И, несмотря на разность политических убеждений, был постоянным активным помощником революционной борьбы наших подпольных, именно большевистских организаций Сибири»⁷.

В период между первой русской революцией 1905—1907 гг. и революционными событиями 1917 года в Иркутской губернии, в особенности в г. Иркутске и Черемховском угольном бассейне, было много политических ссыльных грузин и представителей других народов Закавказья: М. Асатиани, М. Церетели, В. Гусукадзе, Кумагомед, Л. Гошидзе и др., которые сыграли большую роль в организации и проведении революционной борьбы черемховского пролетариата и трудящихся окружающих Черемхово районов и аймаков. Близкий товарищ, друг и соратник Н. А. Каландаришви-

⁶ Петр Михайлович Никифоров, член большевистской партии с 1904 года, уроженец с. Оек Иркутской губернии. Принимал активное участие в революционной борьбе. После изгнания интервентов — председатель Совета министров ДВР. Автор известной книги «Муравьи революции» (второе издание — «В годы большевистского подполья») и книги «В годы реакции в иркутской тюрьме».

⁷ М. В. Церетели. «Народный герой Нестор Каландаришвили». г. Тбилиси. 1965 г., стр. 11.

ли Михаил Варденович Церетели (1892—1963 гг.), уроженец г. Кузнецкого, в 1909 году осужденный царским судом на четыре года каторжных работ и девять лет последующей ссылки в Сибирь, с 1914 года работал забойщиком на угольных шахтах в Черемхово и продолжал вести революционную работу. После Октября он был активным участником борьбы за Советскую власть — сначала в дружине черемховских шахтеров, а затем в партизанском отряде, которым командовал Нестор Александрович Каландаришвили. Участник Великой Отечественной войны, член партии с 1918 года, М. В. Церетели впоследствии написал книгу «Народный герой Нестор Каландаришвили», изданную в Тбилиси в 1965 году.

Н. А. Каландаришвили часто приезжал в Черемхово. Там был организован один из самых крупных красногвардейских отрядов, насчитывавший свыше 1500 человек.

Внешний вид красногвардейцев был неказистым: кто в полушубке, кто в старой фронтовой шинели, кто в ватном пальто с меховым воротником. На головах — шапки-ушанки, папахи, башлыки. На ногах — валенки, унты, торбаса. Среди красных бойцов выделялись крепкие бородачи-сибиряки. Винтовок на всех не хватало. Многие были вооружены охотничьими ружьями, саблями или казачьими пиками. У одних винтовки висели через плечо на ремнях, у других просто на веревочках. Часть бойцов имела ленточные брезентовые патронташи, а многие хранили обоймы в карманах. Они не умели на первых порах держать разнение в рядах, но настойчиво изучали военное дело, учились обращаться с оружием, вести прицельный огонь.

В начале декабря 1917 года в Иркутске вспыхнуло контрреволюционное восстание юнкеров, в разгроме которого большую роль сыграл отряд черемховских шахтеров, руководимый Н. А. Каландаришвили. Затем этот отряд был переформирован в Первый кавалерийский дивизион, командиром которого Иркутский ревком утвердил Н. А. Каландаришвили.

За проявленное геройство и отвагу в защите Советской власти при разгроме восстания юнкеров Иркутский ревком наградил Нестора Александровича Каландаришвили почетным оружием — кавалерийской саблей. Вручая эту награду по поручению Иркутского ревкома, Сергей Лазо сказал: «По поручению Иркутского ревкома я вручаю вам, дорогой наш боевой друг и бесстрашный командир, вот эту кавказскую саблю. Я надеюсь, что в ваших руках она будет верно служить делу пролетарской революции. Пусть стальной клинок этой сабли беспощадно уничтожает Белогвардейскую нечисть!»

В ответном слове Н. А. Каландаришвили, принимая это почетное оружие, заявил: «За родную Советскую власть я буду драться до последней капли крови».

Вся его дальнейшая борьба с белогвардейскими бандами и японскими интервентами, организация и руководство партизанским движением в Иркутской губернии были ответом на эту клятву.

Наступила бурная весна 1918 года. Борьба противоборствующих сил в Сибири достигла высшего накала. Из Манчжурии в Забайкалье вторглись банды наймита японского империализма атамана Семенова. Центральный исполнительный комитет Советов Сибири («Центросибирь») организовал Забайкальский фронт под командованием Сергея Лазо. В Забайкалье посылались воинские формирования, как правило—революционные красногвардейские отряды из Омска, Томска, Красноярска, Иркутска и других районов Сибири, общим количеством более 13 тысяч человек, в том числе свыше 6 тысяч кавалерии и 30 артиллерийских орудий⁸.

В операциях Забайкальского фронта против атамана Семенова Н. А. Каландаришвили командовал Первым кавалерийским дивизионом. Были проведены упорные, полные героизма бои против интервентов, в которых красные воины показали, на что они способны, если защищают завоевания своей пролетарской революции. Семеновская авантюра была провалена. Атаман Семенов вынужден был скрыться в Манчжурии.

В июне 1918 года Первый кавалерийский дивизион вернулся в Иркутск.

Обстановка в это время в Иркутске и Иркутской губернии была необычайно напряженной. Начались в больших масштабах сражения с белочехами на Нижнеудинском фронте, затем под г. Зима и на р. Белой, где принимали участие кавалеристы Н. А. Каландаришвили. Сам он с одним эскадроном охранял безопасность г. Иркутска.

При эвакуации Иркутска в июне 1918 года дивизион Каландаришвили выполнял задачу арьергардного прикрытия отступающих красногвардейских частей. Дивизион провел за эти дни серьезные бои в верховьях Ангары: у станции Култук, в райо-

⁸ Книга «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Иркутское книжное издательство. 1957 год. С.р. 296.

не Слюдянки, на станции Танхой. В это время Нестор Александрович Каландаришвили был назначен командующим Троицкосавским фронтом. Дивизион его был переформирован в 3-ю Советскую дивизию, задача которой состояла в том, чтобы не дать возможности вражеским вооруженным силам ударить в тыл наших войск, сражавшихся в районе Верхнеудинска. В середине августа наши войска потерпели поражение под ст. Посольской в Прибайкалье. 18 августа 1918 года Прибайкальский фронт был ликвидирован.

«Красная гвардия под Посольской потерпела крупную неудачу. Поражение под Посольской было последним и полным поражением Красной гвардии на Прибайкальском фронте. Рассчитывать на восстановление фронта в Прибайкалье уже не приходилось. Путь на Верхнеудинск был открыт»⁹.

Н. А. Каландаришвили во главе двухтысячного отряда красных войск из г. Селенгинска ушел в район Троицкосавска. Здесь Н. А. Каландаришвили выдержал невероятно упорный бой с анархистом Лавровым, оказавшимся авантюристом и предателем. Нестор Александрович арестовал Лаврова¹⁰.

26 августа 1918 года троицкосавский Совет одобрил решение Н. А. Каландаришвили не распускать отряд, как предусматривали решения Урульгинской конференции, а двигаться на соединение с Красной Армией, наступавшей с запада и громившей вооруженные силы Колчака. На второй день после этого решения отряд Н. А. Каландаришвили вступил в г. Усть-Кяхта.

Поход отряда Н. А. Каландаришвили осенью и зимой 1918 года — пример беспрецедентного героизма и преодоления, казалось, непреодолимых трудностей.

Партизаны прошли путь от Кяхты на монголо-советской границе до района Черемхово, преследуемые воинскими подразделениями и частями белогвардейцев, созданными специально для уничтожения отрядов Н. А. Каландаришвили. Совершая этот переход, войска отряда ежедневно вели оборонительные и наступательные бои и нанесли вражеским формированиям огромный урон.

После тяжелых боев с белыми под Усть-Кяхтой и Атамано-Николаевской станицей, в конце второй половины 1918 года отряды Н. А. Каландаришвили ушли в пограничную полосу и в октябре дошли до Туранской заставы.

⁹ В. В. Рябиков. Книга «Иркутск — столица революционной Сибири». Иркутское книжное издательство. 1957 г. Стр. 188.

¹⁰ В. В. Рябиков. Книга «Центросибирь». Новосибирское книжное издательство. 1949 год. Стр. 111—112.

Из Турана Тункинского района, через Монды, отряд Н. А. Каландаришвили, преодолев Саянские гольцы, направился на Оку, пробыв там две недели, двинулся дальше, теперь уже на территорию Иркутской губернии, в частности к пограничному селению Чернушки. Здесь партизаны разделились на несколько мелких групп и развернули в пределах Черемховского и Балаганского уездов решительную вооруженную борьбу против колачакцев и белочехов.

«Этот поход т. Каландаришвили со своим партизанским отрядом совершил по горным тропинкам у границ Монголии, прошел через ущелья гор между Джидой и Тункой, через Саянские горы и очутился в пределах Черемховского уезда. Этот поход т. Каландаришвили совершил, не имея запасов продовольствия, преодолевая невероятные трудности, когда уже наступила зима. Про этот поход т. Каландаришвили знали все, рабочие и крестьяне радовались, что отряд Каландаришвили преодолевает все трудности; белогвардейские штабы затревожились. Усилия белогвардейцев ликвидировать отряд т. Каландаришвили оказались напрасными. При поддержке крестьян Каландаришвили продолжал действовать и, группируя вокруг себя крестьянское население, создавать партизанские отряды и оперировать в пределах Иркутской губернии»¹¹.

После всех выпавших на его долю испытаний Н. А. Каландаришвили организовал зимовку в тайге, в районе села Голуметь. В отряде было 300 человек, преимущественно из черемховских горняков и рабочих-железнодорожников. Отсюда Н. А. Каландаришвили установил связь с большевистским подпольем, особенно с черемховской и иннокентьевской организациями большевиков, с общественными организациями Забугуя, при их помощи обеспечивал отряд продовольствием, согласовывал с ними свои операции. В это же время была установлена связь с отрядами Асатиани и Кожана, находившимися в районе Манзурки.

С того момента, как отряд Н. А. Каландаришвили оказался в «обжитых» местах Иркутской губернии, он имел постоянную связь с губернским подпольным большевистским комитетом и вел свои боевые операции под его руководством.

Начиная с первой половины и до конца 1919 года отрядом Н. А. Каландаришвили, совместно с коммунистическими отрядами

¹¹ Газета «Красный бурят-монгол». 23 марта 1922 года.

Базыр Ваппилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

черемховских горняков и подпольных формирований в районах Иркутской Бурятии, были восстановлены ревкомы на местах и до-
стни боевых дружин, принимавших впоследствии активное участие в восстановлении Советской власти и разгроме колчаковщины.

«Летом 1919 года отряд Каландаришвили провел несколько счень дерзких операций, причем особой отвагой отличался сам командир. Уничтожение железнодорожного моста через р. Китой, крушения воинских эшелонов, ночные налеты на воинские эшелоны и забрасывание их гранатами наводили ужас на интервентов и белогвардейцев, создавая громкую славу партизанскому отряду и его командиру Н. А. Каландаришвили»¹².

Именно в соответствии с указаниями подпольного большевистского губкома Н. А. Каландаришвили разгромил летом 1919 года в с. Куйтун на железнодорожной магистрали между станциями Тулун и Зима большой белогвардейский гарнизон.

В сентябре 1919 года по поручению губкома отряд Н. А. Каландаришвили организовал и осуществил нападение на пересыльную тюрьму Александровского каторжного централа и освободил 420 заключенных большевиков, из которых большинство вошло в различные партизанские отряды, а остальные по указанию подпольного губкома вошли в местные подпольные партийные ячейки.

«В с. Александровском во время смены караула напали на тюрьму 40—50 большевиков, главарь которых был в форме штабс-капитана. Караул бандой обезоружен и арестованные освобождены. Из 1060 освобожденных бежало 400 человек»¹³.

В середине октября 1919 года в результате следующего организованного нападения было освобождено из Александровского централа около трех тысяч заключенных, значительное число которых также пополнило ряды партизанских отрядов.

В октябре 1919 года отряды Н. А. Каландаришвили с боями заняли село Олонки, находящееся вблизи от Александровского централа, был разгромлен один из самых больших колчаковских карательных отрядов, главным заданием которых было уничтожить отряд Каландаришвили и другие партизанские отряды, оперировавшие в Приангарье. Занятие Олонок имело важные последствия — повсеместно в селах, деревнях, улусах начали соз-

¹² А. Г. Солодянкин. «Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной». Иркутское книжное издательство. 1960 г. Стр. 69.

¹³ Сводка осведомительного отдела штаба Иркутского военного округа № 22 от 18 сентября 1919 года. г. Иркутск.

даваться партизанские отряды. В улусе Бохан Павел Балтахинов организовал партизанский отряд, разогнал управу и колчаковскую милицию. В бою за Олонки Нестор Александрович был ранен, но не оставил поля боя и продолжил руководить операциями отряда.

В это же время отряд Н. А. Каландаришвили вместе с отрядами черемховских рабочих - шахтеров на ст. Забитуй, недалеко от г. Черемхово, захватил колчаковский «эшелон смерти», следовавший в Забайкалье, в распоряжение атамана Калмыкова. Все заключенные-большевики были освобождены и пополнили силы, активно боровшиеся против колчаковщины и оккупантов.

Нестор Александрович в разведывательных целях часто сам ходил в расположение колчаковских войск. Например, осенью 1919 года он побывал на железнодорожной станции Иннокентьевская (сейчас Ленинский район г. Иркутска), переодевшись монахом, хотя в это время по улицам ст. Иннокентьевская были расклеены плакаты с фотографией Нестора Каландаришвили и подписью: «...тому, кто поймает живого, доставит мертвого или укажет местопребывание командира партизанского отряда каторжника Каландаришвили Нестора Александровича под кличкой «Дедушка», будет выдано вознаграждение — пять тысяч рублей золотом»¹⁴.

1 декабря 1919 года отряд Н. А. Каландаришвили совершил нападение на Осинскую волостную управу (б. Балаганский уезд). Были захвачены значительные трофеи, взяты документы, избличающие колчаковские власти.

В конце 1919 года отряд «Дедушки», двигаясь на соединение с партизанскими отрядами Н. А. Бурлова и Н. В. Дворянова, вместе с отрядами Мясникова и Полякова нанесли в районе Жигалово удар по колчаковскому отряду Колодезникова, разгромили его, а солдаты этого белогвардейского отряда, перебившие офицеров, перешли на сторону партизан.

В эти же дни отряд занял село Знаменка, двигаясь по реке Лене. В районе Верхоленска он объединился с партизанским отрядом А. Д. Мишарина и отрядом Франца Никундэ (Байкалов), затем занял с. Качуг, разгромив при этом полностью карательный отряд белогвардейского капитана Копейкина.

¹⁴ М. В. Церетели. «Народный герой Нестор Каландаришвили». г. Тбилиси. 1965 год. Стр. 77.

28 декабря 1919 года Верховенский уездный военно-революционный комитет единогласно постановил: «...общее командование над отрядами Мишарина, Никундэ, Мясникова и Дворянова поручить товарищу Н. А. Каландаришвили и о принятом решении довести до сведения на места, фронта, штаба. Фронтную линию, занятую этими отрядами, назвать единым фронтом «Иркутским» под командованием товарища Каландаришвили»¹⁶.

Двигаясь по Якутскому тракту в направлении к Иркутску, в с. Баяндай, отряд Н. А. Каландаришвили фактически слился с отрядом Никундэ (Байкалова).

Отряд провел несколько операций по дезорганизации работы железной дороги, по которой отступали остатки разбитых Красной Армией и партизанскими силами колчаковских войск. В частности, выполняя указание Иркутского подпольного губкома, отряд Нестора Каландаришвили нанес удар по станции Батарейная под Иркутском, которая была крупным железнодорожным узлом, базой снабжения колчаковцев вооружением и боеприпасами. В результате этого удара движение на железной дороге было прервано более чем на пять суток.

4 января 1920 года отряд Н. А. Каландаришвили занял село Оек (в 35 километрах от Иркутска). В селе был организован волостной исполнительный комитет Советов¹⁷.

Важнейшей операцией войск Восточно-Сибирской Красной Армии, командующим которой был Даниил Евдокимович Зверев, были на завершающем этапе разгрома колчаковщины операции против каппелевских войск в приленских районах Иркутской губернии. В этой операции Н. А. Каландаришвили принимал участие как командующий Верховенской группой войск.

Его войска во взаимодействии с войсками, которыми командовал Н. А. Бурлов, нанесли серию ударов по полуторатысячной колонне белогвардейцев под командованием генерала Сукина, которая стремилась прорваться в Забайкалье, минуя Иркутск, форсировать Байкал в его северной части и тем самым уйти от ударов Красной Армии и партизанских сил. Войска Н. А. Каландаришвили и Н. А. Бурлова в феврале 1920 года нанесли по войскам генерала Сукина удары у дер. Коркино, в г. Верхо-

¹⁶ Государственный архив Иркутской области. Ф. р. — 702, оп. 1, д. 1, л. 89.

¹⁷ То же. Ф. р. — 42, оп. 1, д. 416, л. 3.

иенские, Качуге, Анге, Бутаково и выиграли генеральное заключительное сражение в с. Бирюлька на р. Лене.

К марту 1920 года все районы Иркутской губернии были освобождены от колчаковщины. Отряды Н. А. Каландаришвили возвратились в г. Иркутск. На Тихвинской площади г. Иркутска состоялся митинг трудящихся города. Выступил на митинге Н. А. Каландаришвили. Подняв высоко над головой кавказскую саблю, преподнесенную ему осенью 1917 года по поручению Иркутского ревкома Сергеем Лазо, Нестор Александрович громко сказал:

— Эта острая кавказская сабля — ваш подарок — всегда находилась со мной. Даже в самое трудное для партизан время она не заржавела и много раз ею я поражал белогвардейцев. Сегодня на митинге я с радостью и гордостью провозглашаю: да здравствует Великая Октябрьская революция! Да здравствует вождь пролетарской революции Ленин!

Тут же после митинга отряд Н. А. Каландаришвили выступил в сторону Байкала, в район средоточия колчаковских офицерских частей, обходивших Иркутск тайгою, чтобы уйти в Забайкалье, но наткнувшись на хорошо организованную засаду отряда Н. А. Каландаришвили. Колчаковцы в этом бою понесли огромные потери, а остатки их (более одной тысячи с большим обозом и значительным количеством вооружения) вынуждены были сдаться в плен отряду Н. А. Каландаришвили.

Партизанское движение, получившее в Восточной Сибири широкое развитие, втянувшее в борьбу против контрреволюции и иностранных интервентов широкие массы трудящихся, имело огромный успех прежде всего потому, что поддерживалось широкими трудящимися массами. Вот как вспоминает те времена член Иркутской секции Историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член КПСС с 1926 года, бурят Дорофеев Александр Панфилович:

«В начале августа 1919 года наши товарищи Васильев-Монтышко, Помытов, Муруев и Жартанов сумели связаться с командиром партизанского отряда т. Каландаришвили, для которого в улусах Приангарья был организован сбор денег и продовольствия. Осенью 1919 года мне пришлось с Муруевым и Помытовым строить сарай в с. Шипицино у состоятельного крестьянина. В это село поздно вечером прибыл партизанский отряд т. Каландаришвили. Сразу

Базыр Вампилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

же он назначил сбор крестьян. Крестьяне группами приходили, побеседовав с Каландаришвили, уходили. Затем приходили другие. Наверное, в селе не осталось ни одного крестьянина, который бы не поговорил с партизанским командиром. Помню, что Каландаришвили был ростом выше среднего. Хорошо запомнились его черные длинные усы, борода и черные сверкающие, с огоньком глаза. Он был одет в серый тулуп шерстью наружу, подпоясан широким ремнем, сбоку у него висел маузер в деревянной кобуре. Шапку он держал в руках за спиной, медленно прохаживался по комнате взад и вперед. Из всего, что он говорил, я понял, что он призывал крестьян оказать отряду содействие в приобретении продовольствия, одежды и обуви.

Два старых бойца из отряда, один лысый, другой беззубый, высоко подняв свои винтовки, потрясая ими над головой, кричали: «Долой буржуев!». В это время т. Каландаришвили подошел к нам и сразу узнал Муруева и Помытова, поздоровался и повел всех нас в смежную комнату. Каландаришвили расспросил нас об отношении крестьян к красным партизанским отрядам. Когда Муруев спросил его, принимает ли он в отряд добровольцев, то он ответил, что у него народу хватает, только маловато сружия и боеприпасов. Он порекомендовал нашей группе усилить разъяснительную работу среди крестьян о значении Советской власти и о том, что с запада в Сибирь успешно продвигается Красная Армия, беспощадно громя интервентов и колчаковцев.

После нашей беседы с Каландаришвили все мы трое — я, Помытов и Муруев поехали в улус Хангой. За ночь мы собрали 4 мешка печеного хлеба, 2 мешка муки, 2 тулупа, 7 пар унтов. Сунаев Гергес—бедный крестьянин-бурят снял со своих ног еще новые валенки, отдал нам, приговаривая: «Пусть носят красные и защищают бедных людей». В улусе Молька один состоятельный бурят для отряда отдал нам японский карабин, 100 штук патронов и новый тулуп. На следующий день мы привезли все это и передали самому тов. Каландаришвили, который был очень доволен нашими действиями. Он нас похвалил: «Молодцы, молодцы». Затем т. Каландаришвили спросил, кто из нас хорошо знает тайгу и как отсюда попасть в Жигалово. На это отозвался Л. Е. Помытов. Он пошел добровольцем в отряд Каландаришвили. В этот же день отряд выехал из села Шипицино. Через тайгу, придерживаясь Шалашниковского тракта, он добрался до Жигалово и там, как было слышно, провел серию удачных ударов по белым».

Член Сибирской секции старых большевиков, активный участник партизанского движения в Западной (Иркутской) Бурятии,

1
член КПСС с 1920 года Майоров А. И. в своей книге «Утро моей республики» (изд. III. г. Иркутск. 1980 г.) пишет:

«О Каландаришвили я впервые услышал в декабре 1917 года в Иркутске, когда там шли жестокие бои против восставших юнкеров. В сводке революционного штаба среди частей, сражавшихся с белыми, называлась кавказская дружина под командованием Каландаришвили. Позднее мне приходилось с ним встречаться. Я увидел высокого, стройного мужчину с рассыпавшимися по плечам локонами черных волос, оттененных черной бородой. На всю жизнь запомнилась его яркая, колоритная фигура. Своей незаурядной внешностью он обращал на себя внимание не только друзей, но даже и своих врагов. Так, например, колчаковская контрразведка в одном из своих донесений высшему командованию в ноябре 1919 года писала: «Каландаришвили — кавказский татарин (называет себя грузином) из административных ссыльных, молодой, очень красивый человек, типичный кавказец, носит френч и серебряное оружие...». У меня было давнее желание выяснить, где и что делал Каландаришвили осенью 1919 года в районе улуса Бохан. Тогда до нас доходили слухи, что Каландаришвили скрывается в селе Алendarь в трех-четыре верстах от улуса Нижняя Тараска Боханской волости. Известно было также, что члены подпольной большевистской организации Павел Балтахинов и Феофан Коняев держали с ним связь и получили указание разогнать боханскую земскую управу и обезоружить колчаковскую милицию.

В рапорте офицера для поручений черемховского контрразведывательного пункта Шарнина от 17 октября, обнаруженном мною в архиве, указано на раскрытие в г. Усолье тайной большевистской организации, во главе которой стоял Н. А. Каландаришвили... Из рапорта Шарнина было видно, что Каландаришвили в течение лета 1919 года со своим отрядом оперировал в таежном районе реки Китой, совершая смелые налеты на железнодорожные станции, Переваловскую фабрику и имея стычки с белочехами и колчаковскими карателями.

В районе улуса Тараска Каландаришвили купил себе заимку и жил здесь некоторое время под видом бывшего офицера, пострадавшего на войне и теперь ушедшего как бы на покой. Называл себя «Николаем Семеновичем». Но на самом деле Каландаришвили, скрываясь под чужим именем, разрабатывал план действий отряда и готовился к решительным сражениям...»

Базыр Вампилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

Начальник иркутской контрразведки Черепанов... в донесении начальнику штаба Иркутского военного округа о местонахождении Каландаришвили хвастливо писал: «Я приказал начальнику контрразведывательного пункта срочно ликвидировать мифического и легендарного анархиста Каландаришвили...»

Вскоре агентами контрразведки на Олонском острове была сделана облава, но захватить Каландаришвили не удалось. Предупрежденный своим связным Габричидзе о готовящейся облаве, Каландаришвили ушел из землянки буквально за два часа до налета контрразведчиков.

«Решительный и стремительный в действиях, Каландаришвили был столь же стремителен, лаконичен в разговоре, в своих приказах. Процедура принятия в отряд была у него зачастую делом одной минуты.

— Винтовка есть? — спрашивал «Дедушка».

— Есть, сохранил еще с мировой войны.

— А лошадь?

— Ускакал на одной, а другую взяли беляки.

— Пиши его, — кратко приказывал «Дедушка» адъютанту.

Обаяние и авторитет Каландаришвили были исключительно высоки. Люди подчинялись ему беспрекословно. Казалось, что ничто не сможет устоять против его энергии...»¹⁸

В Приморье еще действовали японские интервенты и белогвардейские банды Семенова, Сахарова, Молчанова. Иркутский ревком большевистской партии, выполняя указание Центрального комитета РКП(б), на базе отряда Н. А. Каландаришвили создал бригаду под его командованием и направил ее в помощь Дальневосточной республике.

12—13 мая в известном кровопролитном сражении под станцией (разъездом) Гонгота бригада Н. А. Каландаришвили наголову разбила части японской дивизии и отборные белогвардейские части атамана Семенова.

Этот бой вошел в историю военного искусства как пример умения организовать смертельный удар силами меньшего соединения по войскам, значительно превосходящим его. В этом бою проявились все достоинства Нестора Александровича Каландаришвили как военного руководителя и организатора. Оценка этих его качеств сформулирована во многих военных, партийных и общественно-политических документах и вошла в сокровищницу военного искусства.

¹⁸ Книга «За власть Советов». Новосибирск. 1947 г. Стр. 298.

В этом бою Н. А. Каландаришвили получил несколько ранений, но не прекращал руководить боем. В ознаменование этой победы головная часть бригады получила наименование: «Гонготский имени дедушки Каландаришвили полк».

О боевых заслугах Нестора Александровича Каландаришвили за эти годы говорилось в приказе № 1516 от 6 октября 1921 года Командующего войсками V армии и Восточно-Сибирского военного округа тов. Уборевича. Вот эта оценка роли и боевых качеств Нестора Александровича Каландаришвили:

«В тяжелые годы борьбы за существование Советской власти на территории Сибири тов. Каландаришвили Нестор Александрович занял одно из первых мест среди его доблестных защитников. Начав свои действия с самого момента возникновения рабоче-крестьянской власти, он последовательно борется сначала против Семенова, а потом против Колчака, скрываясь в течение двух лет среди глухой тайги, смелыми и неожиданными налетами притягивая на себя значительные силы армии последнего.

С конца 1919 года тов. Каландаришвили энергично преследовал отступающие остатки белогвардейской армии: в марте 1920 года на Верхоленском тракте разбил отряд Сукина, захватив богатую добычу. Двухлетняя борьба не сломила энергии доблестного партизана. Отдохнув и пополнив свой отряд, в конце апреля 1920 года тов. Каландаришвили выехал на японо-семеновский фронт. 12 мая того же года под Гонготой, руководя сводным отрядом из пехоты и кавалерии, тов. Каландаришвили был ранен в ногу и щеку, но несмотря на сильную боль не покинул своего поста.

В результате боя японцы с большими потерями вынуждены были отойти на станцию Сахандо. Энергичный отпор, встреченный ими со стороны тов. Каландаришвили, в значительной мере содействовал заключению перемирия и отводу японских войск на восток. Отмечая высокие заслуги тов. Каландаришвили перед Революцией и Республикой, Революционный Военный Совет V армии и Восточно-Сибирского Военного округа постановил: наградить его Орденом Красного Знамени за № 2217».

После излечения ран Н. А. Каландаришвили в августе 1920 года министерством иностранных дел Дальневосточной республики был прикомандирован к китайской военной делегации, следующей в Москву на переговоры с правительством РСФСР, в качестве ответственного представителя министерства по сопрово-

Базыр Вампилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

дению китайской миссии и исполнял свои обязанности до декабря 1920 года, о чем свидетельствует хранимое в партийном архиве Иркутского обкома КПСС удостоверение за № 869 от 24 августа 1920 года.

Во время этой поездки в Москву Нестор Александрович Каландаришвили был принят Владимиром Ильичем Лениным. Нестор Александрович и его товарищи отвечали на вопросы, которые задавал В. И. Ленин, слушали его советы и указания. Говорили о многом: и о вооруженной борьбе против контрреволюции, и о сибирском крестьянстве и его особенностях, о положении в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно много говорили о героических подвигах сибиряков, организовавших массовое партизанское движение и оказавших неоценимую помощь Красной Армии в разгроме колчаковщины и восстановлении Советской власти в Сибири.

— Вы, товарищ Каландаришвили, правильно поступили, что в 1918 году не сложили оружия, — сказал Владимир Ильич. — Боевые действия вашего отряда заставляли колчаковцев держать против вас значительные силы. Этим вы помогали нашему Восточному фронту¹⁹.

Между прочим, в ходе этой беседы Владимир Ильич спросил:

— А почему вы, товарищ Каландаришвили, не состоите в РКП(б)?

Нестор Александрович кратко рассказал о своей революционной борьбе, о том, что примыкал к анархизму.

— Но сейчас я понял, что есть единственная партия — это партия коммунистов, которая борется за то, чтобы навсегда покончить с миром эксплуатации и произвола помещиков и капиталистов, обеспечить трудовому народу свободную и безбедную жизнь, построить в нашей стране социализм. И я твердо решил вступить в РКП(б), если, конечно, меня примут.

После этой встречи с Владимиром Ильичем Нестор Александрович окончательно решил, что его место — в партии большевиков.

В январе 1921 года Н. А. Каландаришвили вступил в ряды Российской Коммунистической партии. В своем заявлении в Иркутский губком РКП(б) от 25 января 1921 года он писал:

«Мое решение быть членом РКП есть результат трехлетней, слишком тесной совместной работы в рядах партии, практически убедившей меня, что нет других принципов, кроме ее, нет»

¹⁹ Журнал «Дружба народов». 1960 год. № 1. Стр. 177.

других методов борьбы для реализации в жизни условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и создания возможностей творчества идеалов социализма. До сих пор я не имел времени и возможности заявить об этом публично и официально вступить в партию. Сегодня я заявляю, что я больше не анархист-коммунист, а коммунист-большевик, член РКП. Приобретенный опыт старого революционера и партизана даст мне возможность, быть может, не один раз еще доказать свою преданность делу социальной революции теперь в рядах партии и, если понадобится, с честью умереть в борьбе с врагами Советской республики».

25 декабря 1921 года в протоколе № 35 заседания Иркутской губернской партийной проверочной комиссии записано следующее постановление: «Утвердить членом РКП с 1917 года, так как в 917—918 гг. т. Каландаришвили действовал под идейным руководством большевиков, а в 1919 году потерял связь с большевиками ввиду того, что он действовал в тайге и не мог иметь связи с большевиками».

По возвращении из Москвы и до весны 1921 года Н. А. Каландаришвили командовал Гонготским полком, участвовал в очистке Забайкалья от белых.

5 апреля 1921 года Н. А. Каландаришвили Реввоенсоветом V Красной Армии и Дальневосточным секретариатом Коминтерна был назначен командиром корейской бригады в Иркутске, а несколько позднее — главнокомандующим корейскими частями на Дальнем Востоке.

В мандате, выданном главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальневосточной республики 27 мая 1921 года за № 574, Н. А. Каландаришвили предоставлялось право:

«I. Формировать новые и распускать существующие партизанские и прочие корейские части, военные организации и учреждения;

II. Самостоятельно употреблять корейские революционные вооруженные силы для военных целей;

III. Смещать, увольнять, отстранять и назначать в подчиненных ему войсках должностных лиц;

IV. Давать им инструкции, указания, распоряжения и мандаты».

Базыр Вампилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

Н. А. Каландаришвили провел на этом посту большую работу по формированию и обучению революционных корейских частей и летом 1921 года был назначен командиром 1-й корейской бригады, которая в сентябре того же года была включена в состав V Красной Армии.

В это же время Н. А. Каландаришвили участвует в первом учредительном съезде Корейской коммунистической партии, выступая на этом съезде с призывом к корейским коммунистам изучать опыт русских большевиков в борьбе за свободу и счастье своего народа.

3 октября 1921 года (удостоверение № 3340) Н. А. Каландаришвили командованием V Красной Армии и Восточно-Сибирского военного округа совместно с членом Военного совета т. Б. З. Шумяцким был командирован в Москву для доклада об итогах формирования и обучения корейских войск, где проведенная работа была одобрена.

Тогда Н. А. Каландаришвили второй раз встретился с Владимиром Ильичем Лениным.

Соратник Нестора Александровича М. В. Церетели сообщает об этой встрече следующее:

«Каландаришвили рассказал все, что знал, о борьбе рабочих и крестьян с японскими интервентами и белогвардейцами. Владимир Ильич слушал его очень внимательно.

— Ну а чем вы сейчас думаете заняться? — спросил В. И. Ленин.

— Хочется мне, Владимир Ильич, принять участие в окончательном разгроме белогвардейцев на советской земле. Когда ехал в Москву, иркутские товарищи рассказывали мне, что в Якутии бесчинствуют остатки колчаковцев. А когда Сибирь и Дальний Восток очистим от белогвардейской нечисти, поеду в родную Грузию. Хочется побывать в тех местах, где прошла моя нелегкая молодость.

Выслушав Нестора Александровича, Владимир Ильич сказал:

— Вы хорошо знаете Сибирь. У вас богатый опыт партизанской борьбы. Сибиряки знают и любят вас. Именно с вашими красными орлами надо принять участие в ликвидации белогвардейского мятежа на севере Сибири»²⁰.

Эта встреча с вождем многое определила в биографии народного героя. Он получил возможность взять снова винтовку в руки и принять активное участие в окончательном разгроме контр-

²⁰ Журнал «Дружба народов». 1960 год. № 1. Стр. 177.

революции на Дальнем Востоке, а несколько позднее и в Якутии.

6 декабря 1921 года легендарный командир восточно-сибирских партизан Нестор Александрович Каландаришвили был назначен командующим войсками Якутской области и Северного края.

Как известно из воспоминаний С. Ю. Широких-Полянского — помощника командующего по политической части, Каландаришвили перед выездом из Иркутска в Якутск говорил: «Прежде всего своим примером мы должны показать, что в нас трудящиеся-якуты найдут опору в своих устремлениях к раскрепощению от векового гнета. Мы не будем вмешиваться в дела управления, не будем указывать, что и как нужно делать, это без нас сделают якутские революционеры, якутские трудящиеся массы, но наш пример, наше присутствие должны ознаменоваться поворотом настроения трудящихся в сторону революции».

Головной эшелон отряда под командованием И. Я. Стрда 30 декабря 1921 года выступил из Иркутска в Якутск, а последний эшелон вышел из Иркутска 12 января 1922 года. От Иркутска до Якутска 2776 километров, по дороге на этом расстоянии 136 станков (небольшие населенные пункты), где на каждом предстояло менять лошадей. Отряд Каландаришвили продвигался на север в условиях больших морозов — температура опускалась до 40—50 градусов ниже нуля. Отряд двигался со скоростью 50—60 километров в сутки. По пути продвижения политработники, коммунисты и комсомольцы проводили политическую работу среди бойцов, разъясняли местному населению цели и задачи Советской власти.

В крупных населенных пунктах Нестор Александрович Каландаришвили сам проводил общие собрания жителей, выступал с докладами по текущим вопросам, беседовал с крестьянами и отвечал на их многочисленные вопросы. Так, прибыв 4 марта в с. Покровское, Н. А. Каландаришвили собрал население села и выступил с докладом о задачах своего отряда. Известно, что именно в этом селе он написал воззвание к населению Якутии, которое, к сожалению, в архивах не сохранилось.

Во время продвижения отряда Н. А. Каландаришвили на север впереди него шла слава о замечательном командире как о будущем освободителе якутского народа от белобандитов.

В начале марта 1922 года отряд Н. А. Каландаришвили подходил к г. Якутску. Трудящиеся Якутии с нетерпением ждали его

Базыр Вампилов, Георгий Карнаухов. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги».

прибытия. 2 марта в г. Якутске с большим подъемом было встречено прибытие головного отряда под командованием Ивана Яковлевича Строда — будущего героя Якутии, названного якутским Чапаем».

6 марта между деревнями Тыхтюр и Табага в 33 километрах от Якутска, в узкой протоке, часть отряда и штаб командующего силами Якутской области и Северного края Н. А. Каландаришвили попали в засаду белобандитов.

В засаде участвовали отряды белобандитов под командованием подпоручика Николаева.

И. Я. Строд в своих воспоминаниях впоследствии писал:

«Позднее было установлено, что рядовые якуты не хотели нападать на «Дедушку» и что их спровоцировал главным образом подпоручик Николаев и какой-то прапорщик. Предупредить об опасности было некому, а сам Нестор забыл всякую осторожность». Николаеву в этом деле помогали белобандитские командиры Михайлов, П. Амосов и Н. Сивцов²¹.

В этом неравном бою трагически погиб Нестор Александрович Каландаришвили. Вместе с ним погибли помощник командующего по политической части А. П. Киселев, начальник оперативного отдела С. С. Громов, командир Второго северного отряда М. П. Асатиани и другие — всего около 60 человек, среди них девять крестьян-ямщиков.

В некрологе, посвященном памяти Н. А. Каландаришвили, один из руководителей якутской партийной организации т. И. Барахов писал:

«Трудящиеся якуты в лице Каландаришвили потеряли своего лучшего друга и защитника. Они потеряли человека, который один мог разрешить все наболевшие вопросы края, раз и навсегда положить предел тем язвам, каких у нас немало. Вечная память Дедушке в сердцах трудящихся».

В статье помощника командующего по политической части С. Ю. Широких-Полянского «Заветы дедушки Каландаришвили» говорилось:

«Твои заветы, наш боевой вождь, мы исполним не на словах, а на деле. Пусть многим из нас не вернуться уже больше

²¹ Газета «Социалистическая Якутия». 26 июня 1976 года. Статья «Народный герой».

живыми с Севера, как не пришлось вернуться тебе, дорогой Де-душка, но Якутия будет освобождена от белых разбойников и Север станет Красным»²².

Прибытие Второго северного отряда, хорошо вооруженного и закаленного в боях с врагами, обеспечило перелом в истории гражданской войны в Якутии и положило начало наступательным действиям красных войск.

Под командованием К. К. Байкалова красные отряды весной и летом 1922 года разгромили контрреволюционные шайки Коробейникова, а затем в 1923 году — пепеляевские банды.

Так календаршвилевцы увековечили светлую память своего легендарного командира и выполнили его заветы.

²² Газета «Ленинский коммунар». 22 апреля 1922 года.

ХРОНИКА

ВЫСОКАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

В ТВИЛИСИ состоялось торжественное заседание, посвященное 60-летию Издательства ЦК КП Грузии и награждению его типографии орденом Трудового Красного Знамени.

В президиуме — товарищи Г. В. Колбин, Т. Н. Ментешашвили, Т. В. Ростиашвили, О. Е. Черкезия, З. А. Чхеидзе, заместитель Председателя Верховного Совета Грузии В. М. Сирадзе, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Грузии Н. Ш. Энделадзе, управляющий делами ЦК КП Грузии Т. И. Хелашвили, секретарь Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Т. В. Лашкарашвили, второй секретарь Тбилисского горкома КП Грузии Н. В. Гургенидзе, секретарь Совпрофа Грузии З. А. Квацдзе, партийные работники, руководители средств массовой информации республики.

31 наименование газет, в том числе 11 центральных, прием которых осуществляется по фототелеграфу, 46 журналов, почти всю общественно-политическую литературу выпускает Издательство ЦК КП Грузии. Ныне общий годовой тираж печатаемых здесь газет составляет 735 миллионов экземпляров, а журналов и книг — 20 миллионов экземпляров.

От имени ЦК КП Грузии издательство поздравляет со славным юбилеем и вручает высокую награду Родины — орден Трудового Красного Знамени второй секретарь ЦК КП Грузии Г. В. Колбин.

На заседании также выступили директор издательства Г. Гордуладзе, бывший директор Издательства ЦК КП Грузии Ш. Цивцивадзе, председатель правления Союза журналистов Грузии, редактор газеты «Коммунисти» Г. Бединеишвили и др.

К 90-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО
ГРУЗИНСКОГО ПОЭТА
ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

Реваз ТВАРАДЗЕ

**ПОСТИЖЕНИЕ
ВЕЧНОГО
В МГНОВЕННОМ**

В ГРУЗИИ нет другого такого поэта, чье творчество было бы столь безнадёжно отдалено от негрузинского читателя, как творчество Галактиона Табидзе. И не потому что оно само по себе непонятно, чуждо или неинтересно для иноязычного читателя, а потому что в течение многих лет никак не удавалось сделать гениальных переводов его стихов на другие языки. Шота Руставели, Давид Гурамишвили, Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела (это великолепное созвездие грузинских поэтов, к которому вполне справедливо можно причислить и Галактиона Табидзе) благодаря усилиям переводчиков, сумевших проникнуть в стихию их творчества, зазвучали для иноязычного читателя как на родной лад. А вот воссоздать поэзию Галактиона Табидзе средствами другого языка оказалось проблемой неразрешимой.

Подобное невезение сопровождало не только его поэзию. Самого поэта судьба тоже не очень баловала. Достаточно вспомнить, что отец его Василий Табидзе — сельский

учитель, довольно образованный для своего времени человек, владевший неплохой библиотекой, скончался за несколько месяцев до рождения младшего сына — Галактиона. Семья впала в крайнюю нужду.

Где и когда родился Галактион?

Странная судьба и здесь чуточку иронизирует над поэтом.

В Западной Грузии, в нынешнем Ванском районе, у берега реки Риони находится село Чквиши, где сейчас стоит Дом-музей Галактиона Табидзе. Но ко времени рождения поэта село это не считалось самостоятельной единицей, а входило, вместе с тремя другими, в состав общины Тобаниери. Так что в одних биографиях пишут, что он родился в селе Чквиши, в других же — в селе Тобаниери.

Сам он считал, что год его рождения — 1892. Биографы также придерживались этой даты. Однако в последнее время некоторые из них утверждают: ни в коем случае, не 1892, а 1891 год!

Можно было бы, конечно, и вовсе игнорировать эти незначительные факты, если бы в них как-то не отразилась своеобразная судьба поэта.

С 1899 года Галактион Табидзе — ученик Кутаисского духовного училища, затем — духовной семинарии, с 1908 года — Тбилисской духовной семинарии. Особым усердием он не отличался, был средним учеником, однако уже с раннего детства жадно поглощал книги. Если учесть и то обстоятельство, что Тбилисская духовная семинария сама по себе давала своим ученикам отменные знания, станет вполне понятным, почему Галактион Табидзе уже в молодые годы превосходно разбирался в проблемах грузинской, русской, западноевропейской литературы, искусства, науки, вообще культуры. Эта любовь к книгам, к знанию не оставляла его до самых последних дней жизни. И факт его избрания в 40-х годах действительным членом Академии наук Грузии означал не только признание поэтических заслуг, но и то, что по достоинству был оценен высокий интеллект поэта.

Однако прежде чем достичь таких вершин (да и после!), ему было суждено шагать по извилистому, порой тернистому пути... В последнем классе, по неизвестным доселе причинам, он бросил семинарию и одно время (в 1910—1911 гг.) учительствовал на селе. Это было единственным исключением за всю его долгую жизнь. В дальнейшем он никогда уже не состоял ни на какой службе, несмотря на бедственное материальное положение семьи, возлагавшей (в лице матери) надежды, что он вот-вот встанет на

ноги и окажет помощь своим близким. Нет, уделом его было при-
нести себя на алтарь поэзии.

Тогдашний административный (губернский) центр Западной Грузии — Кутаиси, маленький, одноэтажный городок, славился своим колоритом и богатыми культурными традициями. Здесь гордились именем живого еще патриарха Акакия Церетели. Примечательно, что именно в здешних литературных кругах назревала модернизация грузинской поэзии. И Галактион Табидзе поселился в Кутаиси, который был в тридцати километрах от родного села. Чуть позже, в 1915 году, здесь издали свой манифест и выпустили свой первый журнал грузинские символисты — «голубороговцы». И хотя в первом номере «Голубых рогов» были напечатаны два стихотворения Галактиона, он не участвовал ни в подготовке манифеста, ни в издании самого журнала и вообще не имел почти ничего общего с грузинскими символистами. Как убежденный индивидуалист, Г. Табидзе вряд ли мог примкнуть к той или иной литературной группе, к тому или иному литературному течению.

К этому времени уже была издана первая книга его стихов (1914), сразу принесшая ему имя первостепенного поэта, но никак не изменившая его материального положения. Впрочем, тогда одно за другим последовали события такого масштаба (мировая война, Февральская революция, Октябрьская социалистическая революция, создание в Грузии меньшевистской республики в 1918 году, затем установление здесь Советской власти в 1921 году), что мало кто имел возможность заботиться об упорядочении личной жизни, тем паче поэт, подобный Галактиону Табидзе.

Если не считать его внутреннего отношения к этим грандиозным событиям и в дальнейшем к созидательному пафосу нового времени, если не учитывать постоянно бушевавшего в его душе пламени, то наружное течение его жизни может показаться бесцветным, порой даже пресным и скучным. С 1912 года он живет в Кутаиси и сотрудничает в местной (изредка — в тбилисской) прессе, временами участвует в литературных вечерах. В 1916 году женится. С конца 1917 до июля 1918 года вместе с женой находится в Москве и Петрограде и пристально наблюдает за обновляемой революцией жизнью. Затем возвращается на родину и поселяется уже в Тбилиси, в крохотной комнатке, опять упорно борется с нуждой. В последующие годы с энтузиазмом участвует в мероприятиях Союза писателей Грузии, цель которых — внедрять в массы поэзию, литературу. В 1933 году ему присваивается звание народного поэта Грузии. В 1937 году он теряет любимую супругу. В период Отечественной войны, после долгой депрессии, он вновь активизируется и участвует в антифашист-

ской литературной деятельности. В 1959 году жизнь Галактиона трагически обрывается.

Вторая книга стихов Галактиона Табидзе вышла в 1919 году и принесла ее автору имя «гениального Галактиона» и «короля поэтов». В 1927 году он издал им же составленный объемистый том избранных стихотворений (более 600 стихов), сделавший его истинным кумиром любителей поэзии. В 20-е же годы по существующей в Грузии традиции, согласно которой особо чтимые писатели именуются лишь по имени (Шота Руставели — Шота, Илья Чавчавадзе — Илья, Акакий Церетели — Акакий, Важа Пшавела — Важа), он стал зваться просто Галактион. И при жизни, и посмертно было издано множество его книг — избранное, отдельные сборники, собрания сочинений. Создана обширная литература о нем.

* * *

Грузинская литература имеет пятнадцативековую историю, в течение которой грузинская поэзия неоднократно переживала этапы обновления, качественного преобразования, восхождения на новые высоты. Первый такой этап совпадает со временем небывалого расцвета грузинского государства — с двенадцатым веком, когда было преодолено почти безраздельное господство гимнографической поэзии и в творчестве Руставели осуществился давнишний идеал — достижение высоких духовных ценностей путем синтеза западной и восточной культур на почве местной самобытной культуры.

Для последующих столетий характерны в основном эпитонство (влияние, с одной стороны, Руставели, с другой — персидской поэзии), поэтический кризис, за которым логически следует «реформа» Давида Гурамишвили (XVIII век) — отказ от приевшихся восточных мотивов и изобразительных средств, поворот к магистральному, по своей природе преимущественно европейскому, руслу грузинского мышления (Платон, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Руставели, гимнография, глубины христианской религиозной философии и мистики).

Но так как Давид Гурамишвили большую часть своей жизни провел на чужбине, где и скончался, и его сочинения в Грузии стали известны значительно позже, то почти через целое столетие, в 30-х годах XIX века, его подвиг, независимо от него, повторяет великий грузинский романтик Николоз Бараташвили, в творчестве которого, взамен принципиально отвергнутых им

Реваз Тварадзе. Постигание вечного в мгновенном.

традиций восточной поэзии, возрождены мотивы грузинской гимнографии и христианской религиозной философии, органически сливающиеся с душевным драматизмом человека нового времени и эстетикой романтизма.

В дальнейшем события развиваются в более быстром темпе. Вышедшие на литературное поприще в 60-х годах XIX столетия Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели внедряют основанный на народных началах, народной речи реалистический, бытовой (порой доходящий до эмпиризма) стих, полувековое безраздельное господство которого не нарушается грандиозной по своему значению поэтической эманацией — вознесшимся из недр мифологии творчеством Важа Пшавела (с 80-х годов прошлого века). А это, в итоге, в начале нашего века приводит опять-таки к эпигонству и творческому тупику.

Такой была литературная атмосфера, когда Галактион Табидзе опубликовал свое первое стихотворение (1908 г.). Весьма примечательно, что и это стихотворение, и многие последующие его творения почти ничем не отличаются от образцов распространенной к тому времени эпигонской поэзии. Лишь искушенный глаз, и то с трудом, может обнаружить в них почерк будущего великого поэта. И не потому, что перед нами наивные создания семнадцатилетнего или восемнадцатилетнего юноши, а потому, что этот юноша не торопится высказаться, выложить себя, так как почти целиком занят изучением духовного опыта своих великих литературных предков, безропотно довольствуясь ролью ученика. Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, в особенности же Николай Бараташвили, — вот властители его дум и чаяний. За пределами Грузии — преимущественно Данте, Шекспир, Сервантес, Гёте, Лермонтов, Достоевский, в особенности романтики — Байрон, Шелли, Новалис, Мюссе, а также овеянные романтическим порывом отдельные творения других авторов. Пройдет совсем немного времени, и он с присущим ему усердием займется французскими и русскими символистами, близко стоящими к ним писателями или их духовными предками (Эдгар По, Бодлер, Теофиль Готье, Верлен, Рембо, Малларме, Верхарн, Андрей Белый, Бальмонт, Блок...).

Да, 1908—1914 годы — это пора литературного ученичества Галактиона Табидзе. Но это также годы интенсивной внутренней жизни, духовных исканий, взлета мысли и своеобразного катарсиса. Ибо он уже постиг ту истину, что до восхождения на вершины душа поэта должна пройти тяжкий путь мученичества и мытарств, преодолеть бездны нечеловеческих страданий, и лишь после этого приобщиться к истинно возвышенному. В эти годы

его внутренняя эволюция совпадала с теми путями, которыми шли и в Грузии, и за ее пределами романтизм и символизм. Он как бы в эмбрионе преодолел этапы развития этих литературных течений и во всеоружии встретил наступающую пору вторичного рождения, духовного обновления. Галактион оказался великолепным учеником, уже в процессе учения исчерпавшим характерные для романтизма и символизма темы, мотивы, идеи, настроения, чего нельзя было сказать о его соотечественниках, по крайней мере о большинстве из них.

Сборник его стихов, вышедший в 1914 году, явился результатом многолетних жестоких душевных мук, непрестанного труда, усердного изучения науки и литературы. Это были годы постоянной борьбы со стихией слова, постоянной работы над собой. Автор этой книги уже по собственному опыту знал, что такое душевное одиночество, стремление к нездешним сферам, уподобление земного существования сновидению. Ему было ведомо, что к духовным высотам первоначально ведет лишь путь мытарств и мучений. Он успел испытать, какую опасность для души таит преждевременный и иллюзорный взлет, сколь беспощадно падение и как трудно одолеваема депрессия. Познав страх, вызванный мыслью о тщете и суетности жизни, бытия вообще, он отважился поставить вопрос, вечно волнующий род людской: «Зачем?» Он испытал искушающее стремление удалиться от жизни, от земного существования вообще, познал опьяняющее ощущение усталости, разочарования, болезненности, сладостной истомы осенней меланхолии...

Кое-что из упомянутого Галактион обрел в результате индивидуальных исканий, остальное — заслуга духовных предков. Главное то, что душа его прошла довольно длинный путь эволюции. И все отрезки этого пути отразились в его стихах. Вначале — в весьма примитивной форме, действительно ученически. Но в дальнейшем форма его стихов становится все более утонченной и в некоторых стихотворениях достигает той грани, за которой начинается истинная поэзия. Это — рубеж 1914-1915 годов.

Именно отсюда начинается история грузинской поэзии XX века.

* * *

Мировоззренческим итогом упомянутой духовной эволюции явилось убеждение, согласно которому бытие — это царство страданий, зла и хаоса. Однако вскоре, на следующей стадии духовного развития, возникает мысль о том, что, во-первых, страдание

само по себе — явление иллюзорное, самоупражняющееся, даже придающее силы душе, а во-вторых, в хаосе бытия можно обрести ружьице и царство красоты, добра и гармонии. Это царство творчества вообще, а конкретно — поэзия. Она неподвластна быстротечности хаотического, подобного сновидению мироздания и по своей природе бессмертна и нетленна. Отсюда можно возвыситься до мысли о том, что если бытие в целом не являлось бы добром и гармонией, то вряд ли удалось бы достичь чего-либо подобного и в сфере творчества, поэзии.

Собственно говоря, вся внутренняя жизнь Галактиона Табидзе, его духовное развитие, творчество — это ревностное искание прекрасного, добра и гармонии, невзирая на его же собственные декларации, на все его показное стремление к сатанинскому, к цветам зла. Все это — результат влияния литературных предков, влияния, от которого ему суждено было раскрепоститься благодаря огромному собственному духовному опыту.

Благодаря именно этому опыту его внутренний взор обрел мощь ясновидения. Перед ним раскрылся неведомый мир, в котором переплелись пространственные и глубинные планы бытия, осуществлялась их великая гармония. Знаменательно, что постичь этот волшебный мир дано лишь в его целостности, а не по частям. То же самое можно повторить и относительно тайны стиха Галактиона Табидзе: стих этот полностью овладевает вами своей целостностью. Без такого целостного восприятия невозможно понять его. В нем — постижение сердцевины, гармонии реальности, бытия, внешней или внутренней закономерности, что, как известно, по плечу не всякому интеллекту. А поэзия (высшая поэзия), обладая неким волшебным даром, как бы играючи, приобщает нас к этому чуду. Таков стих Галактиона Табидзе.

Но тут наблюдается следующее: на определенной ступени духовной эволюции сложнейшее и простейшее отождествляются, здесь гений зрит то же, что и неомраченный взор ребенка. Вот почему содержание табидзевских стихов одновременно и предельно сложно и просто. Это — сложная простота и простейшая сложность. Это — постижение вечного в мгновенном, бесконечного в конечном, непреходящего в преходящем, это умение определить отношения и связи, благодаря которым в конкретном улавливается наиобщее.

Здесь берут свое начало изобразительные средства и система образов, метафоры, необыкновенная, необъяснимая музыкальность стихов Галактиона Табидзе. Они одновременно и сложные, и простые: заурядная, на первый взгляд, фраза оказывает

ся носительницей неожиданной смысловой нагрузки, и весьма сложный образ на поверку оказывается выразителем простейших, существенных признаков предметов, явлений, духовных реальностей и связей и, следовательно, вполне понятным (но понятным с тем условием, если читатель наделен способностью следовать по пятам за поэтом, обозревавшим и небесное и подземное царства). Образы его, как правило, выражают саму сущность предметов, явлений, отношений и связей, и восприятие мира совершенно необычайно.

То же самое можно сказать о музыкальности его стихов. Это не только украшение стиха, не только средство ублажить слух воспринимающего, это — одно из первейших средств единственно возможного изображения. Музыка стихов Галактиона Табидзе совершенно особой природы и почти ничего общего не имеет с традиционным благозвучием. Музыка эта, органически сливаясь с обычным, повседневным значением слов и словосочетаний, придает им совершенно иной смысл. Вне этой музыки слова и словосочетания порой скучны, банальны.

Вот почему так трудно поддается переводу стих Галактиона Табидзе. Что же говорить о переводах, сделанных с помощью подстрочника?! Ведь ни один подстрочник не в состоянии передать хоть сотую долю волшебства, содержащегося в его стихах. Без знакомства с оригиналом поэзия Галактиона Табидзе непостижима.

ПОЭЗИЮ Галактиона Табидзе можно считать

примером органического сочетания визуального и музыкального начал. Сосуществование мелодии и образа в его строках настолько естественно, что трудно тут усмотреть сознательный литературный прием.

В одном из ранних лирических шедевров («И. А.») урбанистическому пейзажу противопоставлен идиллический быт деревни:

Река шумела где-то и когда-то
И сестры пели... Зрела алыча.

(Перевод В. Леоновича)

Цветущая алыча, пение сестер пробуждают нежные воспоминания юности, вносят свежую струю и совершенно меняют настроение, созданное картиной пыльной мостовой, улицы, которая «кричала с безумным лицом». В этом двухстрочном стихотворении нет лишних слов, что придает строкам естественность и ясность. Вообще такая на редкость мастерская и непринужденная манера изображения — один из существенных признаков поэтики Галактиона Табидзе.

Столь же прекрасно стихотворение «Пиримзе» — печальное воспоминание о былом величии разрушенного дворца. Зброшенные белые

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

СИНТЕЗ МУЗЫКИ, ЦВЕТА И СЛОВА...

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД
ЛИРИКОЙ ГАЛАКТИОНА
ТАБИДЗЕ

колонны, освещенные магическим лунным светом, мраморными лучами тянутся вверх, и заводится плавный танец царевен. Взгляд, упавший на развалины, скользит по расшитым золотом туфелькам и развевающимся платкам, движение бледных силуэтов сопровождается слабым ритмом «самайи» (грузинского женского танца). С рассветом все возвращается к безрадостной действительности. Картина заросших бурьяном колонн вселяет чувство одиночества и горечи. Стихотворение заключают две чеканные строки — выразительный финал, непревзойденным мастером которого являлся Галактион Табидзе:

**Разделили братья престарелый сад,
А мне досталась только грусть¹.**

Мы ничего не знаем об этих братьях, но бытовая деталь — «разделили престарелый сад» — усиливает сказочный элемент стихотворения. Печаль, сокрытая в этих строках, пробуждает грустные мысли — и в первую очередь мысль об уничтожении, истреблении красоты, взлелеянной годами, о раздроблении старого патриархального очага...

Это, казалось бы, необычное словосочетание («престарелый сад») вскрывает свойство новой поэтики Галактиона Табидзе, характерной для него уже в десятые годы и сутью своей близкой к французскому и русскому символизму.

Данный эпитет не случаен. Так, в одном из более поздних стихотворений он приобретает символическую глубину и устойчивость, усложняется подтекстом: «Луч-старик, ты дрожишь, вижу, что умираешь...»

Здесь нет обычной персонификации, сравнение автора иллюзорно. Возможно, луч, бродивший в необозримой лазури, — лишь фантазия усталого воображения творца...

Для выяснения происхождения этих необычных словосочетаний придется сделать небольшой экскурс в одну из статей Галактиона Табидзе, где он говорит о новом литературном направлении, родившемся в 1908 году (по всему видно — начало этого направления у нас поэт связывает со своим творчеством). В статье отмечается, что это направление «внесло новый стиль — более глубокий, сложный, искусственный, полный нюансов и поисков, далекий от простого языка. Идеи переданы неузнаваемым, едва уловимым отражением красок всех палитр, слов всех

¹ Там, где переводчик не указан, приведены подстрочные переводы стихов Галактиона Табидзе.

технических словарей, нот всех клавиатур, а форма — туман/
ными, затененными образами».

Сам этот стиль оценен как стиль декаданса — «полная про-
тивоположность классическому стилю».

Весьма точно охарактеризован литературный быт десятих-
двадцатых годов нынешнего столетия, новое обращение со сло-
вом. Нельзя не отметить, что вместе с усвоением элементов
«нового стиля» Галактион Табидзе с самого же начала стремил-
ся к классической простоте.

Здесь невольно вспоминается и такой факт. Однажды, когда
Толстому прочитали отрывок из стихотворения поэта-декадента,
он воскликнул: «Какая смелость в обращении с образами; это
лишает слова их значения».

А теперь вернемся к предмету нашей статьи. В грузинской
поэзии, наверно, не много таких ярких и звучных стихотворений,
как «Белый пеликан» Галактиона Табидзе, где музыка и слово
переплетены так тесно, что между ними трудно провести грань.
С первых же строк выделяется печальный лейтмотив. С необыч-
ной экспрессией воскрешена богема старого Тбилиси, хотя эта
тема в меньшей степени входит в духовную сферу творца, воспи-
танного на европейской культуре. Не случайно автор судит с
позиций народившегося искусства. Выхваченные из городского
быта двадцатых годов застывшие картины бесконечной зимней
ночи, идущих по реке плотов, убогих лачуг рыбаков подобны
внезапно сверкнувшей в темноте молнии...

Так и тянется эта зима,
Навязчивая, как сон.
Так и надрывается сазандар,
Праздный и лихой,
Чтоб раздавались Саят-Новы
Ржавые слова,
Чтоб рядились эти стены
В павлиньи перья снежинок.

(Подстрочный перевод Г. Маргвелашвили)

«Так тянется...», «так надрывается...», — эта анафора, указы-
вающая на смысловой параллелизм, заключает в себе сперва кар-
тину зимы, нескончаемой, окутанной, как сновидение, туманом, а
затем заунывную мелодию сазандара. Как точны и выразительны
вольно озвученные эпитеты этого древнейшего инструмента —
«праздный и лихой»... В следующей строфе последовательность
меняется — за музыкальным эффектом следует рожденная им

картина. Упоминание сазандара естественно воскрешает легендарного ашуга старого Тбилиси, а «ржавые звуки» — экзотические картины, отражающиеся в разноцветном блеске парчовых обоев на стенах.

Здесь мы впервые видим печальный облик великого Пиромани, и утопающие в дыму стены ресторана как бы на мгновение являют нам его божественные видения, перенесенные на клеенку...

В этом стихотворении Галактион Табидзе с волшебным артистизмом запечатлел грустные портреты отживающих свой век последних участников тбилисского карнавала (вспомним некоторые ранние полотна Ладо Гудиашвили).

Редкое сочетание цвета и музыки представляет собой маленький лирический шедевр «Ветка персика, усталая ветка...», где в строках, бурных подобно весеннему потоку, встречаются нежные цветы, сорванные внезапным порывом ветра и дождя. Картина настолько жива и динамична, что кажется, будто наяву видишь прозрачно-тонкие розовые лепестки, соревнующиеся в беге с пенистым потоком талой воды, ощущаешь преходящую и головокружительную красоту ранней весны. Каким слухом и зрением должен обладать мастер, чтобы вместить все это в одну фразу: «В ветре цветов мчится лужица...»

Галактион Табидзе не любит безмолвных, окаменелых образов. Картина, нарисованная им, почти всегда в движении. Она озвучена и поэтому неизменно оставляет след в памяти: редко кому удавалось выразить столь прекрасную, физически ощутимую любовь к родной земле и одновременно извечную печаль смены поколений, когда приходится вызывать из прошлого дорогие лица, ушедшие в мир теней:

Если по росистой траве босиком
Я не пройду — что ж такое отчизна!..
Все предки ушли,
Здесь слышен гомон другого народа.

Из лирики Галактиона Табидзе можно привести еще множество примеров слияния цвета и звука. Взять хотя бы стихотворение «Усердие полудня», первая же строфа которого складывается из двух, качественно разных (зрительных и акустических), но превращенных в одно целое планов:

Полдень усердствует...
Даль нараспашку,
Сотни стрекоз стрекочут окрест,
Воздух царапают, словно стекляшку.

(Перевод Д. Голубкова)

Огненное солнце, нарисованное пурпурной краской, дополняет отраженный в прозрачном, точно хрусталь, воздухе стрекот стрекоз.

Иногда со звуком, шелестом сливается связанный с ним образ. Кто как не Галактион, глядя на колышущиеся кроны деревьев, мог произнести:

Под звуки ветра
Бирюзовых игл лавина...

В «Примирении» — одном из ранних шедевров поэта — вслед за непринужденным созерцанием природы пробуждаются тайные звуки музыки. Это впечатление создается не потому, что в нем упоминается Моцарт. Здесь в каждой строке сказано неизмеримо больше, чем вмещают в себя обычное значение слов и их логическая связь. Несмотря на то, что эвфония лексической фразы предельно упорядочена, не менее важный воображаемый план совершенно не затенен.

Я выхожу в одежде белой,
Когда колеблет ветви март,
Иду в ветра походкой смелой.
Как очарованный Моцарт.

(Перевод Г. Цагарели)

Ни один конкретный образ не дает нашей фантазии столько простора, сколько этот, на первый взгляд, труднообразимый образ — март, отдавшийся ветвям ветра — знамение прихода весны, когда под солнцем сверкает корона Казбека, усыпанная «тяжелейшими яхонтами»...

Ветвистый ветер, ветка ветра — один из любимейших образов Галактиона, порожденный тревожной натурой поэта. Этот образ с различными нюансами использован неоднократно («Из Персии движется букет цветов, как ветка ветра»), а особенно изящно — в его известном триптихе «Это родной ветер».

Все три части этого стихотворения написаны различными размерами, и соответственно каждую отличают свой ритм и му-

зыка, словно следующие за колеблемыми ветром тенями. Уже первые строки переносят нас в ирреальный мир, где странные замки облаков сумрачно высятся в бесконечности. Перед нами невольно возникают фантазмагии Чурлениса, известного литовского художника и композитора, в живописных работах которого щедро использован музыкальный принцип, в силу чего его искусство обычно называют синтетическим.

Галактион как по волшебству создает желаемый настрой. Для сказочной тональности ему достаточно лишь упомянуть Нестан, находящуюся в плену у дэвов, и в нашем сознании невольно возникают грандиозные панорамы «Витязя в барсовой шкуре»:

**Черный дым, ночной туман
Застилает Дагестан,
Выше, выше стали башни
Небосвода и Нестан.**

(Перевод М. Синельникова)

Сюда же входит и мотив ветра. Интимность и притягательность этой картине придает характерная для поэта интонация крайне наивного вопроса: «Помнишь? Ветка раскачивала луну...»

Во второй части, написанной шаири, картины более конкретны. Ветер усиливается, шелестят виноградные листья и листья кукурузы, но сказочный отзвук присутствует и здесь. Упоминание о Лознгрине мгновенно раскрывает перед нами сказочный мир Рихарда Вагнера, любимейшего композитора Галактиона Табидзе.

Заключительная часть стихотворения сравнительно минорна. Ветер стих, слышен едва уловимый шорэх («Ветерок поветрием, трава трын-травой...»), пожелтевшее поле замерло, все превратилось в «золотую сказку». Спокойно, безмятежно нежится в финальных строках осень, красками напоминающая львиную шкуру.

Здесь же уместно вспомнить живописный образ, заключающий в себе глубочайшую мысль о прощании с юностью, образ, который, подобно листопаду, тревожит наши души:

**И как все становится нежным,
Когда близко осеннее солнце.**

Эмзар Квитаишвили. Синтез музыки, цвета и слова...

Автор этих строк придает огромное значение цвету. Многие его образы настолько зримы, что создают впечатление живописного полотна. Когда вспоминаешь его строки «Поле усыпано синей айвой и голубыми персиками», перед глазами будто предстают яркие натюрморты Сезанна. Галактион Табидзе прекрасно знает, что музыка подчеркивает изображаемое, делает его более наглядным, поэтому заключает визуальные представления в рамку родственных звуков. Этот эффект реализован и в стихотворении «Песня путника».

Одно из прекраснейших творений Галактиона «Глаза его остались открытыми», повествующее о трагической судьбе человека, скончавшегося за границей, является ярким примером того, насколько тесно поэт связывал зрительное и музыкальное восприятие предмета. Здесь два этих начала отождествлены — потухшие глаза умершего наделены волшебным свойством:

**И эти глаза вечернему голосу
Внимали с мукой и благоговением.**

Окончена жизнь, покойный испытал «тихую мимолетность мучений», и те же глаза внимают «голосу серафимов»; под белыми сводами небесного царства тают скорбные звуки небесного хора. Сильнейшее желание взглянуть на мир иной слышится во внезапном возгласе: «Что происходит там!» и, как если бы с полей чистилища удалили тонкий покров, тотчас открывается страна лишенных солнечного света.

Тревожная музыка этого стихотворения строится в основном на рефрене одной строки, вынесенной в заглавие, и эта строка на протяжении десяти строф повторяется с незначительными вариациями по крайней мере раз десять.

Здесь же следует отметить истинно мастерскую рифму-метафору — силажвардэ (синева) — силаши варди (роза в песке), ярчайший пример слияния цвета и музыки в слове.

В романе современного норвежского писателя Юхана Боргена «Маленький лорд» главный герой, музыкант Вильфред, слушая стихи поэта, думает, что слова порой значат больше, чем музыка, потому что они одновременно и музыка и слово.

Многие стихотворения Галактиона Табидзе подтверждают эту мысль.

Он был наделен редким даром перевоплощения, придававшим его таланту удивительное своеобразие. Его разум был приобщен к высшим достижениям мировой культуры, в его лирике с поразительной непосредственностью, органично стражи-

лось величие творений литературы и искусства. Он умел всего несколькими словами нарисовать и оживить исчезнувшие цивилизации — Вавилон, Урарту, Египет, Древнюю Грецию, Древний Рим или Византию...

Разве забудется мумия, восставшая из саркофага в запевшем от зноя песке, умащенная некогда медом и различными благовониями длинная кукла, завернутая в саван и превратившаяся в почерневший камень, в которой поэт узнает гигантскую фигуру фараона Рамзеса:

**Он был царем. Сейчас он пыль; чтобы отбегнуть ряд веков,
Не может быть льстецом. Не может не быть пылью.**

Нет на свете такой силы, такой твердыни, которая была бы способна одолеть это неумолимое, всеистребляющее время.

В строках этого стихотворения слышен ход времени: сменяются века, и в тихом шорохе звучит неизбежность падения некогда непобедимой империи. Все исчезло. Только нежнейшие лепестки бархатистых орхидей на берегу Нила поминутно приводит в трепет вечная тревога тайной души, не мрачнейшей в гранитных усыпальницах...

К ранней лирике поэта относится и стихотворение «Ветер воспоминаний», лишенное каких-либо внешних эффектов. На наших глазах рождается несравненная красота: мы будто созерцаем Афродиту, вышедшую из-под шелестящего покрывала пены на скалистый берег Кипра. В прозрачных, словно янтарь, строках блуждает дух нестареющей Эллады, точно схвачен пейзаж античного мира...

**...Как в душе невинной девы
В горький час грехопаденья,
В сердце буря клокотала...
Море было без движенья.
Ветер заплутался в чаще,
Изумрудной и сквозящей,
Сердце, млея и тоскуя,
Трепетало в поцелуе,
Разрывалось от волненья...
Море было без движенья.**

(Перевод Э. Александровой)

Эмзар Квитаишвили. Синтез музыки, цвета и слова...

Здесь автор выступает большим мастером полутонов. То, что в других руках превратилось бы в несомненную банальность, у Галактиона звучит как истинное произведение искусства. Цвет и звук чередуются, ослепительное сияние «изумрудных ветвей» жаждет услышать волшебную музыку, ждет, когда ветер коснется арфы Эола... Тут же проявляется и способность поэта увидеть незримое: «Далеко, очень далеко виднелся ветер».

В творчестве Галактиона Табидзе тема ветра — символа вечного движения и обновления — настолько широка, что должна быть исследована особо.

Всего лишь для сравнения вспомним гипнотизирующие строки стихотворения «Снова эфемера»: «Ветра не видно, ветра не видно, все равно ветер касается вершин», после которых образ переломившейся чинары отождествлен с долей поэта-мученика.

Чтобы создать желаемый образ и достичь необходимого эффекта, Галактион Табидзе порой прибегает к словотворчеству (большей частью превращая в глагол существительное), его «алхимия слова» настолько сильна, что начисто исключена всякого рода искусственность.

Привнесение подобных форм имеет своей целью рождение визуальных образов и связано с цветом. Так, в одном из стихотворений («Дафна») читаем: «И мечта фиолетит фиалкой воспоминание». Из контекста явствует, что цвет фиалки необходим для изображения мечтательной сущности творца. В первой же строфе стихотворения упомянута «лазурная слеза поэзии».

Слово «фиолетит» в сочетании с мечтой, миражом, обретая все более естественное выражение, постепенно утверждается в лексике поэта.

Часть форм такого типа, как и следовало ожидать, направлена на достижение музыкального эффекта. Так, в одном из стихотворений пестрые цветы превращаются в певчих птиц и наполняют пространство чарующими звуками. Образ здесь приобретает мифологический оттенок.

Эта и подобные им строки вызывают вольные ассоциации и в меньшей степени подчиняются логическому анализу.

К петроградскому циклу относится одно из значительнейших стихотворений поэта «Девятьсот восемнадцатый», которое ретроспективно изображает огненные дни гражданской войны, возвращение героя из революционной России домой. Это произведение заслуживает внимания по многим причинам, однако мы остановимся лишь на некоторых его деталях.

Само стихотворение можно разделить на две части. Первая — воспоминания, связанные непосредственно с Петроградом:

мародеры, рукопашные партизанские бои, преддверие катастрофы и поезд, сошедший с рельсов, грохотанье пушек и повисшие в темноте сверкающие гроздья салюта, исчезающие, мыльные пузыри. Звук вновь сменяет картину. Крейсера, угрожающе движущиеся в Еалтийском море, громоподобный, раздирающий воздух приказ капитана, звучащий через рупор, беспощадное разрушение, хаос... Тон поэта меняется, в голосе чувствуется металл. Нежная мелодия «Ветки персика» здесь неуместна, закружившийся в душе вихрь требует трагических нот:

**Ужасен был мой демон,
 Не воспринимал обычного пенья,
 Ангелы без эдема
 Оплакивали недоступность дорог.**

Ангел, изгнанный из рая, тот же сатана, и эти бесовские образы проходят через все стихотворение. Всё, даже преданный семье немой слуга, обретает образ сатаны.

Вторая часть начинается с созерцания родины («Вот и берег, наш берег...») И тон, и линии смягчаются. Странная нежность и любовь звучат в одной фразе, рисующей берег, которого коснулось дыхание осени: «Он был похож на родной июнь...»

С палубы корабля, приблизившегося к берегу, великолепно увиден горизонт; там сливаются две родственные стихии — вода и воздух. Верхушки мачт избороздили этот иллюзорный край, «где края моря и неба без слов чувствуют друг друга».

В стихотворении искусно, с необычайной пронизательностью и мастерством нарисован спутник поэта, о котором нам ничего не известно. Выделяется интонация беседы, что придает особую окраску лирике поэта в двадцатые годы:

**Я в Имеретию поеду, а вы куда?
 И я в Имеретию.
 В дороге мы предались пленительной беседе.
 Ты дремало, о безграничное небо.**

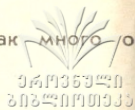
Последняя строка стоит обособленно. Подобные вставки, в частности такое непосредственное обращение к небу, как к поверенному — излюбленное средство Галактиона.

Галактион Табидзе виртуозно владеет естественной манерой ведения беседы, не нуждающейся во внешних прикрасах и столь необходимой истинной поэзии.

Эмзар Квитаишвили. Синтез музыки, цвета и слова...

Редко когда всего две строки могут сказать так много /о двух разных судьбах, разных характерах:

**Ты не спрашивай меня о прошлом,
И я тебя никогда не спрошу.**

В этой связи вспоминаются две последние строки маленького шедевра «В поезде», которые стали частью духовной биографии целых поколений и не нуждаются в комментарии:

**Уже в тоннель войти пора бы, —
Не испугаетесь ли вы!**

(Перевод Г. Маргвелашвили)

При знакомстве с некоторыми шедеврами поэта появляется чувство, будто рассматриваешь грузинский орнамент, изогнутый, как черенок виноградной лозы, он вписан в дерево или камень и нет у него ни начала, ни конца.

Это впечатление, с нашей точки зрения, обусловлено единством нескольких факторов: и один из них — целенаправленное, постепенное усиление лейтмотива, за которым следует прекрасная музыка стиха и точно подобранный ритм. Максимальному упорядочению, свободному звучанию музыки и ритма содействуют отдельные повторы, а также довольно частое использование внутренних ритмов, объединяющих слова в мелодичный поток.

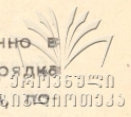
Можно привести массу примеров, однако мы ограничимся лишь одним стихотворением руставелевского цикла («Пишу я, некий месх-стихотворец»), где в восьмисложном шаири особо усилены перекрестные рифмы, и в соответствии с этим аллитерированные строки крайне ускоряют темп.

Каким удивительным мастерством должен обладать поэт, который способен воскресить бессмертную музыку строки Руставели, заставить ее зазвучать так, чтобы ты поверил «стихотворцу-месху», трогающему разум и сердце своей исповедью.

Какой силой и смелостью таланта нужно обладать, чтобы фразу, плоть от плоти «Витязя в барсовой шкуре» заменить своей, не уступающей ей, слить солнечную речь великого поэта со своей, сохранив прелесть руставелевского стиха.

**Безвестный месх, я стихи слагал,
И сколько в прошлом дорог ни легло, —
Мой стих меня раньше солнца сжигал,
А солнце раньше стихов сожгло.**

(Перевод П. Антокольского)

С какой легкостью отождествлен стих с солнцем, именно в такой последовательности; это не простое нарушение порядка следования предметов или понятий — стихотворным строкам, подобным витому орнаменту, придается симметрия.

Две последующие строфы на мгновение вызывают ассоциацию с прологом «Витязя в барсовой шкуре» — гибкость и живость стиха сравниваются с лаконичностью шаири, меткостью стрелы, чистыми звуками раскатов грома, похожими на отчетливые звуки выстрела, а порой с легким колыханием майских цветов; бубен и лира, заговорившие языком поэзии, должны издавать одну и ту же печальную мелодию. Вглядимся в непрерывную цепь звуков, они, подобно языкам пламени, переходят из одной строки в другую:

Пусть будет каждый мой чеканный стих (шаири),
 Как меткая стрела в полете,
 Как выстрел, похожий на грома раскат,
 Как в мае звенящие листья и стебли,
 Или порой как рыдающий бубен,
 Или как лира, славящая утро;
 Он для меня и дыханье и воздух,
 Он жизнь для меня и оправданье жизни.

Заключительная строка стихотворения — почти неизменный повтор первой, только вставленное в начале «я» еще более усиливает и без того сильную руставелевскую аллитерацию. С безошибочной интуицией использована символика раненого барса, с помощью которой нарисован образ юноши, до самозабвения влюбленного в поэзию.

Как раненый барс в теснинах скал,
 По всей стране столько дней и лет
 Скитался я и мечту искал, —
 Безвестный месх, исступленный поэт.

(Перевод П. Антокольского)

Родство поэзии Галактиона Табидзе с грузинским орнаментом более осязаемо в его последнем шедевре «Ода Никорцминде», которая представляет собой подлинный гимн гению грузинской архитектуры.

Эмзар Квитаишвили. Синтез музыки, цвета и слова..

Тот, кто так или иначе знаком с творчеством Галактиона Табидзе, несомненно почувствовал его безграничное преклонение перед Руставели, признанным эталоном поэзии. В то же время Галактион Табидзе считал себя достойным преемником автора «Витязя в барсовой шкуре»: «Стих Руставели и Галактиона бедного».

Здесь, безусловно, чувствуется скромность и благоговение перед славным предком, но эпитет «бедный» не следует понимать в прямом смысле. Упоминание своего имени рядом с именем Руставели уже указывает на явную, но в то же время справедливую претензию. Эпитет «бедный» весьма характерен для творчества видных представителей грузинской поэзии; как его следует понимать — предмет отдельной статьи.

Разнообразие ритмов, технических приемов и форм поэзии Галактиона Табидзе, неограниченные возможности грузинского слова, выявленные поэтом, нашли достойное развитие в само-бытной грузинской поэзии.

КВИТАИШВИЛИ Эмзар Давидович. Род. в 1936 г. Окончил филологический факультет ТГУ. Печатается с 1957 года. Автор до десяти поэтических сборников, монографии «Рифма Важа Пшавела» (1971) и сборника литературно-критических статей «Этим стих пленяет нас» (1981). В настоящее время работает над проблемами поэтики А. Церетели.

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы в течение месяца я поговору работала в отделе художественной литературы издательства «Сахелгами». В ту пору каждый день к нам заходил Галактион Табидзе. Он был необычайно обаятелен. И к нему удивительно шли его же слова: «Вы так прекрасны, вы поэт!».

В уютной комнате отдела его всегда окружали вниманием как сотрудники, так и приехавшие сюда авторы. А он с ослепительным удовлетворением, улыбаясь, принимал эти знаки внимания.

В то время частым гостем нашего отдела был некий писатель, который, как оказалось, уже давно собирал материал для монографии о Галактионе. Видимо, это давалось ему нелегко, и он как-то сказал, что поэт — человек замкнутый и непримиримый, слова лишнего не скажет.

А мне Галактион казался тогда совсем иным. Всегда улыбающийся, доверительный, неизменно дружелюбный, он охотно вступал в беседу, живо откликался на все вокруг. Никаких признаков замкнутости...

Помню, как-то он вошел в комнату словно чем-то озабоченный. Бывший в тот момент здесь Геронтий Кикодзе, заметив его дурное настроение, спросил, был ли он у Кикнадзе (директора издательства).

— Да, был, — последовал ответ.

— И что же?

— Сказал, что я должен сократить сборник до 9.000 строк.

— Это хорошо, Галактион! Для избранного вполне достаточно. Я буду твоим редактором. Прекраснейший сборник получится!

Нино АНАНИАШВИЛИ

**«ВЫ ТАК
ПРЕКРАСНЫ,
ВЫ ПОЭТ!»**

Галактион как-то неловко улыбнулся и ничего не ответил.

Кстати, Геронтий Кикодзе как-то предложил Георгию Леонидзе стать редактором его книги и посоветовал издать только избранное. Леонидзе тоже не выразил восторга по поводу этого предложения.

Тогда мне было непонятно равнодушие, с которым наши прославленные поэты откликнулись на предложение Геронтия Кикодзе. Позже, помнится, он советовал Ладо Гудиашвили не выставлять всего им написанного.

— Давай вместе отберем твои лучшие полотна, — предложил Кикодзе.

— Нет, — ответил, оказываясь, Гудиашвили, — я хочу показать все свои богатства.

Быть может, и наши поэты желали открыть читателю все свои поэтические «богатства». Ведь и количество, само по себе, — сила.

Однажды, уже немного подружившись с поэтом, я спросила его:

— Правда ли, батона Галактион, что Мери для вас не реальная личность, а всего лишь мечта поэта?

— Может быть! — многозначительно ответил он, странно улыбаясь. Такой улыбки я никогда не видела на его лице — в ней была искорка лукавства.

Мне стало неловко углубляться в расспросы, и я невольно задала ему щекотливый вопрос (щекотливый потому, что в ту пору бывало много толков о творческом оскудении Галактиона):

— Над чем вы работаете сейчас, батона Галактион?

— Я, знаете ли, пишу дневник. Давно пишу. О, это нечто грандиозное!

Я подумала, что дневник — это поэтическое произведение, написанное в такой форме спросила:

— А когда вы его закончите? Он скоро выйдет?

Галактион посмотрел на меня удивленно. Я почувствовала, что допустила ошибку, и больше ни о чем не спрашивала, поняв лишь, что Галактион придавал большое значение своему дневнику.

Однажды у нас возник спор по поводу того, был ли Галактион символистом или нет.

— Я не символист! — сказал он так, точно быть символистом означало отречься от родины.

— Что же в таком случае вдохновило вас на «Синих коней»? — вырвалось у меня.

— Тогда я интересовался астральными странами! — ответил он совершенно спокойно и очень убедительно.

И вдруг вплотную подошел к моему столу и, полузакрыв глаза, начал читать:

На туманные поляны лют
лучи закат багряный,
Край посмертный, берег
странный, неживая
кромка льда...

(Перевод П. Антокольского)

Это была не декламация, а необыкновенное раскрытие образа. Поэт срывал завесу непостижимости со своего замысла.

Я внимательно слушала его. Весь охваченный высоким вдохновением, Галактион словно переселился в астральные просторы и обозревал их подобно визионеру. Казалось, его величественный голос звучал с космических высот. И что удивительно, в голосе этом, в каждом оттенке его интонации чув-

вовалась некая сверхъестественная сила, которая покоряла, подчиняла и заставляла верить, что все в стихотворении поподлинно касалось астрального мира, вскрывала отношение поэта к этому миру и состояние его души.

От строки к строке, от строфы к строфе — наши мысли и чувства становились идентичными мыслям и чувствам поэта. Его творение открывало нам нечто такое, чего мы в нем вовсе не предполагали.

Галактион кончил читать. Воцарилась тишина. Я сидела, опустив голову. А когда подняла глаза, Галактиона в комнате уже не было.

Как святая святых, берегу я в памяти эти минуты.

..Пятидесятые годы. Из ссылок возвращается Вася Окуджава, младший брат жены Галактиона, человек образованный, поэтичный, незаурядный. Он приходит навестить нас. Рассказывает, кого повидал по приезду и кого хотел бы увидеть еще.

— Я был у Галактиона. Его не оказалось дома. Вышел на улицу, вижу, стоит перед домом, с кем-то разговаривает. Я стал рядом с ним — сперва он не обратил на меня никакого внимания, но так как я не отходил, повернулся и взглянул на меня вопросительно.

— Не узнаешь меня, Галактион?

Галактион огорчился, что не узнал меня. Правда, прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз. Но вдруг лицо его просветлело и он воскликнул:

— Вася, Вася, дорогой! — прижал меня к груди и долго не отпускал. При этом разрыдался. Я тоже разволновался.

Галактион просил подняться к нему, но мне не хотелось возвращаться, и я обещал вскоре навестить его.

Я спросила Васю:

— Какие у вас были отношения с Галактионом?

— Прекрасные! Мы все любили его. Он был несравненен! Мы все очень дружно жили!

Беседа с Васей приоткрыла завесу над светлым прошлым Галактиона.

И вновь пятидесятые годы. Мы, я и моя подруга, — в Союзе писателей. Ждем, когда выйдет из своей комнаты Георгий Леонидзе (тогда он был секретарем Союза писателей Грузии). Мы должны были вместе отправиться по одному неотложному делу. Вдруг на лестнице показался Галактион. Он подошел к нам. Завязалась беседа о поэзии, о любви.

В это время вышел Леонидзе. Увидев, что мы беседуем с Галактионом, сделал знак, что подождет нас внизу.

Мы оказались меж двух огней. Не хотелось прерывать беседу с Галактионом, но как заставить ждать внизу Леонидзе?

Словно почувствовав наши «сомнения», Леонидзе вернулся. Стремительной походкой направился прямо к кабинету. Когда он проходил мимо нас, Галактион вдруг остановил его, ласково схватил за шею и неожиданно сказал:

— Напиши обо мне что-нибудь! Напишешь?

— Да, да, напишу! — проворкотал, улыбаясь, Леонидзе.

Галактион вскоре попрощался с нами. По дороге моя подруга не давала покоя Леонидзе:

— Ведь напишете, батона Гогла? Напишите, прошу вас, обязательно напишите!

— Не знаю, посмотрим, — задумчиво проговорил Леонидзе.

...1959 год. Дни траура по Галактиону. Поэт покоится в зале Союза писателей. Я пришла сюда рано и долго пробыла в траурном зале. Было часов пять вечера, когда собралась идти домой, чтобы прийти сюда позднее. Возле здания Союза кто-то помахал мне рукой из машины. Я остановилась. Из машины вышел Леонидзе. Лицо его было мрачно. Помню, раз, увидев меня, опечаленную потерей дорогого мне человека, он сказал:

— А мною именно в такие минуты овладевает жажда жизни!

Теперь в нем не было и следа того оптимизма. Глаза его потухли. Он попросил меня вернуться. «Мне трудно войти туда одному», — сказал он.

И вот я снова в траурном зале. Опустив голову, без шляпы, Леонидзе стоял в дверях. По просьбе школьников открыли лицо Галактиона. Он был прекрасен. Совсем не изменился. Борода, которую отпустил после смерти брата и которая нас так огорчала, поскольку нам казалось, она уродует его, — эта борода придавала его лицу еще более величественное выражение. Он был воплощением богочеловека.

Когда я вышла из здания Союза, меня догнал Леонидзе:

Я спросила:

— Вы будете говорить на Мтацминде? Иные думают, что вы не выступите.

— Скажи тем, кто так думает, что они глубоко заблуждаются.

На другой день, как реквием, прозвучала над склонами Мтацминды несравненная речь-песнопение Леонидзе:

«В доме скорби Грузии покоится отныне лебедь Мтацминды — величайший поэт и знаменосец нашего времени Галактион Табидзе... Краса и гордость грузинского Парнаса...»

Я стояла у подножия святой горы среди моря людей и с горечью вспоминала слова поэта, обращенные к Леонидзе: «Налиши обо мне что-нибудь!»

Январь 1966 года. Я пришла по делу в Институт истории грузинской литературы. Подходя к кабинету директора, услышала голос Леонидзе: «Пришел Галактион, на нем были модные лакированные ботинки».

Я представила себе Галактиона двадцатых годов — элегантного щеголя, признанного королем поэтов.

Видимо, Леонидзе диктовал кому-то свои воспоминания о Галактионе... И вновь я услышала голос поэта: «Налиши обо мне что-нибудь».

ТЫСЯЧИ препятствий преодолел греческий корабль «Арго» на пути к берегам Колхиды. Героям Эллады и их предводителю — могущественному Язону пришлось преодолеть немало преград и на берегу, прежде чем они завладели золотым руном — символом таинственных знаний и чудодейственных сил.

Миф об аргоснавах — неотъемлемая часть истории грузинской культуры. В детстве он привлекает нас своей сказочностью, позже — глубиной и множеством географических, исторических, этнографических и литературных парадигм. Миф этот был положен в основу не одного произведения — литературного, музыкального, изобразительного искусства. Для подтверждения сказанного достаточно будет назвать имена Еврипида, Аполлония Родосского, Эжена Делакруа, Дариуса Мийо, Жана Ануйя, Отара Чиладзе, Мераба Бердзенишвили. Кроме того, предание об аргоснавах и его литературные интерпретации давно уже стали предметом пристального внимания и особого изучения ученых разных стран. Среди них — молодой грузинский филолог Автандил Микаберидзе. И потому, когда я начал писать о нем, в первую очередь

Паата НАЦВЛИШВИЛИ

АРГОНАВТИКА АВТАНДИЛА МИКАБЕРИДЗЕ

Перевод Дали ЦУЛАДЗЕ

всплыла в памяти именно аргонавтика. Тем более, что эта ассоциация была обусловлена еще одним обстоятельством.

24 апреля 1981 года газета «Правда» писала: «В Тбилисский государственный университет переданы доставленные из Греции бесценные реликвии — 86 (неточность: должно быть 73 — П. Н.) микрофильмов хранящихся в Афонской Иверской лавре древнегрузинских рукописей... Большой вклад в снятие и доставку этих микрофильмов внесли кинорежиссер, лауреат премии имени Шота Руставели Г. Патарая и молодой грузинский ученый, выпускник Тбилисского университета А. Микаберидзе, ныне занимающийся на философском факультете Афинского университета».

Авандилу Микаберидзе вместе с Гурамом Патарая пришлось преодолеть множество препятствий, прежде чем они наконец завладели микрофильмами ценнейших рукописей Иверского монастыря на Афоне.

* * *

Трудно назвать другой древний центр грузинской культуры, который по своему значению приравнялся бы к Афонскому Иверскому монастырю. Здесь в разное время вели плодотворную деятельность выдающиеся грузинские писатели, ученые, представители духовенства, которые, с одной стороны, приобщили Грузию к европейской цивилизации, с другой же — вынесли грузинскую культуру на мировую арену. На Афонской горе была создана грузинская литературная и переводческая школа, игравшая на протяжении веков важную роль в духовной жизни нашего народа.

Святая, или Афонская, гора (по-гречески — Айон-Орос) высотой 2.033 метра расположена на восточной оконечности «трехпалого» Халкидонского полуострова. В эллинистическую эпоху греки считали ее высочайшей вершиной в мире, а скульптор Страсикрат хотел превратить Афонскую гору в гигантскую скульптуру Александра Македонского, одна рука которого коснулась бы многолюдного города, а другая — простерлась вдоль русла реки. В античную эпоху, должно быть, здесь было множество культовых сооружений, след их ощущается даже сегодня, после тысячелетнего господства христианства на Афоне. Сейчас на вершине Афонской горы стоит церковь Преображения XI века. А первую христианскую часовню на склонах горы построил Афанасий Афонский в 963 году.

«Афанасий по матери был колхом, и я уверен, что и грузинский он знал хорошо, — говорит мне Авандил Микаберидзе, — во всяком случае его симпатии к грузинам очевидны. В какой-то

мере есть и его заслуга в том, что грузины первыми среди ино-
странцев возвели на Афоне монастырь, к тому же еще при жизни
Афанасия, спустя каких-то двадцать лет после постройки лавры.
Далеко не случаен также тот факт, что Евфимий Мтацминдели,
согласно завещанию Афанасия, стал его преемником и продол-
жателем начатого им дела. Эти отношения между Афанасием и
первыми грузинскими афонцами в определенной мере отрази-
лись в традиционных взаимосвязях Афанасьевской лавры и
Иверского монастыря. Даже сегодня на главном празднике лав-
ры, в день именин Афанасия, главным служителем является игу-
мен или руководитель делегации Иверского монастыря, а глав-
ные праздники Иверского монастыря — дни ктиторов и успения
богоматери — ведет глава делегации лавры. Этот момент изна-
чальных взаимоотношений между греками и грузинами на Афоне,
к сожалению, недостаточно акцентирован в современной
научной литературе».

Сегодня Афон — демократическая республика. В течение ве-
ков она сохраняет автономию и признает лишь патриарха Кон-
стантинополя. Афоном правят четыре монаха из разных мона-
стырей. Монахов ежегодно выбирает Святой Кинот (то есть си-
нод), в который входят представители (по одному) от всех мо-
настырей Афона и состав которого также меняется каждый год.
Столица Афона — маленький поселок Кареас, где есть даже
своя полиция.

Сегодня на Афоне около двадцати больших монастырей
(греческий, грузинский, сербский, болгарский, русский...) Ивер-
ский монастырь на Афоне называется Ивирон («Тон Ивирон» оз-
начает «Иверцев», но это слово утратило свою семантику и на
Афоне мало кто знает его значение).

Поскольку грузины из-за внутренних неурядиц не смогли
уделить должного внимания Ивирону, с конца средних веков он
полностью перешел в руки к грекам, хотя грузинские монахи
жили на Афоне почти до наших дней. Последний грузинский мо-
нах — Тихон Пагава скончался здесь в 1956 году в возрасте 90
лет. Сегодня грузинская церковь пытается восстановить права
грузин на Афонской горе и, насколько нам известно, ею уже
сделаны первые практические шаги.

«Если это случится, я первым перейду в Ивирон», — сказал
мне скандинавский аскет Антоний, с которым я познакомился в
одном из афонских монастырей. Вот уже десять лет он живет на
Афоне и, как оказалось, очень интересуется историей Грузии, па-

мятниками грузинской старины, причем настолько увлекся, что решил даже изучить грузинский язык. Я ему подарил нашу азбуку».

Мы разглядываем цветные фото и слайды, снятые на Афоне. Удивительное впечатление производит заснеженная гора, выросшая как бы прямо из моря. Ксе-где, на зеленых склонах, словно полевые цветы, проглядывают монастырские постройки.

По своим природным условиям Афон очень напоминает горное Причерноморье Грузии. Примечательно, что именно здесь, на Черноморском побережье Кавказа, построили Новоафонский монастырь пришедшие из Афона русские монахи.

Очаровывают виды Ивилона: темно-синее море, оливковые рощи, виноградники...

Тамошний виноград очень похож на наш саперави, только ягоды чуть крупнее. Монахи этот сорт зовут Джорджидика и считают, что на Афон его привезли грузинские ктиторы.

Мой собеседник показывает мне снимки и слайды и комментирует их по отдельности:

«Это обитель Иоанна Богослова. В XIX веке в ней укрылись грузины, изгнанные из Ивилона. Это первый слайд, снятый мной на Афоне. Из Кареаса в Ивилон ездит этакий драндулет — разбитый автобус. Но в свой первый приезд на Афон, несмотря на багаж, я пешком прошел полтора часа, и когда подо мной показался Ивилон, у меня чуть было колени не подкосились. Нет, не от усталости — от какого-то необъяснимого чувства, в котором были и страх, и удивление, и гордость... Мне почудилось, что я — в сказке...

В архитектуре Ивилонского ансамбля на Афоне нет ничего грузинского, хотя в тот период грузинское зодчество было в зените — возводились известные Тао-Кларджетские церкви и монастыри, и первые строители Афона были как раз из Тао-Кларджети. Но, придя на Афон, они, как говорится, надели на себя афонскую шапку, поскольку их первой задачей было обосноваться здесь, а не создавать образцы грузинской архитектуры.

К тому же, видимо, на Афоне не позволяли нарушать установившийся здесь архитектурный стиль — трехапсидный храм со своими кельями, трапезными, библиотеками и другими пристройками...

А это моя машина — «Рено-12-автоматик», но об этом позже...»

На одном из слайдов — обыкновенная серая кошка.

«Исключительность этой кошки в том, что она женского пола. Видите ли, на Афон не допускаются не только женщины, но

и любые существа женского пола (здесь, конечно же, не в счет дикие животные, птицы и насекомые — их монахи, естественно, не могут контролировать). Единственное исключение составляют кошки, которые нужны афонцам для борьбы с крысами.

...Несколько лет назад одна журналистка, переодевшись в мужчину, смогла пробраться на Афон. Монахи разоблачили ее и, как мне сказали, она до сих пор отбывает наказание...

...А это то место, где по преданию из моря вышла «Портаитиса» — Иверская богоматерь. Но прежде чем рассказать о ней, несколько слов о другом: в Кареесе перед Святым Кинотом стоит церковь X века — Протатон, в наружной галерее которой сохранилась фреска двенадцати ктиторов, основателей различных монастырей. Для нас эта фреска интересна тем, что на ней изображены два грузина. Один из них — Евфимий, а другой, как гласит надпись, — Габриэл-грузин. В дошедших до нас источниках Габриэл-грузин не упоминается среди традиционных ктиторов Иверского монастыря (Иоанн, Евфимий, Георгий), тем не менее он все же считается ктиторм, так как с его именем связан вынос из моря главной иконы монастыря. По преданию, когда эта чудодейственная икона всплыла, ее никто не посмел коснуться, поскольку над ней светился огненный нимб. В это время с горы спустился аскет Габриэл, которому, как оказалось, прошлой ночью во сне явилась богоматерь и велела вынести из моря икону. Габриэл исполнил ее волю, и икона с почестями была установлена в главной церкви монастыря. Другая легенда гласит, что она, якобы, каждую ночь покидала свое место и замирала на пороге, пока наконец ее окончательно не перенесли со всеми подобающими почестями к воротам церкви и не нарекли «Портаитиса», что означает — «покоящаяся у входа». Позже копию этой иконы привезли в Россию и специально для нее построили часовню. В России эта икона известна как «Иверская богоматерь» и считается одной из самых ценных. Помнишь, у Толстого, в «Войне и мире», описана грандиозная картина выноса этой иконы, когда ее молят о победе над Наполеоном...

...А с этими кипарисами связана одна любопытная легенда. Их посадили, как говорят, Афанасий и Евфимий. Случилось так, что кипарис Евфимия обогнал в росте деревце, посаженное Афанасием. Между афонскими монахами произошел серьезный спор по поводу того, кто же из святых значительнее — Евфимий или Афанасий. Но вот недавно (недавно, конечно, по «афонскому времени»), дело-то наверняка происходило несколько веков на-

зад) в кипарис Евфимия попала молния, и тогда монахи единогласно решили: святость Афанасия безусловно рангом выше!...
...эта башня — остатки Латинского монастыря — единственный памятник, свидетельствующий о пребывании на Афоне римлян. Латинский монастырь греки разрушили в 1054 году во время схизмы — раскола греко-латинской церкви. Между прочим, в свое время римлян на Афон привел Иоанэ Атонели и всячески им помогал в строительстве их собственного монастыря. Так он дальновидно приобрел потенциальных союзников в ожидаемом конфликте с усилившимися греками...

...эта церковь стоит на дороге Ивирон — лавра. До нее от Иверского монастыря шесть часов пешего пути, и на этой дороге много подобных покинутых строений. К большинству из них даже подойти нельзя, тропинки, некогда ведущие к ним, покрылись густыми зарослями. Думается, здесь тоже должны быть следы грузин...

...этот монастырь стоит на той же дороге. Называется он Филотей. В 40-х годах XVI века его, оказывается, полностью восстановили кахетинский царь Леван и его сын Александре. В трапезной есть и их фреска. А вот греческая надпись: «Леон Василевс кахетцу». Между прочим, эта надпись была опубликована у нас еще в XIX веке. Что же касается фрески, ее никто из грузинских ученых не видел. Так что этот цветной снимок — первая визуальная информация о ней. Я собираюсь написать подробно об этой фреске, тогда, наверное, и опубликую фото...

(Читатель терпеливо ждет эту статью и не только ее, но и другие статьи Автандила Микаберидзе — научные либо популярные).

...это — принц Молдо-Влахии Михаил, который в XVII веке финансировал восстановительные работы в Ивиронской лавре.

А это, по моим предположениям, должен быть Иоанэ, в миру Торнике. Фреска находится во внешней пристройке церкви, и греки до сих пор не обращали на нее внимания, хотя она весьма интересна: на ней кроме Иоанэ изображены и другие исторические лица, среди них — Василий и Константин...

Это — библиотека Ивирона. Раньше она располагалась в одной из пристроек главной церкви. А лет двадцать назад для нее специально построили одноэтажное здание. В грузинском отделе библиотеки вместе с печатными книгами хранится 105 рукописей. Последняя, 105-я, — греческая, но монахи все-таки решили хранить книгу в этом отделе, поскольку приписка в ней сделана на грузинском языке. Это литургия Иоанна Златоуста. Много времени понадобилось для того, чтобы сравнить с каталогами и перенумеровать 86 грузинских рукописей. К тому же

я обработал еще одну грузинскую рукопись — «Ивиرون-87», которую не упоминают ни Цагарели, ни Блейк. Это рукопись XII века, Новый завет; она благодаря своему чеканному плету, украшенному драгоценными камнями и относящемуся к XVII веку, находится в кладохранилище. В книге — четыре органические (собственные) и одна ранняя миниатюры. В своем фильме Гурам Патарая и Ираклий Онопришвили показали это евангелие, но полистать книгу тогда не удалось, поскольку замок на ней был испорчен. На сей раз мы смогли это сделать и даже микрофильмировали ее.

Поскольку речь зашла о кладохранилище, следует сказать, что в Ивироне хранятся исторические реликвии и церковные и царские сокровища, которые должны представлять большой интерес для наших искусствоведов и историков. Но главное, конечно же, это грузинские рукописи...»

* * *

Определенное представление о грузинской старине на Афоне у нашей общественности создали лауреаты премии имени Руставели Гурам Патарая и кинооператор Ираклий Онопришвили, которые в 1977 году сумели проникнуть в республику монахов и снять документальный фильм «Афонская летопись». В том фильме, естественно, речь шла и об ивиронской библиотеке.

Гурам Патарая: «В 1977 году эти рукописи предстали перед нами в весьма плачевном состоянии. Монахи, правда, стараются никого не подпускать к книгохранилищу и берегут рукописи, но лишь как часть собственности. Условия для их хранения — очень плохие. Многие рукописи из-за сырости покрылись плесенью, изъедены. Мы с Ираклием не смогли их тогда снять — у нас не было ни необходимых средств, ни аппаратуры. Но уж очень соблазнительным был замысел. Сразу же по приезде я рассказал о ситуации на Афоне руководству республики, нашим ученым».

«Афонскую летопись» я впервые посмотрел в актовом зале университета. По окончании фильма я был занят лишь одной мыслью, одним желанием: увидеть воочию все эти памятники грузинской старины и попытаться сберечь, сохранить их. При этом где-то в глубине теплилась надежда: я — не женщина, а потому у меня хотя бы теоретически есть шанс осуществить мечту.

Гаата Нацвлишвили. Аргонавтика Автандила Микаберидзе.

Уверен, не один я так думал, каждый истинный грузин, посмотревший этот фильм, мечтал о том же. Мечте одних из них — Автандила Микаберидзе — суждено было сбыться, к тому же всего через пару лет...

Кое-какую информацию об ивиронской библиотеке нам оставили Тимотэ Габашвили, Платон Иоселиани, Александре Цагарели, Александре Хаханашвили, Нико Марр и другие, кто посетил Афон в прошлом столетии и в начале нынешнего века. А в 1932 году в Париже был издан труд американского картвелолога, профессора Гарвардского университета Роберта Блейка, в котором наиболее полно описана уникальнейшая и богатейшая коллекция ивиронского книгохранилища. Судя по этому каталогу, в Иверском монастыре на Афоне хранится всего 86 грузинских рукописей. В разное время разными путями (в основном с помощью зарубежных византологических центров) удалось заполучить микрофильмы 14 рукописей. Остальные же по сей день были неизвестны грузинской общественности.

Директор Института рукописей АН ГССР, профессор Елена Метревели: «Грузинские ученые давно мечтали об этих рукописях, ибо очень трудно изучить в совершенстве грузинскую культуру без Афона. По своему значению приобретение этих микрофильмов приравнивается к событию 1956 года, когда фундаментальная библиотека Академии наук Грузии купила у библиотеки Конгресса в Вашингтоне микрофильмы коллекций грузинских рукописей, хранящихся на Синае и в Иерусалиме».

Таким образом, сегодня в Тбилиси хранятся почти все известные грузинские рукописи, кроме около тридцати иерусалимских рукописей. В библиотеке Конгресса в Вашингтоне в свое время их не оказалось по той причине, что они относятся к более позднему периоду*. Нет в Тбилиси и тех, видимо, грузинских рукописей, которые были обнаружены на Синае года два назад и достоверной информации о которых до последнего времени не было.

— Кроме них существуют и другие грузинские рукописи,

* 17—20 сентября 1981 года в Тбилиси с официальным визитом находился Его святейшество патриарх Иерусалимский и всея Палестины Диодорос I (Каривалис); знакомясь в Институте рукописей имени Корнелия Кекелидзе с древнейшими грузинскими рукописями, Его святейшество обещал директору института профессору Елене Метревели микрофильмы доселе неизвестных нам рукописей, хранящихся в иерусалимском Крестовом монастыре (примечание автора).

которые хранятся в различных афонских монастырях, — рассказывает Автандил Микаберидзе. — В Афанасьевской лавре обнаружено одно из песнопений богородицы, которое сами греки датируют XV веком. Об этой рукописи никто у нас не знает, и в твоей статье будет первая информация о ней. В Ставроникиите хранятся 35 печатных грузинских книг XVIII—XIX веков, некоторые из них являются библиографической редкостью (в Ставроникиите живет один мой знакомый — отец Василиос Гроламунд, швейцарец, который отрекся от католичества и за это был изгнан родителями из отчего дома. Он-то и сказал мне, что в его монастыре есть книги, которые могут оказаться и грузинскими). В болгарском монастыре — Зографу я обнаружил одну книгу и два фрагмента рукописей X—XII веков. Кстати, о них тоже никто не знал. Что касается русского монастыря — Русикона, то его библиотека не описана. Но, как говорят, там хранится много старинных раритетов и можно предположить, что есть там и грузинские книги.

Между прочим, русские советские филологи и историки пока не могут проникнуть в книгохранилище Русикона, хотя там живут и работают двадцать пять монахов из нашей страны. На фоне этого факта еще более ценным кажется все то, что сделал Автандил Микаберидзе...

Как-то один приятель сказал мне, и так, наверное, думают многие, что Автандилу повезло, что на его месте мог оказаться кто-либо другой. Да, мог оказаться. Да, повезло. Однако не следует забывать и того, что и другим повезло, начиная с Христофора Колумба и коччая Александром Флемингом и Юрием Гагариным! Но разве это умаляет их имя и заслуги?!

* * *

Хорошо помню первое сентября 1970 года. Я был уже на втором курсе и, чего греха таить, свысока поглядывал на первокурсников, которых в тот день торжественно посвящали в студенты. На празднике с речью выступили представитель первого поколения студентов Тбилисского университета академик Шалва Амиранашвили, академик Георгий Ахвледиани, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Натела Лагидзе и наконец слово было предоставлено новичку — студенту первого курса филологического факультета Автандилу Микаберидзе.

Уже в ту пору Автандил Микаберидзе заявил о себе как серьезный, усердный студент, который абсолютно четко знал и

Паата Нацвлишвили. Аргонавтика Автандила Микаберидзе.

свое призвание, и свою цель. Это в один голос отмечали его профессора: Симон Каухчишвили, Акакий Урушадзе, Леван Менабде. Это в один голос признавали и студенты — его ровесники.

Вскоре мы подружились. Окружающие находили в нас внешнее сходство и многие принимали за братьев. Хорошо помню комнату, которую Авто снимал на проспекте Руставели, — крохотную, тесную, мышке не разбежаться, и тем не менее вмещавшую невероятное множество книг. Мы могли сидеть и часами беседовать. Разговор наш был обычный: по-дружески откровенный и по-студенчески всеобъемлющий. Естественно, много говорили и о планах на будущее. В общих чертах оба знали, к чему стремились, а потому искали пути для осуществления своих замыслов.

С тех пор прошло целых десять лет. Мы остались друзьями, хотя, случалось, минет год, и ни разу не увидимся. В 1972 году Автандила как отличника учебы и перспективного исследователя послали для продолжения учебы в ГДР. В Йенском университете имени Фридриха Шиллера под руководством профессоров Фридмара Кюнерта (латинистика), Гюнтера Шмидта (гречистика) и других он изучал классическую филологию, классическую историю, классическую археологию и германистику.

«Я познакомился в общих чертах с немецкой филологической школой — наверное, лучшей в Европе. Современная филология, я думаю, точная наука. Во всяком случае, она очень сблизилась с математикой. Сегодня в филологии уже используются математические методы и, представьте себе, даже вычислительные машины. А это ставит перед квалифицированным филологом новые сложные задачи. Канули те времена, когда ученого кроме своей области ничего не интересовало. Сегодня невозможно автономное развитие какой-либо одной области науки, исследователь должен хорошо знать смежные дисциплины, если, конечно, он хочет добиться в своем деле серьезных успехов. Первейшим обязательным свойством ученого, независимо от страны и эпохи, мне видится объективность. Плюс ко всему ученый должен быть деятелем, к тому же национальным деятелем».

В 1976 году, по окончании полного курса Йенского университета, Авто вернулся в Грузию и активно подключился к научной жизни Тбилисского университета. Потом Авто сдал предметы, предусмотренные кандидатским минимумом, и стал работать над диссертацией. Темой исследования он избрал позднеантичные литературные источники сказания об аргонавтах, и по ходу работы над ней в начале 1979 года ему пришлось еще раз побывать

в Йене. Именно здесь он получил известие, которое хоть и приостановило его работу над диссертацией, но изменило планы Автандила отнюдь не в худшую сторону: ему предложили любить свои знания в Афинском университете. Грузинский школяр на время прекратил изучение позднеантичных литературных источников мифа об аргонавтах, чтобы самому стать аргонавтом. Только вот в отличие от аргонавтов из Эллады, прибывших за золотым руном в Колхиду, их грузинский преемник спустя тысячелетия проделал обратный путь — из Колхиды в Элладу.

...«Был полдень 13 марта. Самолет вылетел из Софии, и через каких-то сорок минут показались расчлененные контуры Греции. Подо мной были Афины, Акрополь, Коринф, Дельфы... Все то, что было мне столь близко и дорого и так далеко от меня. У меня появилось непреодолимое желание поделиться с кем-либо своей радостью, своими переживаниями. Рядом со мной сидел грек. Я напряг память, чтобы вспомнить выученные в пору студенчества слова, и кое-как составил фразу на древнегреческом языке. Сосед, со своей стороны, подсказал новогреческие слова, и я с грехом пополам объяснил ему, что все это для меня было сбывшимся сном».

* * *

Разве мог мечтать об этом десятилетний зестафонский мальчуган, читая впервые миф о походе аргонавтов! (Любимейшей книгой Авто в детстве были «Эллинские мифы», пересказанные его однофамильцем — Александром Микаберидзе.) Литературу он полюбил благодаря родителям — директору Зестафонского филиала Республиканского архива Важа Микаберидзе и учительнице грузинского языка и литературы зестафонской второй средней школы Маргарите Микаберидзе. Да и с педагогом ему повезло: грузинский язык и литературу в зестафонской четвертой школе преподавала Фати Дадиани.

**«На далеком на Афоне
Много гор стоит крутых,
У одной горы на склоне
Много храмов золотых.
Славою святой богата,
Лавра там возведена.
Афанасием когда-то
Строена была она»*.**

* Перевод С. Спасского.

Зубрил шестиклавишник эти строки из «Торнике Эристави», но Афон для него был лишь Руританией — какой-то нереальной, вымышленной литературной страной. Уже позже, в годы пребывания в университете, Афон в его восприятии постепенно обретал конкретное историческое и географическое лицо, и в конце концов республика монахов со своим Иверским монастырем и Афанасьевской лаврой стала для него очень близким, родным местом. Здесь были знакомы ему каждое здание и каждая тропинка, сюда можно было прийти в любое время, если, конечно, не полениться (то есть как это полениться!) и преодолеть путь от Афин до Афона — около семисот километров, проездом через Салоники и Уранополис, сначала на автобусе, затем на катере.

Руководство нашей республики поставило перед молодым грузинским ученым задачу: помимо учебы он должен был ознакомиться с хранящимися в греческих музеях и архивах грузинскими памятниками старины, выяснить возможность микрофильмирования грузинских рукописей Иверского монастыря и подготовить почву для этого. (О том, чтобы привезти сами рукописи в Грузию, и речи не могло быть: не говоря уж о чрезвычайном статусе Афона и ретроградстве тамошних монахов, согласно действующим международным правилам все памятники старины остаются в той стране, где они находятся.) Автандил Микаберидзе несколько раз был на Афоне, встречался с его губернатором — профессором Салоникского университета Димитриосом Цамисом, познакомился с ивиронскими монахами, более того — заслужил их доверие и уважение и сумел составить подробный перечень грузинской библиотеки. К счастью, все известные 86 рукописей, более или менее сохранившиеся, оказались на месте. К ним прибавилось и то, 87-е, с чеканной обложкой евангелие.

...«Сначала надо было завоевать доверие монахов. Поэтому в первые три приезда я почти не выказывал особого интереса к библиотеке. Рассказывал хозяевам о Грузии, помогал им разобрататься в их же прошлом, пересказывал историю строительства их монастыря, дарил им интересующие их книги... Но на меня здесь еще долго смотрели с недоверием. В полдень, когда монахи отдыхали, меня запирали в библиотеке. Часами сидел я в хлоде, но несмотря ни на что эти минуты наедине с грузинскими рукописями были лучшими в моей жизни».

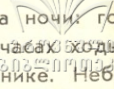
Наверное, не надо обладать чрезмерной фантазией, чтобы представить себе, с каким чувством, с каким трепетным волнением брал он в руки каждую книгу, к которой в свое время, целых девять веков назад, прикасались известные афонские деятели!

...«Иногда меня охватывал страх. Я боялся, что не смогу привезти в Грузию хотя бы исчерпывающую техническую информацию. Но постепенно монахи прониклись ко мне уважением. Особенно ивиронский игумен по фамилии Лазос, которому я объяснил, что, возможно, его фамилия лазского, а посему — грузинского происхождения. Он этим очень гордился. Под конец монахи мне всячески помогали. А в помощи я и впрямь нуждался. Один я не справлялся. Уточняя соответствие рукописей каталогам, я стремился максимально использовать время и страницу за страницей очищал манускрипты от пыли и плесени. При этом каждый из них в целях профилактики я обрабатывал самым безвредным химическим раствором; пользоваться им меня научили специалисты, к которым я обратился за консультацией. Многие рукописи были в таком плачевном состоянии, что даже фотографы говорили мне: «Это последние снимки этих книг». В особенно тяжелом состоянии — рукопись «Блейк-6». Со своей стороны я сделал все, что мог».

Неделями жил Автандил Микаберидзе на Афоне, в одной из келий Иверского монастыря, наравне с хозяевами делил их горе и радости, нехитрую трапезу, работал вместе с ними и, как и они, грелся у камина долгими зимними вечерами. Одновременно готовил рукописи к микрофильмированию. Монахи, конечно, даже ненадолго не захотели расстаться с рукописями, а микрофильмирование на Афоне было связано с большими затратами и техническими сложностями. Хотя бы потому, что здесь нет электричества. Но разве Автандил и впрямь был аргонавтом или одиноким кладоискателем?! Он постоянно ощущал практическую помощь со стороны руководства нашей республики. В конце 1980 года в двухмесячную специальную командировку в Грецию был послан Гурам Патарая, который привез с собой нужную сумму, и вскоре дело наконец увенчалось успехом.

В одну из келий Ивирона, именно в ту, где жил Авто, провели газовое освещение и устроили там самое настоящее фотоателье. Затем были наняты фотографы; арендовали и машину, на которой в Афины возили проявлять отснятые пленки.

...«Я решительно против привнесения во всю эту историю какого-либо детективного или приключенческого элемента. И тем не менее хочу рассказать тебе один эпизод. Тот день — 6 января — мне не забыть никогда. Позади остались все препятствия. Отснято около 36 тысяч кадров. Большая часть их уже в Афинах. А последние пленки лежат у меня в сумке, и завтра мне

уже пора покидать Афон. Меня разбудили в три часа ночи, горел один из монастырей — Кутлумусиу, в полутора часах ходьбы от Ивирона. Поднялась суматоха, все были в панике. Небо над Афоном закрыли вертолеты. Честно говоря, я испугался, а вдруг выезд с Афона усложнится и мне не позволят вывезти микрофильмы! (Поди и объясни, что это за пленки. На Афоне нельзя снимать фильм — и точка!) До этого меня никогда не проверяли, у меня был годичный пропуск. Увидев печать на пропуске, афонские таможенники более ничем не интересовались. Многие из них и не знали, что я иностранец. Но сейчас? К тому же погода была жуткая. Свинцовые волны с глухим стоном обрушивались на ивиронский берег. Вспомнилось ужасающее и вместе с тем поэтическое описание разбушевавшейся стихии у Георгия Атонели. Вдруг море успокоилось, что крайне редко случается в это время года на западном побережье Афона. К моему изумлению, показался и катер. Празда, направлялся он в Иерисо, тогда как машину я оставил в Уранополисе, и предстояло возвращаться назад. Но это уже не имело значения. Из Иерисо я автостопом добрался до Уранополиса. Ценнейшие пленки были фактически у меня за пазухой. На своем «рено» я взял курс на Салоники. Это та голубая машина на слайде, помнишь? Я и сейчас помню ее номер: Z 3634.

На ней я возил фотографов из Афин в Уранополис. И отснятые пленки я по частям возил в Афины на этой же машине. При этом я предусмотрительно брал каждый раз справку у монахов, заверенную печатью монастыря, удостоверяющую, что я якобы по просьбе греков провожу опись книг в Ивироне и фотографирую некоторые образцы рукописей. 700 километров пути в одиночестве — занятие не из легких. Пару раз со мной до Уранополиса ездил Гурам, но, к сожалению, он не умеет водить машину... Когда я ездил один, то всю дорогу разговаривал с самим собой, кричал, пел. Да что я только не делал, чтобы не уснуть... Но разве мог я заснуть за баранкой в тот день! Ехал я, а вдогонку мне летели снежные хлопья. Разыгралась страшная вьюга. Машину то и дело заносило, я с трудом справлялся с рулем. В пути я несколько раз звонил Гураму (он в это время сидел в одной из афинских гостиниц и переживал за меня). Я-то ему говорил, что все в порядке, но дела обстояли далеко не так! В Салониках я заскочил к одному знакомому, которому оставил накануне несколько пленок, и, забрав все, продолжил путь. Торопился, боялся, что перекроют дороги. Выехав в шесть утра, я лишь к двум часам ночи добрался до Афин. Голодный, уставший, продрогший... В ту ночь выпало столько снега, что наутро

закрылись все дороги, и в течение двух последующих недель вся Греция была парализована...»

1
06.03.53
302201033

А 21 марта того же года на большом ученом совете Тбилисского государственного университета заместитель Председателя Совета Министров Грузинской ССР Отар Черкезия торжественно передал микрофильмы афонских рукописей научной библиотеке университета. Сегодня копии этих микрофильмов хранятся также в Институте рукописей и фундаментальной библиотеке Академии наук Грузии.

Приобретение этих микрофильмов сыграло немаловажную роль в процессе возвращения на родину памятников старины и сокровищ грузинского народа, начало которому было положено 11 апреля 1945 года, когда после длительного перелета (Париж—Марсель—Рим—Бенгази—Каир—Тегеран—Тбилиси) на Тбилисском аэродроме приземлился самолет и 82-летний Эквтиме Такашвили сокровища народа возвратил народу.

* * *

Будучи на учебе в Греции, Автандил Микаберидзе заинтересовался византийской культурой и византийско-грузинскими культурными взаимосвязями. Этому, видимо, способствовало и то, что в Афинах его профессорами были известные византологи: Леандрос Вранусис (поздневизантийская культура), Власиос Флидас (византийская археология) и Паулос Милнас (византийская архитектура).

«В Греции моя исследовательская работа получила новое направление. Я имел возможность познакомиться с греческой культурой средневековья и изучить современный греческий язык. Сегодня я в основном занят обработкой той информации, которую получил в течение двух последних лет, когда мне посчастливилось познакомиться с теми значительнейшими памятниками и источниками, о которых зачастую тщетно мечтают всю свою жизнь филологи. В будущем я, наверное, специализируюсь на позднеантичной и раннехристианской эпохе и буду параллельно работать над проблемами грецистики, современной греческой культуры и языка. Видимо, займусь и византийско-грузинскими взаимоотношениями, которые представляют большой интерес для обеих сторон. Ибо в течение многих веков наши культуры развивались параллельно и у нас много точек соприкосновения. Греческая культура достойна того, чтобы мы о ней знали лучше. С другой стороны, бы-

ло бы хорошо, если бы и в Греции пожелали ближе познакомиться с нами. Между прочим, греческие ученые заинтересованы в этом, поскольку, говоря их же словами, мы, грузины, единственная нация в христианском мире, к которой греки не имеют никаких претензий».

Одним словом, работа над исследованием позднеантичных литературных источников мифа об аргонавтах вновь застопорилась («Ни одного слова не смог прибавить к написанной части диссертации»...) Зато Авто продолжил свою собственную аргонавтику и даже сумел несколько расширить ее традиционный географический ареал. Ему представилась возможность познакомиться с памятниками Ближнего Востока — Сирии и Палестины. С особым интересом, естественно, осматривал он грузинские памятники. Во время этого путешествия Автандил Микаберидзе познакомился со многими известными учеными, со многими истинными друзьями и радетелями грузинской культуры.

«В Иерусалиме я встретился с профессором Вильнай, которого знал до этого лишь по книгам».

Авто познакомили также с известным итальянским археологом Вирджилио Корбо. С тем самым Вирджилио Корбо, который в 1953 году (в год рождения Авто) обнаружил в Иорданской пустыне древнейшую грузинскую надпись, датированную академиком Георгием Церетели 433 годом и опережающую на целых 59 лет считавшуюся дотоле древнейшей болнисскую надпись.

Авто показывает мне цветное фото, снятое на берегу Тиберийского моря, на котором вместе с другими запечатлен и Вирджилио Корбо. Должен заметить, что рассматривать цветные снимки и слайды, снятые Автандилом Микаберидзе, — огромное удовольствие. Вот Ивирон, а вот — Крестовый монастырь в Иерусалиме, Афины, Сирия, Турция, Италия... Он заснял на пленку все свои путешествия и, могу утверждать со всей ответственностью, сделал это с высоким профессиональным мастерством.

В октябре 1980 года Автандил Микаберидзе по собственной инициативе, на собственные средства и при поддержке посольства СССР в Греции поехал в Италию, чтобы принять участие во втором международном симпозиуме, посвященном грузинской культуре, который проводился в итальянских городах Бари и Лече.

«Для меня этот симпозиум имел большое значение: я познакомился с вопросами истории искусства, установил личные контакты с учеными мирового значения...»

А через год молодой грузинский ученый сам был среди инициаторов одного весьма интересного симпозиума.

Академик Вахтанг Беридзе: «В июле на острове Патмос Греции по инициативе Патмосской культурной ассоциации проходил научный симпозиум на тему: «Взаимосвязи византийского и средневекового грузинского искусств». Хотя из Грузии были приглашены 25 человек, на симпозиуме наша делегация была представлена в составе восьми ученых. Я не считаю Автандила Микаберидзе, который был здесь скорее в роли хозяина. Он выступил с весьма интересным докладом об отдельных мало известных моментах из истории грузино-греческих культурных контактов. Надо отметить, что свой доклад он сделал на греческом языке».

«Остров Патмос славится тем, что именно здесь был написан известный теологический и философский трактат — «Апокалипсис». В первой части своего доклада я говорил о взаимосвязях между островом Патмос и Грузией. Согласно одной грамоте (между прочим, копия этого документа есть и в Грузии, но на нее почему-то никто не обратил внимания), Теймураз I, оказывается, пожертвовал Патмосскому монастырю, который был основан в 1088 году, одну кахетинскую деревню (по-гречески название ее звучит так — Меснаари, но я до сих пор не смог установить, какая именно деревня имеется в виду) вместе с монастырем Иоанна Богослова. Так что Патмос имел свои поместья (метох — по-гречески) в Кахети. Слово «метох» тоже представляет для нас интерес. Не знаю, существует ли такая научная гипотеза, но думаю, что грузинское «Метехи» происходит именно от этого корня. Вторую часть выступления я посвятил значению грузинских рукописей Иверского монастыря в деле изучения истории греческой культуры. В частности, согласно данным одной из этих рукописей на два века назад была передвинута дата создания одного греческого апокрифа, что, безусловно, было весьма интересной и приятной новостью для греческих ученых. Все это я сделал с целью: если отныне греческие ученые встретят где-нибудь грузинские рукописи, исходя из собственных же интересов (среди них нет знающих грузинский язык) они не умолчат и сообщат нам об этом факте. Результаты моего выступления не заставили себя ждать: академик Манолис Хадзидакис официально заявил, что в новых рукописях, найденных на Синае, есть и несколько грузинских...»

Не так давно на имя ректора Тбилисского государственного университета академика Важа Окуджава пришло письмо, в кото-

ром президент Патмосской культурной ассоциации Кириакос Лякопулос и генеральный секретарь этой ассоциации Мелко Фотиадес пишут:

«Господин ректор! Административный совет культурной ассоциации Патмоса выражает сердечную благодарность сотруднику Вашего университета господину Автандилу Микаберидзе за тот большой вклад, который он внес в организацию и проведение первого греко-грузинского конгресса.

Помощь и поддержка А. Микаберидзе как члена организационного комитета конгресса во многом способствовали успешному проведению конференции историков искусства.

И его доклад на конгрессе, в работе которого принимали участие видные ученые, академики и профессора, был воспринят с большим интересом, поскольку эта научная работа вносит значительный вклад в углубление исследований грузино-греческих культурных взаимосвязей.

Административный совет культурной ассоциации Патмоса считает целесообразным, чтобы А. Микаберидзе продолжил в Греции свою историко-литературную поисково-исследовательскую работу в мало известных по сей день сферах, которая представляет большой интерес как для грузинских, так и для греческих ученых и значение которой было особо отмечено на конгрессе».

* * *

Авто продлили стипендию, и в конце сентября прошлого года он вновь отправился в Грецию. Из Афин молодого грузинского ученого на несколько дней пригласили в Австрию, где в октябре проходил очередной международный конгресс византологов.

Сегодня у Автандила Микаберидзе новые планы, новые задачи. Он надеется обнаружить грузинские памятники старины и на Афоне, и в Афинах. Вероятно, возвратится он и к позднеантичным источникам аргонавтики и завершит в скором будущем работу над диссертацией. А в общем-то торопиться некуда: Автандилу Микаберидзе всего 29 лет.

ИСТОРИЯ связи, которая всегда являлась составной частью истории современного общества и его материальной культуры, привлекает все большее внимание специалистов разных отраслей народного хозяйства.

Большое социальное, экономическое и политическое значение имел факт строительства в прошлом веке телеграфной линии между Тифлисом и Ставрополем, обеспечивающей соединение Закавказской телеграфной сети с телеграфной сетью России и не имевшей себе равных в истории телеграфной связи России в смысле труднейших географических условий.

В начале 1855 года в России был принят проект «Положения о приеме и передаче телеграфных депеш по электромагнитному телеграфу». Официальным началом работы телеграфной связи в России можно считать 15 апреля 1855 года — день открытия магистрали Петербург — Москва.

Рост числа промышленных предприятий, строительство железных дорог и освоение дальних окраин обусловили широкое развитие телеграфной связи в России. И телеграфная линия от Москвы протянулась на юг.

В 1855 году телеграммы от Москвы шли на Довск, Киев, Кременчуг, Николаев, Одессу. Затем к николаевской телеграфной станции подключили херсонскую телеграфную станцию, а в 1859 году началось

Андре КАРБЕЛАШВИЛИ

ГРИГОЛ ОРБЕЛИАНИ И ПЕРВЫЕ ЭЛЕКТРОНЫ ЧЕРЕЗ КАВКАСИОНИ

строительство телеграфной линии от Херсона и побережья Азовского моря к Ростову-на-Дону. Строительство было завершено в том же году. К ростовскому телеграфу подключили Новочеркасск.

Затем местные власти Кавказа должны были позаботиться о том, чтобы к Новочеркасску присоединить телеграфную связь со Ставрополем, Пятигорском, Владикавказом, Тифлисом.

Первый документ, сохранившийся в Центральном государственном историческом архиве Грузии (Тбилиси), касающийся строительства телеграфа от Тифлиса на север, датирован 27 марта 1861 года. Это докладная записка инженера-поручика VIII округа путей сообщения Н. Постельникова начальнику этого округа генерал-майору Албранду о проекте строительства телеграфной связи между Тифлисом и Владикавказом.

Содержание доклада Н. Постельникова было доложено командующему Кавказской армией генерал-адъютанту Григолу Орбелиани (в этот период выдающийся поэт Грузии XIX века исполнял обязанности командующего Кавказской армией).

Орбелиани заинтересовался вопросом строительства телеграфа Тифлис — Владикавказ и немедленно вызвал к себе инженера-поручика Н. Постельникова, который еще раньше, в 1859 году, при его содействии был командирован в Петербург для изучения телеграфного дела.

Именно по инициативе Григола Орбелиани в 1860 году была введена в эксплуатацию первая на Кавказе телеграфная линия Тифлис — Кутаиси — Поты (с разветвлением на Боржом).

Григол Орбелиани понимал,

что если телеграфную линию из Тифлиса довести до Ставрополя, то отсюда совсем недалеко было бы до Новочеркаска, уже имевшего телеграфную связь с Москвой через Ростов-на-Дону. Именно поэтому он считал необходимым не только построить телеграф через Кавкасион, но и протянуть его до Ставрополя.

«Тысяча восемьсот шестьдесят второго года, марта второго дня на основании распоряжений Командующего Кавказской Армии генерал-адъютанта князя Орбелиани, от 28 февраля сего года за № 328, я, нижеподписавшийся Пруско-подданный инженер-механик Вальтер Сименс, заключил сей контракт с правлением VIII округа путей сообщения на устройство собственными капиталами телеграфной линии от Тифлиса через Владикавказ, Нальчик и Пятигорск до Ставрополя с 5 станциями и двумя наблюдательными постами от Коби и Квешет...» — так начинается контракт на строительство телеграфа между Тифлисом и Ставрополем. Контракт состоял из 17 пунктов.

Стоимость строительства телеграфа была определена суммой в 213.750 рублей. Согласно контракту, телеграфную линию от Тифлиса до Ставрополя должны были ввести в эксплуатацию в течение 9, а между Тифлисом и Владикавказом — 6 месяцев.

Развитие города Тифлиса, его все возрастающая роль в экономической и политической жизни Грузии и Закавказья настоятельно требовали установления телеграфной связи между Тифлисом и Москвой.

Предстоящее строительство телеграфной линии от Тифлиса на север вызвало огромный интерес грузинской обществен-

ности, вполне сознававшей значение и пользу нового вида связи для торговли и прогресса. Посредством телеграфа Тифлис оказался бы связанным не только с огромной территорией России, но и со столицами других государств Европы, так как к этому периоду Москва с ними уже обменивалась телеграммами.

Узнав о предстоящем строительстве телеграфа Тифлис — Владикавказ — Ставрополь, жители города Душети собрали 400 рублей серебром и обратились к местным властям с просьбой устроить телеграфную станцию в их городе. Одновременно жители обещали выделить бесплатное помещение для телеграфной станции и соответственно его оборудовать. Надобность в телеграфной связи жители обосновывали торговыми отношениями с городами Кавказа и России. Просьба жителей города Душети была удовлетворена Григолом Орбелиани.

Строительство телеграфа Тифлис — Владикавказ было намечено закончить в октябре 1862 года.

28 октября 1862 года первыми телеграммами обменялись Тифлис и Владикавказ. Была преодолена сложнейшая трасса на хребте Кавкасиони; что было большим достижением строителей, которым ощутимую помощь оказывало местное население. Григол Орбелиани лично поздравил всех строителей.

Газета «Кавказ» (№ 1 1863 г.) писала: «По вновь устраиваемой телеграфной линии от Тифлиса до Ставрополя сообщение открыто на пространстве от Тифлиса до Пятигорска».

Журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), кото-

рый редактировал выдающийся грузинский писатель и мыслитель И. Чавчавадзе, писал в январе 1863 г.: «В этом году закончена подвеска линий между Тифлисом и Ставрополем. Говорят, что в этом году закончат подвеску проводов до Ростова, который уже связан телеграфом со всеми столицами всех государств Европы. Это будет полезно для нашей страны, поскольку телеграф ускорит передачу сообщений, что очень важно, особенно для торговых дел».

А в газете «Кавказ» (№ 9 1863 г.) читаем следующее: «Иней и лед, образующийся от сильных туманов, господствующих на перевалах Главного Кавказского хребта и в долинах Кабарды, неоднократно прекращали в нынешнюю зиму едва устроенное сообщение между Тифлисом и Ставрополем. Иней, осаждаясь на проволоке, покрывал ее столь толстым слоем (до 3-х и более дюймов в диаметре), что она от тяжести разрывалась и вырывала или ломала толстые железные крючья изоляторов. Исправления этих повреждений хотя и представляли каждый раз больше затруднений по случаю глубоких снегов, сильных морозов, метелей и малолюдности края, тем не менее они исправлялись быстро и продолжительных остановок в действии телеграфа не было благодаря распорядительности начальников телеграфных станций, немедленно высылавших ревизоров для взаимных встреч и содействия местным властям по распоряжению высшего начальства края».

Как только первыми телеграммами обменялись Тифлис и Ставрополь, Гр. Орбелиани ставит вопрос об организации

конной эстафеты между Ставрополем и Новочеркасском (ведь к этому времени Новочеркасск уже имел телеграфную связь с Москвой).

Телеграмму, посланную из Тифлиса в Москву, принимала Ставропольская телеграфная станция. Отсюда она передавалась в Новочеркасск одноконной эстафетой, а затем по электрическому телеграфу — в Москву.

Одноконная эстафета между Ставрополем и Новочеркасском сильно замедляла и повышала стоимость телеграмм из Тифлиса в Москву.

Предвидя возможное начало военных действий на Кавказе, «его императорское величество» сумел оценить всю важность телеграфной связи между Петербургом и Тифлисом через Москву. Он писал начальнику Главного управления путей сообщения генерал-адъютанту В. Чевкину в апреле 1863 г.:

«Исходя из политического положения, что заставляет опасаться возможного столкновения с иностранными государствами, прямая телеграфная связь между Тифлисом и Петербургом становится весьма необходимой, и поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: не сочтете ли Вы возможным ускорить строительство вышеозначенной линии», — говорится в письме.

12 июля 1863 года первыми телеграммами обменялись Ставрополь и Новочеркасск, что дало возможность установить телеграфную связь с Тифлисом и Москвой¹.

После соединения Кавказской телеграфной сети с Новочеркасском стоимость телеграмм из Тифлиса в Москву

уменьшилась в три раза. Позже, 15 сентября 1866 года, была введена в эксплуатацию и телеграфная линия Ставрополь — Екатеринодар — Керчь. Таким образом, кавказская телеграфная сеть в двух местах соединяется с русской телеграфной сетью.

По этому поводу газета «Кавказ» сообщала: «В Санкт-Петербургских ведомостях напечатано: между Петербургом и Тифлисом открыто телеграфное сообщение. Редакция газеты «Кавказ» (№ 67 1863 г.) с удовольствием может сообщить своим постоянным читателям, что ныне будут напечатаны все важные новости, получаемые по телеграфу из Петербурга. Таким образом, наши читатели будут знать их восьмью и девятью днями раньше получения экстра-почтой газеты. По соединении Тифлиса электрической проволокой с Тавризом и Тегераном мы будем иметь возможность получать телеграммы и из этих важных пунктов Востока».

Установленная телеграфная связь между Москвой и Тифлисом имела многостороннее значение. Ввод нового телеграфа создавал предпосылки для бурной торговой деятельности, газеты получили возможность оперировать самыми свежими фактами.

Выдающийся грузинский поэт, командующий Кавказской армией Григорий Орбелиани был инициатором установления первой телеграфной связи между Россией и Грузией. Тем самым он осуществил желание грузинского народа еще более сблизиться с русским и помимо Военно - Грузинской дороги иметь еще одно средство для обмена сообщениями с городами России.

¹ «Кавказский календарь». 1865, с. 45.

В НЫНЕШНЕМ году прекрасному русскому писателю, патриарху русской советской детской литературы Корнею Чуковскому исполнилось бы 100 лет. Мы с Корнеем Чуковским были добрыми друзьями. С ним меня связывает множество приятных воспоминаний, и мне хотелось бы поделиться с читателями малой толикой того, что воскрешает в памяти те давно ушедшие дни.

В 1940 году в качестве делегата из Грузии я принимал участие в работе одного из пленумов ЦК ВЛКСМ, проходившего в Москве.

Был январь. Снег валил хлопьями. На пленуме царило праздничное настроение — то был замечательный форум девушек и юношей всех национальностей.

Для выступающих был определен регламент 15 минут, мне же дали говорить больше. Превышение регламента объяснялось тем, что я расширил тему своего выступления: «Грузинская детская литература», и это вызвало интерес у слушателей, в передних рядах которых, равно как и в президиуме, сидели известные русские детские писатели, произведения которых уже хорошо знали в Грузии. Среди них был и Корней Чуковский, и о нем я поведал аудитории следующую историю:

С осушением болот Колхидской низменности прибавились тысячи гектаров новых земель. На этих новых землях возникла новая жизнь: выросли колхозы, были построены школы, больницы, дома культуры. Мы, грузинские писатели, были частыми гостями у новоселов и, разуме-

РОДИОН КОРКИЯ

**КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ
ПИШЕТ В ГРУЗИЮ...**

ется, посещали школы. Каково же было наше удивление и радость, когда в коратской сельской школе грузинские ребяташки по-русски прочли нам наизусть сказки и стихи Корнея Чуковского. Одна девчушка с таким увлечением декламировала эти стихи, что поэтесса Мариджан не утерпела, поднялась на сцену и расцеловала маленькую чтицу. По выступлениям юных декламаторов чувствовалось, что они не просто заучили наизусть почти непонятные им русские стихи, но, напротив, хорошо понимали каждое слово, динамику сюжета, ритм стиха. Блестящая простота поэтического языка Чуковского привлекала грузинских детей, она радовала их и как бы помогала войти в контакт с писателем.

Творчество Чуковского преодолело национальный барьер и принесло радость в грузинскую семью, школу, грузинским детям.

Рассказанный факт — это только один конкретный пример! Благотворное влияние поэзии Чуковского было велико повсюду.

Свое выступление я закончил, сказав, что грузинские пионеры и комсомольцы хорошо знают творчество Корнея Чуковского и считают его своим другом. Эти слова аудитория встретила аплодисментами.

На этом пленуме мы и подружился с Корнеем Чуковским.

Произведения Корнея Чуковского широко распространялись в Грузии; разные поколения с величайшим удовольствием читали и запоминали наизусть его веселые, жизнерадостные стихи и поэмы, сказочные, невероятные, но принимаемые сердцем, что, несомненно, объясняется большим талантом писателя и его любовью к людям. Его стихи и сказ-

ки заставляли каждого сопереживать и чужому горю и радости. Этим Чуковский достигал великой цели — сеял высокую человечность в сердцах представителей подрастающего поколения, учил дружить, трудиться, быть преданными и верными, помогать угнетенным, выступать против угнетателей.

В Тбилиси живет семья моих друзей — врач Нана Лорткипанидзе и инженер Василий Васадзе. В то время, к которому относится это воспоминание, их сыну Дато было всего три года. Это был способный ребенок, с прекрасной памятью. Он рано стал запоминать стихи, рано полюбил и Чуковского. Когда я бывал у них в гостях, Дато всегда выносил книгу Чуковского и, переворачивая страницы (хотя читать он не умел), наизусть щебетал его произведения. Однажды я рассказал об этом мальчишке Чуковскому. Он попросил у меня адрес этой семьи: «Напишу-ка я письмо этому Дато, хочу с ним подружиться». Действительно, вскоре семья Васадзе получила письмо от Чуковского. Радость была велика. Я тоже радовался, понятно почему — эта открытка была залогом дружбы Корнея Чуковского еще с одной грузинской семьей.

С тех пор прошло много лет. Нет уже с нами Корнея Чуковского, но в семье возмужавшего Дато как реликвия хранится его письмо. Вместе с письмом хранится и память о Чуковском. Память о любимейшем детском писателе хранится во многих грузинских семьях.

Я рассказал все это для того, чтобы читатели еще раз вспомнили свое детство, своего любимого «Мойдодыра» и многие другие книжки Чуковского и научили своих детей любить его доброе творчество.

ВО МНОГИХ спектаклях, поставленных в последнее время, мы увидели наших современников, людей сильных и деятельных. Среди них особенно интересен Бачана Рамишвили. Это человек творческого склада. Герой грузинского писателя, лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе, он стал и героем ленинградской сцены.

Давняя творческая дружба связывает с Нодаром Думбадзе режиссера Рубена Агамирзяна. В Театре имени В. Ф. Комиссаржевской с успехом шли и идут спектакли по произведениям этого автора — «Не беспокойся, мама», «Если бы небо было зеркалом».

И вот теперь — спектакль «Возвращение к жизни». В его основу лег роман Н. Думбадзе «Закон вечности», но включены также и отдельные эпизоды из другого его произведения — «Солнечная ночь».

Непосредственное действие ограничено стенами палаты, где лежит Бачана Рамишвили и рядом с ним еще двое, как и он, перенесших инфаркт.

Герой в больничной палате. За окном весна. Цветет черешня. А выше — скалистые горы, на которых блики восходящего, дневного или закатного солнца — как знаки движущегося времени (художник — Р. Акопов).

Белый холст — это и занавес на огромном, светлом окне больницы. Но он ассоциируется и с брезентом походной палатки армейского госпиталя — герой и тут в борьбе. И тут нервы напряжены, требуется немалая выдержка. Неотступна память о пережитом, где жизненный размах и суета, радость и стрессы. В мозгу застрял визг тормозов. Сверкают табло ме-

Николай ЗАЙЦЕВ

ДВА РЕШЕНИЯ ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ

дицинских приборов. Сбивчивые ритмы джаза доносятся из больничных наушников.

В спектакле отчетливо проявилась присущая режиссеру Р. Агамирзяну эстетика контрастов. Контраст больничной палаты с ее лечебной тишиной — и тревожного воя сирен Скорой помощи. Контраст трех человеческих типов — трех разных людей, оказавшихся рядом в палате инфарктников. Столкновение добра и зла в нашем земном мире. И, наконец, сопоставление непрестанной моторности человеческой жизни — и вечной красоты цветущей природы, ее спокойного величия. Контрастность красок переходит в конфликтность характеров, в драматизм судеб, драматизм движущегося времени, нашего стремительного времени.

Бачана Рамишвили дан в разножанровых эпизодах его сознательной жизни, начавшейся в послевоенные годы: мальчик в горах, участник школьного спектакля, студент, вступление в партию, столкновения с хапугами, встреча с Марией, история со взяткой в редакции газеты.

Тут важны и воспоминания героя, и то, что происходит на наших глазах в палате.

Главный герой спектакля — коммунист современной формации, человек философического мышления и активной доброты. Этот образ — большая удача артиста Б. Соколова. Он насыщает образ и ярким национальным колоритом, и человеческой духовностью. Его Бачана — большой жизнелюб. Беды и потрясения героя — в прошлом. А сейчас он явно пошел на поправку. Он человек преуспевающий — многие его любят, тянутся к нему. Но именно его

прошлое, трудное, даже драматичное — залог его нынешней духовной силы, умудренности.

«Возвращение к жизни» — спектакль светлый. В нем много юмора. Красочный жанризм явственен даже в больничных эпизодах.

В спектакле совершаются два убийства. Заходит речь о жестоком насилии над красотой, над женщиной. О несправедливом аресте родителей героя в годы нарушения законности. Есть спор героя с комиссией по расследованию взятки. И все же эпизоды такого рода, всплывающие в памяти героя, не составляют непосредственного, единого конфликта. Это скорее «обозрение жизни», социальный, исторический фон душевных, нравственных переживаний Бачаны Рамишвили.

Бачана (Б. Соколов) красив, всем нравится, особенно женщинам. Конечно, пребывание в больнице убедило его в огромной ценности самой жизни как таковой. Но он ведь и до того отнюдь не отворачивался от ее радостей, — словом, особого перелома или высечения новых качеств в герое не произошло.

Произошло его самораскрытие. А это тоже не так мало.

В каждом эпизоде большой жизни героя виден извлеченный им нравственный урок, создается богатство жизненных впечатлений, которые и формируют героя как человека нашей эпохи. Он познал горькое и трудное, но от этого не согнулся, не очерствел, а лишь окрепли его мужество, его решимость, его совесть. В нем мы видим признанного общественного деятеля.

В финале Бачана Рамишвили выходит из больницы — обнов-

016.0359220
012.021010333

енный, освеживший. Он сердечно прощается с отцом Иораном, с медсестрой Женей. Бачана вновь почувствовал вкус жизни, даже с еще большей бостренностью.

Возвращение героя к жизни — это главное для постановки спектакля. Об этом говорит и само его название. А прошлое есть прошлое. С ним можно расстаться со смехом, улыбкой. В этом спектакле серьезное, драматическое, глубокое прихотливо уживается с комическим, жанровым, облегченным, почти эстрадным.

С иным акцентом — поэтическим — подошел к роману И. Думбадзе режиссер Ефим Падве, поставивший «Закон вечности» в Ленинградском Малом драматическом театре.

Е. Падве создал свою сценическую версию романа. Он режиссировал спектакль как притчу о современном интеллектуале. Его герой — гуманист. Он вообразил себя духовные богатства прошлого, остро чувствует беды настоящего и неколебимо верит в силу добра, за которым будущее.

Тут много значит участие художника Э. Кочергина. Спектакль идет на черном фоне. Голько поверху черноту «прочищает» ряд открытых софитов. Три койки с чуть приподнятыми изголовьями. Они — на большом ковре из овечьих шкур. Концы ковра натянуты на длинные, через всю сцену, жерди. Иногда шкуры поднимаются, образуя как бы полужаванес. В этих овчинах — почти библейский знак естества, самой природы, близости человека к природе.

Припоминается, что ковер из овчины был использован Э. Кочергиным и в спектакле «Тихий Дон» Г. Товстоногова. Там ме-

тафорическое содержание этого предметного образа имело ключевое значение. Здесь же он становится едва ли не перво-планнным, откровенно символическим.

У кровати — немногие больничные предметы: тумбочки, табуреты, судна.

Здесь люди в недуге. Здесь само солнце скорбит о болях земли. А солнцем становится лечебная лампа «солюкс».

Но и сам человек — это солнце. Когда он горд и добр, каким предстает герой спектакля Бачана Рамишвили, который сам может дать тепло другим людям, укрепить в них человеческое, высветить их красоту, выставить на позор подлость, стяжательство.

Притчевое качество спектакля — и во встречах героя с женщинами, которых он любил или знал. В образах женщин подчеркнуто нравственное, духовное начало. Тут и Христос, который привиделся герою во сне, дан в образе юной девушки, как олицетворение чего-то доброго, светлого, чистого. Христос (В. Миловская) дан не натурально, а мифологически, почти бесплотно. Не монументально, а в исполнении актрисы небольшого роста, одетой в рубище-мешковину, с густыми, темными волосами на пробор, глазами в обрамлении глубоких теней.

Спектакль исполнен контрастной светотени. Таков и звуковой его фон, когда, например, щебет птиц лирической сцены сменяется в драматические моменты криками ворона.

К сожалению, и в этом спектакле невнятным, проходным оказался эпизод расследования взятки, в которой уличен давний друг и заместитель Бачаны Рамишвили по редакции газе-

ты. А ведь именно это событие переполнило чашу нравственных испытаний героя.

На черно-белом графическом фоне относительным многоцветьем красок «Верийского квартала» выделяется история девушки Марго. Она в стареньком зеленом платье, в соломенной шляпке с искусственными цветами. Актриса В. Быкова акцентирует не патологию сумасшествия, а доброту героини, как проявление ее непосредственности и чистоты, и тем усиливается трагизм ее судьбы.

Сцены с официанткой Тамарой и сумасшедшей Марго обрамлены шумным мужским хороводом. Но веселые, бодрые пробежки этих дерзких парней по всей сцене и по зрительному залу не очень осмысленны.

В мужчинах, с которыми встречается герой, — больше бытового расчета, земного, даже обывательского. За исключением, может быть, только священника — отца Иорама (С. Мучеников), который в спектакле трактован уважительно, как достойный идеологический оппонент Бачаны Рамишвили.

Не вполне органичным оказалось присутствие в спектакле Ведущего, которому режиссер поручил дополнить сценическое действие стихами из «Витязя в тигровой шкуре».

Зато сам герой, Бачана Рамишвили, воплощен артистом А. Шалолашвили серьезно, сосредоточенно. Это большая, глубокая работа артиста. Он приоткрывает внутренний мир героя со спокойствием философа, бородатого мудреца. То библейское, притчевое начало, которое заложено в режиссерском и сценографическом решении, подхвачено и поддержано исполнителем центральной роли.

Герой предстает в рембрандтовском освещении — из темноты выступает лицо, ^{часть} фигуры. И это не только в смысле собственно изобразительном. Но и в освещении психологическом — актер не дает перепадов чувствований героя во всей их нюансировке, он акцентирует лишь главное в нем: мужество, силу, духовность.

Уместны ли притчевые, мифологические интонации в образе коммуниста, нашего современника? Уместны и возможны, если они укрупняют его нравственный масштаб, если помогают театру раскрыть его духовную чистоту и значительность, раскрыть богатый внутренний мир, активную человечность. В спектакле Малого драматического театра именно этого удалось достичь — и режиссеру Ефиму Падве, и актеру Александру Шалолашвили.

Когда отец Иорам снимает с себя крест и кладет его под подушку Бачане Рамишвили — это не просто знак душевного доверия пожилого священника к хорошему человеку. Это символический знак духовного, нравственного лидерства Бачаны — и в данном спектакле, и в жизни вообще.

Бачане приходится выдерживать натиск разного рода «присителей». К нему в редакцию приходит директор мехового комбината (Б. Бабинцев). Его наглость не знает границ. Другой взяточник врывается прямо в палату. Наконец, друг детства Вахтанг (артист И. Иванов), который стал вором. Он привез Бачане чемоданчик лекарств. Вахтанг пытается романтизировать свои недобровольные скитания по отдаленным местам. Но в нем больше позы, чем внутренней боли.

Существенна для спектакля сцена с «гуманоидом». В этом образе артист С. Бехтерев неожиданно находит тему маленького, честного человека. Он в укороченных брючках, с черными нарукавниками мелкого служащего, чтобы не протерлись рукава на локтях. Весь он — сама кротость. Я, мол, с планеты Гомос, заявляет пришелец. В его словах об ошибках и неверных ходах людей — не поучение, а сострадание. Что-то в нем есть и от «уменьшенного» князя Мышкина. Но какой же он инопланетянин — просто ему самому не очень уютно на родной земле.

По сравнению с жанровой многокрасочностью наполненности юмором спектакля «Воз-

вращение к жизни», поставленного Р. Агамирзяном в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской (на основе того же романа Н. Думбадзе), постановка Е. Падве «Закон вечности» отличается открытой метафоричностью, укрупненной символической, графичностью.

Для обеих сценических версий романа Н. Думбадзе важна присущая самому роману слиянность различных его пластов: непосредственной жизненной повседневности — и реальности духовной, воображаемой, поэтической: воспоминаний, видений, мечтаний, почти фантастических построений. И это придает произведению многомерность, масштабность.

ЗАЙЦЕВ Николай Васильевич (1922—1982). Окончил Ленинградский государственный университет. Автор книги «Правда и поэзия ленинского образа», монографии о драматургии Н. Погодина и Вс. Иванова, многочисленных статей о проблемах советского современного театра и кино, опубликованных в сборниках и журналах (в том числе — в Болгарии и ГДР). В последние годы работал над книгами «Театр Леонида Леонова» и «Патетика революции (Творчество Николая Погодина)».

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда верстался номер, пришла весть о смерти Николая Зайцева. Редакция выражает соболезнование семье покойного.

МОИ сверстники могут засвидетельствовать, чем было кино в нашей суровой послевоенной детской жизни. Фильмов в ту пору выпускалось мало, буквально несколько в год, но нам не казалось, что фильмов не доставало.

Мы в очередной раз шли смотреть картину, которую знали наизусть, чтобы еще раз пережить восторг от встречи с любимыми героями. Надо ли говорить о том, что мы во всем подражали этим героям, в реальном существовании которых не сомневались.

Вспоминая свои детские ощущения, я с уверенностью могу сказать, что не видела в то время ни одного плохого фильма.

Потом появились заграничные фильмы с незнакомыми нам актерами — и мы их тоже полюбили.

Я училась в университете, боролась с германистикой и все больше и больше влюблялась в кинематограф. Вот тогда-то я и увидела фильм «Элисо», добрый, искренний и мудрый. На меня, как и на многих, он произвел впечатление взрыва.

Мне уже, разумеется, было известно, что и «Элисо», и «Двадцать шесть комиссаров» поставил кинорежиссер Николай Шенгелая.

Кто-то сказал однажды, что испокон веку сын наследует от отца. Наследует не только имя, черты лица и характера, не просто дом, сад, бумаги, пожелтевшие от времени. Сын наследует отцовское место на земле. Наследует бремя жизни, свой следующий шаг в ней; здесь минус на минус никогда не дает плюс. Зато и общность созидания ярче освещает путь — и тот, что уже прой-

Русудан ТИКАНАДЗЕ

ЭСКИЗ ПОРТРЕТА ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛАЯ

ден, и тот, что набирает силу...

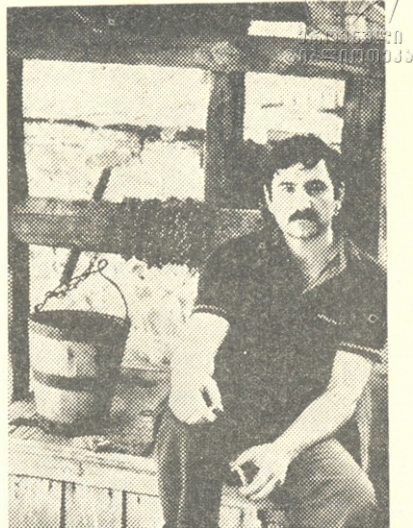
Георгий Шенгелая, как и его старший брат Эльдар, может быть назван потомственным кинематографистом. История советского кино еще столь невелика, что первое поколение, к которому принадлежали замечательный режиссер Николай Шенгелая и легендарная Нато Вачнадзе, находились у самых его истоков, а второе — еще сравнительно молодые люди, наши современники, создают картины, выходящие на экран сегодня.

Георгий заявил о себе в кинематографе ярко, талантливо. Как-то в маленьком просмотровом зале ВГИКа он показал свою дипломную работу «Алавердоба». Картину встретили восторженно и сразу полюбили. Искусство состоялось, и мы были счастливы.

Это были годы, когда в кинематограф пришли молодые силы, определившие новый подъем именно грузинского кино, — среди них был Георгий Шенгелая.

В «Алавердоба» режиссер сказал то, о чем еще долго будут думать грузинские художники, о чем будут говорить по-своему, но что будет одинаково заботить всех. Как и многие другие вслед за ним, он будет запечатлевать на экране белокаменные соборы как символы человеческого творчества, духовной связи поколений, непреходящей ценности, красоты и истины.

Это был сложный период. Кинематограф шестидесятых начинал тяготеть к освоению национальной стихии. Своим образом нового этапа заключалось в глубоком и плодотворном познании и изображении в искусстве основных про-

Георгий Шенгелая

исходящих в реальности процессов.

Часто истоками такого стремления служила литература. Молодого режиссера Г. Шенгелая привлекло творчество Г. Рчеулишвили, и не удивительно, ибо в этом тяготении сказалась близость людей одного поколения, одних убеждений и устремлений.

Авторское «я», доминировавшее в повести «Алавердоба», принадлежало не только автору, Гураму Рчеулишвили, но стало и режиссерским «я» Георгия Шенгелая. Потому-то столь органично прозвучали в фильме размышления об общих закономерностях человеческого существования — о жизни и смерти, потому-то столь единым и цельным оказалось отношение писателя и режиссера к изображаемому явлению.

Содружество Г. Шенгелая и Г. Рчеулишвили оборвалось

— писатель трагически погиб в самом расцвете таланта и сил. Поэтому режиссер отнесся к постановке как к завещанию: фильм должен был быть достойным автора повести, должен был оставить память о нем.

Фильм «Алавердоба» отличался от многих других. В нем ясно просматривались биографические элементы, а именно попытка понять себя, свое место в мире, а также право на активную позицию, на свой голос. Отсюда сложная собирательность центрального образа — «я» Рчеулишвили и Шенгелая, как бы идеальное «я» целого поколения.

Простой перечень фильмов Г. Шенгелая на первый взгляд способен вызвать некоторое удивление, произведения эти слишком несхожи, разнохарактерны. Это «Алавердоба», «Награда», «Мацц Хвития», «Пиросмани», «Мелодии Веррийского квартала», «Приди в долину винограда».

Диаграмма творчества режиссера предлагает странные зигзаги, каждый новый фильм словно стремится опровергнуть предыдущий, свидетельствует о новом увлечении, заявляет об особом подходе к материалу и неожиданных формах его экранного воплощения. Фильмы режиссера отличает то пристальный интерес к конкретным жизненным явлениям, пафос исследования и наблюдения, то увлеченность волшебным, сказочным, притчевым сюжетами, в которых современное ищет связи с вечными, общечеловеческими проблемами. Прочная привязанность режиссера к своему народу, к своей земле — вот что, вероятно, основное в его режиссуре.

В творчестве Г. Шенгелая как бы сошлись два противоположных направления истории кино — отображающее жизнь в формах самой жизни и моделирующее особую условную реальность, принадлежащую миру искусства. Исследование и вымысел образуют два потока, и только проникнув в смысл исканий художника, можно понять, что их разделенность мнима, что это два рукава одной реки.

Георгий вкладывает в фильм все — и веру, и труд, и надежду. Он не унывает при неудаче, а с сожалением говорит: «Этот фильм неудачен...» и думает уже о следующем, который наверняка будет хорошим. И следующий фильм оказывается очень хорошим.

Среди фильмов, рассказывающих о судьбах людей искусства, фильм Георгия Шенгелая «Пиросмани» занимает особое место. Содержание многих картин составляла биография художника, судьба его творчества. Кинематографу казалось соблазнительным проникнуть в творческую лабораторию художника, постичь скрытые процессы, познать те мгновения, которые именуют озарениями и которые являются собой итог долгих трудов и нечеловеческих мук.

Сказочный и реальный мир искусства Пиросмани предлагал множество заманчивых путей, легко будил фантазию, побуждал к смелым и неожиданным трансформациям жизненного материала. Создатели фильма не вняли легким подсказкам, но предложили единый ход, общее решение, в основе которого лежит идея творческого преобразования жи-

зненно-реального и художественного.

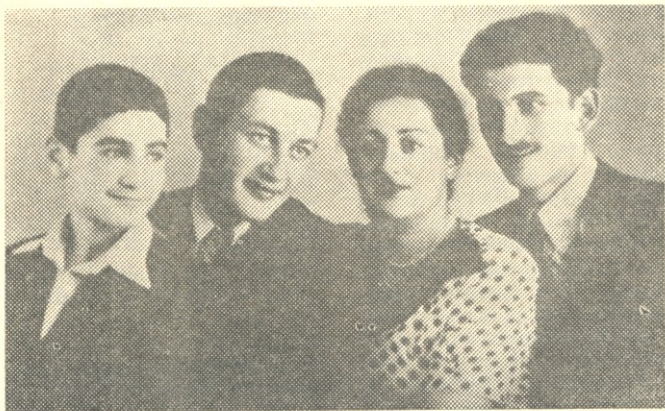
Зритель получает возможность увидеть окружающее глазами художника, щедро наделенного редким даром видения. Талант Пиросмани и благостен и жесток. Призвание владеет личностью полностью, не позволяет отступить ни на шаг или забыться — наивна, иллюзорна попытка стать лавочником, чуждое дело тяготит, ставит человека в непривычные и невозможные ситуации. Смысл существования в том, чтобы раздавать, а не присобрывать, дарить, а не продавать. Художник возвращает миру то, что берет у него, то, что угадывает и распознает в нем.

Кинематограф Г. Шенгелая принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не сразу, но со временем вербуют единомышленников.

Некоторые его фильмы были спорными, но в об-

щем всегда талантливыми. Нередко даже самые большие мастера работали на спрос зрителя. Но и в этом случае очень важно, чтоб режиссер верил в то, что даст зрителю в качестве истины. Вот этой-то веры и не ощущаешь в картине «Мелодии Верийского квартала». Но несмотря на это, она заслуживает серьезного разговора, ибо открывает новую страницу в истории грузинского музыкального фильма.

В истории советского киноискусства музыкальный фильм всегда занимал значительное место. Музыкальные кинокомедии, кинообозрения, оперетты являлись обязательной частью репертуара. Однако постепенно эти жанры подошли к тому барьеру, когда музыкальный фильм должен был, вновь обратившись к своим истокам, решить — является ли он только развлекательным, веселящим, дающим зрителю

Нато Вачнадзе с сыновьями. Крайний слева Георгий Шенгелая.

отдых зрелищем или ему доступны более сложная проблематика, более широкий тематический круг. К тому же синтетичность кинематографа могла позволить найти наиболее емкое выражение при создании необычных народных представлений, в которых музыка, хореография, вокал станут неотъемлемой частью общей драматургии, образуют целостный, художественный сплав.

Мечта стала явью, и появились мюзиклы, привлекшие к себе внимание, такие, как «Вестсайдская история», «Оливер», «Человек из Ламанчи», «Кабаре» и другие. Эти спектакли, а затем и кинокартины обозначили новую веху в истории музыкального фильма. Они становились событием, пробуждали внимание к острым социальным вопросам, звали к обсуждению философских проблем.

Любопытно то, что в фильме Г. Шенгелая сюжет не играет значительной роли. Сам по себе он неинтересен и достаточно банален. Сюжетные перипетии вряд ли способны поддержать интерес к данному произведению. Значительность успеха определяет прежде всего общая атмосфера фильма. Народ с его песнями, с его готовностью помочь ближнему, с верой в торжество доброго — вот истинный герой картины.

Георгий Шенгелая осмелился пойти на эксперимент. Риск несомненно оправдывает себя. Будет жаль, если строгие слова критики отвратят художника от продолжения работы в этом жанре. Необходима лишь большая требовательность к драматургической первооснове, больше доверия к народным традициям, и тогда, думается, режиссеру будет сопутствовать

успех, будут преодолены те, которые несамостоятельность ориентировка на чужие эксперименты, и зритель увидит яркие произведения, выросшие на ниве грузинской культуры, музыки, фольклора.

Мюзиклу доступно многое — и философская проблематика, и острая актуальность. Перспектива огромна, и фильм Г. Шенгелая открывает дорогу в будущее.

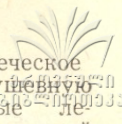
Но вот следующий фильм — «Приди в долину винограда».

Отход от документальности, наматившийся сразу после «Алавердоба» в творчестве Г. Шенгелая, явился, с одной стороны, следствием его личных, индивидуальных поисков, с другой — совпадал с общим развитием, общей направленностью исканий мастеров грузинского кино, стремившихся на данном этапе выявить диалектику эстетических связей экрана со смежными искусствами. Немалую роль сыграли и специфические, условные формы выразительности кинематографа.

Новый фильм, как представляется, есть своеобразный возврат к началу, попытка возвращения к тем задачам, которые ставил перед собой начинающий кинематографист. Но попытка, вобравшая в себя опыт иных предшествующих постановок.

Появление фильма Г. Шенгелая «Приди в долину винограда» является, на наш взгляд, именно таким неслучайным событием в развитии современного грузинского кино. Чрезвычайно показателен и сам путь режиссера к этой постановке.

Уже в «Алавердоба» весьма ощутимо было влечение режиссера к «конкретной насыщенности», к открытию смыс-

ла в самой реальности фактов. Но в той же работе легко увидеть и стремление к метафоричности, персонифицированности предмета и явления, становящегося предметом изображения. В фильме сильны экспрессивные решения, ярко и динамично проявляющие авторский подход к материалу. Следующая же работа режиссера демонстрирует прямой отход от документальности, стремление к эстетизации реальности, некоторое подавление кинематографиста избранным материалом. «Пиросмани» — фильм о художнике, и Г. Шенгелая пытается передать своеобразие видения своего героя всем комплексом кинематографической выразительности. Он смотрит на мир глазами Пиросманишвили. Мир резко субъективизируется, приобретает черты живописности, композиционной завершенности.

При постановке «Мелодий Верийского квартала» режиссер обращается к жанру мюзикла и, естественно, использует наиболее условные, театральные приемы для органичного воплощения собственного замысла. Танцующий и поющий мир, водевильные ситуации выступают на экране в общей приподнятой и карнавальской атмосфере.

Таким образом, «Приди в долину винограда» — это возврат к реальности, к реальным событиям, к современности.

Что здесь важно? В суете будней, в потоке деловых отношений можно потерять главное — внимание и уважение к стоящим рядом. Не в потрясающем, героическом, невиданном пытается режиссер от-

крыть простое, человеческое и не необычайную душевную красоту или освященные легендами свойства человеческой личности ищет в тех, о ком взялся повествовать. Георгий Шенгелая предлагает рассказ о жизни как она есть, и эта точка зрения (не во всем положительно реализованная) является симптоматичной для современного искусства. Это особое задание во многом определяет всю систему повествования, и если художественное решение временами оказывается несколько сбивчивым, то это лишь потому, что режиссер выходит на новые рубежи исследования, проводит серьезные испытания, стремясь донести эксперимент до зрителя.

Поисковый характер работы Г. Шенгелая очевиден. Временами отстранение материала выглядит несколько навязчивым, чрезмерно подчеркнутым, однообразным. Временами сама драматургия предлагает решения, противоречащие принципиальности замысла, включает в сознание прямые ассоциативные связи с традиционными решениями.

Фильм «Приди в долину винограда» не собрание новелл, но разветвленная панорама разветвляющихся событий. Отдельные фрагменты (иногда совсем небольшие) одной истории монтируются с другими, представляя происходящее не в логической завершенности, а в последовательности течения. В рассказе нет заведомого деления на существенное и второстепенное, все одинаково важно для раскрытия режиссерского замысла — и исто-

рия соблазненной девушки (самая искусственная история), и поездка к храму главного инженера с семьей, и разговоры в правлении, и строительные перипетии, а также застолье, семейные сцены и цепь встреч главного инженера со старым крестьянином. Кажется бы, режиссер нашел свой стиль, тема нашла свою модель воплощения. Но новая работа Г. Шенгелая совместно с М. Чиаурели «Девушка со швейной машинкой» вновь, быть может, заставит увидеть новый поворот в его творчестве, загадает новую загадку. И это не эпатаж, не стремление поразить, а внутренняя потребность художни-

ка в постоянном поиске, нежелание останавливаться по вторять уже пройденное. В этом счастливая особенность творческой личности, обещающая многое.

Быть художником — еще не все, даже если это большой художник, нужно еще быть работником. Георгий Шенгелая принадлежит к числу именно таких кинематографистов. В непрерывном и постоянном труде он и не заметил, как стал одним из лучших режиссеров советского кино. И он, конечно же, создаст еще не один превосходный фильм, потому что, хотим мы того или нет, каждый год бывает весна.

ТИКАНАДЗЕ Русудан Васильевна. Окончила филологический факультет МГУ и киноведческий факультет ВГИКа. Занимается проблемами современной режиссуры. Автор книги «Грузинское кино... Проблемы, искания» («Хеловнеба», 1978). Печатается во всесоюзной и республиканской прессе.

**ОРДЕН ЛЕНИНА НА
ЗНАМЕНИ ТБИЛИСИ**

В ТБИЛИСИ в Большом зале Грузинской государственной филармонии состоялось торжественное заседание, посвященное вручению столице Советской Грузии высокой награды Родины — ордена Ленина.

Здесь собрались представители партийных, общественных организаций, трудовых коллективов и воинских частей Тбилисского гарнизона, ветераны партии и труда, знатные люди города, гости из городов-побратимов — Баку, Еревана, Свердловска.

Бурными аплодисментами встретили участники заседания члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе. В президиуме — товарищи Г. А. Андроникашвили, П. Г. Гиладшвили, Г. Н. Енукидзе, А. Н. Инаури, Д. Л. Картвелишвили, Г. В. Колбин, О. Ф. Кулишев, Т. Н. Ментешавили, Д. И. Патишвили, Т. В. Ростиашвили, С. Е. Хабишвили, О. Е. Черкезия, Н. А. Читанава, З. А. Чхеидзе, Б. В. Адлейба, Т. И. Мосашвили, И. Н. Орджоникидзе, В. Р. Папунидзе, Ф. С. Санакоев, заведующий сектором ЦК КПСС В. А. Кондратьев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Грузии В. М. Сирадзе, председатель исполкома Тбилисского городского Совета народных депутатов Г. Д.

Габуния, руководители делегаций, прибывших на торжества в Тбилиси, и другие.

Торжественное заседание вступительным словом открыл первый секретарь Тбилисского городского комитета Компартии Грузии Т. Н. Ментешавили.

На заседании с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС К. У. Черненко.

Под бурные аплодисменты участников торжественного заседания К. У. Черненко прикрепляет высокую награду Родины — орден Ленина — к знамени Тбилиси.

От имени трудящихся Тбилиси на собрании выступил первый секретарь Тбилисского горкома партии Т. Н. Ментешавили.

На вечере также выступили бригадир Тбилисского производственного объединения имени 50-летия СССР, депутат Верховного Совета СССР Л. О. Размадзе, Герой Советского Союза, доктор искусствоведения, профессор И. Н. Цицишвили, первый заместитель командующего войсками КЗакВО генерал-лейтенант М. М. Соцков, первый секретарь Бакинского горкома партии В. А. Гусейнов, первый секретарь Ереванского горкома партии Л. Н. Нерсисян, председатель Свердловского горисполкома П. М. Шаманов.

На вечере выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе.

Для участников торжественного заседания был дан большой праздничный концерт.

«ТБИЛИСОБА» — ПРАЗДНИК ВСЕНАРОДНЫЙ

В СТОЛИЦЕ Грузии прошел ставший уже традиционным праздник «Тбилисоба». И хотя этому празднику всего четыре года, но у него есть уже своя история, свои традиции. Непохожим на предыдущие он стал благодаря состоявшемуся накануне событию — вручению Тбилииси ордена Ленина.

Выдающийся характер придадо «Тбилисоба» и участие в нем именитых гостей. На празднике побывал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. Вместе с ним были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, другие руководители республики, делегации городов Баку, Еревана, Свердловска, прибывшие в Тбилиси на торжества.

Праздник труда вылился в коллективный рапорт тружеников республики о победах, свершениях, планах на будущее.

В торжественной обстановке прошла церемония посвящения лучших людей столицы в почетные граждане. Над площадью Братства звучат имена выдающейся актрисы С. Такашвили, президента Академии наук Грузии Е. Харадзе, токаря Г. Гачечиладзе, поэта К. Каладзе, народного художника СССР У. Джапаридзе.

Первый секретарь Тбилисского горкома партии Т. Н. Ментешавили поздравил со званием почетного тбилисца наших земляков, ныне живущих в других городах страны, — дважды Героя Социалистического Труда, президента Академии наук Армении В. Амбарцумяна, известного азербайджанского дирижера и композитора,

народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Ниази, лауреата Государственной премии И. Тоидзе, директора Института востоковедения Академии наук СССР, академика Е. Примакова.

Древняя площадь Рике — эпицентр праздника. Полноводной рекой вливается в нее квартал Рике. Он окружает площадь домами, приглашает переступить пороги абхазской пацхи, осетинской сакли, месхетской дарбази, сванской башни...

Весь город стал участником замечательного праздника, чествующего людей труда.

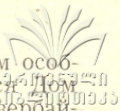
ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

В ТБИЛИССКОМ академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 170-летию со дня рождения великого сына азербайджанского народа, писателя и философа, крупного общественного деятеля Мирзы Фатали Ахундова.

Представители многих национальностей нашей страны собрались в этот вечер, чтобы отдать дань любви и уважения замечательному представителю азербайджанской литературы.

В президиуме юбилейного вечера товарищи Э. А. Шеварднадзе, Г. Н. Енукидзе, Г. В. Колбин, Т. Н. Ментешавили, С. Е. Хабишвили, О. Е. Черкезия, Т. И. Мосашвили, члены делегации Азербайджанской ССР во главе с секретарем ЦК КП республики Г. А. Гасановым, руководящие партийные, советские, комсомольские работники, видные деятели науки и культуры.

Юбилейный вечер вступительным словом открыл секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе.

* * *

В Тбилиси, в старинном особняке над Курой, открылся Дом дружбы грузинского и азербайджанского народов. Некогда этот дом построил почетный гражданин старого Тифлиса Мирза Фатали Ахундов. Волнующим событием стало открытие этого Дома-мемориала.

На открытии Дома дружбы выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе.

* * *

В живописном сквере на улице Леселидзе столицы Грузии воздвигнут памятник великому сыну азербайджанского народа Мирзе Фатали Ахундову. В митинге, посвященном этому событию, приняли участие товарищи Э. А. Шеварднадзе, Г. Н. Енукидзе, Г. В. Колбин, Т. Н. Ментешавили, С. Е. Хабеишвили, О. Е. Черкезия, секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Гасанов, заведующие отделами ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе, Ж. К. Шартава, Н. Ш. Энделадзе, второй секретарь ЦК КП Грузии Н. В. Гургенидзе.

* * *

Богатая экспозиция, рассказывающая о жизни и деятельности М. Ф. Ахундова в Тбилиси, его близких и родных, друзьях и единомышленниках, была развернута в Музее дружбы народов Академии наук Грузии. Здесь же состоялась научная сессия, посвященная 170-летию со дня рождения М. Ф. Ахундова. Ее организовали Музей дружбы народов, Институт истории грузинской литературы имени Ш. Руставели, Институт философии, Институт востоковедения имени академика Г. В. Це-

В своем выступлении он особо подчеркнул, что творчество и деятельность М. Ф. Ахундова созвучны нам и сегодня пафосом противостояния всяческим пережиткам, религиозному фанатизму и деспотизму, угнетению и рабству. Круг его устремлений был необычайно широк, охватывал и научную пропаганду материалистических идей, и попытки утвердить демократические принципы социальной жизни, и создание реалистической литературы, и радикальную реформу азербайджанской письменности.

Приехав в Тбилиси юношей, он навсегда связал свою судьбу с этим городом. Здесь он близко сошелся с людьми, определившими нравственный и духовный климат своего времени.

О большом значении творческого наследия Мирзы Фатали Ахундова говорили на вечере секретарь правления Союза писателей Грузии, член-корреспондент Академии наук республики Г. Цицишвили, кандидат философских наук В. Гогуадзе, народный артист Грузии, художественный руководитель и главный режиссер Академического театра имени Марджанишвили Т. Чхендзе и другие.

На вечере также выступил секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Гасанов, отметивший, что нынешний праздник войдет новой яркой страницей в летопись дружбы и сотрудничества двух наших народов, в историю многонациональной советской культуры.

В заключение юбилейного вечера состоялся большой праздничный концерт с участием мастеров искусств Грузии.

ретели АН республики, факультет востоковедения ТГУ.

На сессии выступили вице-президент Академии наук Грузии, академик АН республики Г. Джибладзе, профессора К. Пагава, Н. Шалуташвили, кандидаты филологических наук Л. Эрадзе, В. Джангидзе и другие.

В работе сессии приняли участие секретарь ЦК КП Грузии Г. Н. Енукидзе и секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Гасанов.

НА РОДИНЕ Д. КЛДИАШВИЛИ

В СЕЛЕ Зеда-Симонети Терჯольского района Грузии состоялись юбилейные торжества, посвященные 120-летию со дня рождения известного грузинского писателя Давида Клдиашвили.

Здесь, на родине писателя, прошло торжественное открытие реконструированного дома-музея Д. Клдиашвили.

После осмотра экспозиции, развернутой на первом этаже музея, гости из Москвы, Киева, Ленинграда, Еревана и Баку встретились с бессмертными героями писателя — сельские любители сцены и

актеры Кутаисского театра имени Л. Месхишвили показали сцены из произведений Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили», «Счастье Ирины», «Невзгоды Дариспана».

В районном центре состоялось открытие памятника Д. Клдиашвили (скульптор Л. Мхеидзе, архитектор Г. Тодадзе).

Состоялся митинг, на котором выступили первый секретарь Терჯольского райкома партии А. Бурджанадзе, секретарь Союза писателей Грузии Д. Чарквиани, председатель правления Союза художников Грузии Э. Амашукели, писатели Р. Джаларидзе и Л. Саникидзе и другие.

В Картинной галерее была развернута выставка «Давид Клдиашвили и грузинская сценография». Участникам торжеств были вручены красочные брошюры, изданные к юбилею, и буклеты о жизни и творчестве писателя.

В юбилейных торжествах приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Д. Л. Картвелишвили и секретарь ЦК Компартии республики Г. Н. Енукидзе.

Сдано в набор 24.IX.82 г. Подписано к печати 25.XI.82 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 01280. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11, 97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 8300 экз. Заказ № 2296. Адрес редакции 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

26-82

82-2/1
საქართველოს
საბჭოთავო
საგარეო
აღმოსავლური
კავშირების
მინისტრო

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

З. Г. АБЗИАНИДЗЕ, Р. Н. АСАЕВ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Г. П. ДОЧАНАШВИЛИ, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Э. Д. КВИТАИШВИЛИ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, О. Ф. НОДИЯ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. Р. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14

65 კ

ИНДЕКС 76117

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

